

"Влюблюсь (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

POV Женя

Онемевшие от холода пальцы отказывались держать карандаш. Я продрог до костей. Волосы цвета спелой пшеницы потемнели от влаги, а и без того бледные губы совсем потускнели. Кеды промокли, что приносило ужасный дискомфорт. Я постоянно шмыгал носом и уже прекрасно знал, что ожидает меня дома. Ведь малейшее охлаждение после сказывалось на моем здоровье, либо брата — иммунитет у нас обоих ни к черту.

Организм часто бунтовал против меня, порой вообще казалось, что тело вовсе не принадлежит мне, а душа случайно попала в капкан брэнного потребительского жилища. Вот и сейчас мои потребности заставляли меня отвлечься от любимого занятия. Я нехотя встаю, складываю альбом с эскизами, набросками. Засовываю все в просторную мешковатую сумку и, перекинув ее через плечо, иду в кафешку.

Сегодня мой самый ненавистный день в году — день пустых обещаний и громких слов, банальных свиданий и розовых соплей. Милых открыток, да, именно милых, ведь красивыми их назвать у меня не повернется язык. И красоты я не вижу в безвкусных красно-розовых сердечках с заезженными фразами.

Сегодня тот день, когда о любви говорят потому, что принято. Потому что так все делают, и так просто нужно. Именно, мать его, сегодня. И все чертово кафе оформлено в стиле дня влюбленных. Это напрягает, но я так голоден, что мне абсолютно плевать даже на то, что мой кофе принесли в розовой кружке и вручили подарочный кекс с красной глазурью и россыпью конфетти в форме сердечек.

Я пытаюсь согреть руки, чтобы закончить рисунок, над которым я работаю около недели. Он должен быть просто идеален до последнего штриха, ведь я очень скрупулезен.

Ненавижу 14 февраля, всеми фибрами души ненавижу. Ненавижу зиму, ведь по большей части она убивает красоту города, убивает все яркие краски, делая все черно-белым и мрачным. Меня не прельщает теплый плед и чашка чая дома у батареи. Я люблю природу, зеленую густую крону деревьев, мягкую траву и песок, глину, мять ее в руках, чувствовать себя создателем, шум волн, шелест листьев на ветру. Могу сидеть долгие часы, наблюдая за летним дождем, за сильной грозой. Звуки грома ласкают мои уши, они доказывают, что не все подчиняется людям, что есть хоть что-то, что происходит вне зависимости от того, хотим мы этого или нет. Как и сегодняшний день. Сколько бы я не поносил его, он все равно настанет. И я прекрасно понимаю, что возмущаться глупо, и мне не пятнадцать лет, однако мое внутреннее «я» протестует, а быть может, тупо завидует.

Напротив меня сидит парочка, ей с виду лет шестнадцать, и она вся витает в облаках и ждет своего принца, свято веря, что именно он сидит по правую сторону от нее. У него же лицо, словно ему врезали сковородкой, и праздник нравится не больше, чем мне, но он хочет добиться маленькую мисс Недотрогу, потому сидит и терпит все эти бантики и рюшечки, розовые сопельки и романтическую кавайность. Миловидная блондинка хлопает длинными ресницами, наивно смотрит на него своими огромными голубыми глазами, втирая какой-то бред бедному пацану, который сидит и, отворачиваясь периодически, глубоко вздыхает и прикрывает глаза — он явно уже на грани нервного срыва. А я, видя всю эту картину маслом, злорадно посмеиваюсь внутри и вливаю безумно горячий кофе в пустой желудок.

И это все не пафос, я не пытаюсь абстрагироваться, никогда не считал себя лучше других. Я

типичный студент МГАХИ. Живу в Москве, в самой обыкновенной трешке с матерью и младшим братом. Рисую, сколько себя помню, всегда, везде и очень много. Та же ситуация и с фотоаппаратом: он всегда со мной, мой друг и помощник.

По большей части молчалив, мечтать не умею, да и не пробовал.

Друзей почти нет, кроме Марка и Светки. Мы с садика вместе, первые шаги, проступки, наказания, шалости и радости всегда втроем, неизменно.

Никогда не любил в том самом розовом смысле, и нет, я не девственник, и мой первый секс был с парнем. И я весь неправильный, как говорит Света, от кончиков длинных волос до кончиков ухоженных длинных пальцев.

Невыносимо привередливый, помешанный на запахе красок и сигаретах. Черный цвет — мое все, хотя на других я регулярно ропщу, что они бесцветны и неинтересны. Обожаю пирсинг и тату, но свое тело не трогал, почти. Лишь серьга в ямке подбородка и пара колец в ухе. Тату я обязательно сделаю, но не знаю когда. Ведь оно должно нести смысл, хоть какой.

И это мой огромный минус, как ругается Марк, ведь я всегда выискиваю что-то глубокое в рутине. Ищу подтекст, объяснение, причину, когда порой этого просто нет. Придираюсь к словам, прошу обосновывать поступки и вообще часто спорю. Грызу карандаши, которыми рисую. Громко ругаюсь матом, когда те все же ломаются из-за того, что я в своей задумчивости переусердствую зубами. Пью литрами кофе и часто болею. Безумно люблю мать и часто рисую отца, который умер от рака три года назад. Это грустно, это терзает, а мой кофе закончился...

Зову официантку, заказываю еще кружку. Достая альбом и смотрю на творение своих рук. Один лист вдоль и поперек испещрен неровными линиями, но если присмотреться, то можно увидеть, что это небрежный набросок здания напротив моего дома. Откладываю его в сторону и встречаюсь с по-детски добрыми глазами брата, что смотрят на меня с альбомного листа. Я часто рисую его, ведь подобную невинность редко можно встретить у зрелых, взрослых людей. Я знаю, что он скоро вырастет, и эта искра небесно-голубых глаз исчезнет, ее выбьет суровость будней, безжалостность жизни, что испытывает нас. Еще буквально пару лет назад я со страхом смотрел на него, тихо молясь, чтобы его не сломала потеря отца, чтобы он не забыл маленькие радости жизни, не отвернулся от всего мира. Набросок сестры Марка, которую я обещал нарисовать в подарок. Пара эскизов природы, портретов, один натюрморт. Настроение изменилось, как и всегда, и теперь я не желаю заканчивать тот рисунок. Мне срочно нужна идея. Свежая, яркая...

В поисках неё утыкаюсь в окно, жадно шарю глазами по улице, проходим. Автомобилям и бездомным животным. Серая облезлая кошка трется у столба с объявлениями, жалобно мяукая, пытаюсь привлечь внимание равнодушных прохожих. И в этой кошке, а может, и вовсе кот это, я вижу себя. Одинокого, в большом шумном мире, полном таких же гуманоидов, как я. И этот столб...

Он притягивает мой взгляд, подзывает. Нестерпимое желание вспыхивает и подхватывает меня. Я встаю и спешно собираю свои вещи. Подходит официантка, непонимающе глядя. Я всовываю ей купюру в руки, не требуя сдачи, пусть будут ей чаевые. Выскакиваю на промозглую улицу, иду к тому самому стенду с ободранными бумажками. Он влажный и уродливый, насквозь пропитанный липким клеем, сыростью и чернилами. С пару минут стою и просто смотрю на него, глаза пытаются отыскать хоть что-либо в этой неразберихе из букв и цифр. Кто-то продает или покупает, ищет, просит, умоляет помочь. А я? Что нужно мне?

Вокруг все так же, и я все тот же. Вроде...

Но чувствую себя я, как эта кошка. Стою, словно незаметный, у столба.

Мимо проходят смеющиеся, безразличные ко мне люди. Они дарят улыбки, они говорят глупости, обижаются и ждут извинений, спешат на встречи, стирают бедные клавиши телефона, печатая СМС, они влюбляются... Они, черт его дерь, любят... И я хочу, отчаянно, безнадежно. Какая ирония судьбы — я, придурок, смеюсь над теми, кто имеет то, чего нет у меня.

Меня резко выворачивает эмоционально. Это осознание? Это, может, трезвость ума? Я прозрел? Поумнел? Повзрослел? Или наоборот, пошла деградация. Я стану таким же, как все, глупым романтиком, сопливым, влюбленным болваном. Но счастливым... шепчет подсознание, руки ищут альбом, безжалостно выдирают листок. Я беру карандаш, чувствуя себя умственно отсталым заранее, ведь то, что я сделаю, вряд ли можно назвать нормальным.

Прикладываю бумагу к стенду и пишу аккуратные восемь печатных букв — В Л Ю Б Л Ю С Ь. А ниже девять раз свой номер телефона.

Я жалок, я презретен, я сошел с ума. И я вообще не верю, что найдется хоть один человек в этом городе, кто из интереса откликнется, или хотя бы, чтобы поиздеваться и проверить, кто тот идиот, что написал вселенского масштаба глупость. Плевать. Вот и проверим.

Пара капель клея, приглаживаю пальцами, и вот оно, объявление, пока еще не потрепанное, белым пятном выделяется на сером фоне стенда. Стыдливо ретируюсь с места преступления. Бегу домой, спотыкаясь и хлюпя промокнутой обувью. Заскакиваю в подъезд, на ходу растирая замерзшие руки. С третьей попытки попадаю в замочную скважину.

Дом, тепло, уютно и никто не трогает. Мое убежище, мой родной уголок. Мать на работе, брат явно у соседки. Скинув сырую одежду, надеваю любимую безразмерную майку, домашние штаны и теплые вязаные носки, сажусь на подоконник и закуриваю, приоткрыв форточку.

Даже не подозревая, что скоро моя жизнь изменится.

===== Глава 2. =====

POV Рома

Сидеть в одной позе не слишком удобно, да и порядком холодно — на дворе не май месяц же. Подоконник, на котором я сижу, узковат, однако задница моя спокойно влезает, если постараться. В наушниках — капельках алого цвета — орет музыка, я бы сказал оглушающе, но именно так я и люблю слушать ее, ибо громкость прогоняет ненужные мысли. Женский голос что-то доказывает под ритмичную музыку. А я сижу себе с сигаретой в руках и мотаю ногой в такт, как и головой... Отросшая донельзя модельная стрижка лезет в глаза, эти черные пасмы давно просятся к парикмахеру, но мне лень, как и всегда. Чайник оповещает о том, что закипел, протяжным свистом. Выкидываю скуренную до фильтра сигарету и захлопываю окно.

Делаю огромную кружку чая, бесстыже краду пряник у младшей сестры и иду к себе в комнату.

— Ром, а Ром, у тебя, скотины, когда совесть проснется? — слышу недовольный голос Марины, что-то меня быстро рассекретили. Злорадно посмеиваясь, попиваю чаек, когда она таки

вваливается в мою обитель зла. Поясняю почему. Комната сделана скорее как мини-студия. Несколько гитар, вполне себе стоящий усилитель со всеми вытекающими. Тут техники больше чем чего... Окно у меня высокое, французское. Правда, ночные черные шторы закрывают его почти всегда. Да и цвета тут от насыщенно-шоколадного до черного, мрачно и просто ахуенно.

— Я и совесть не совместимы, Марусь, не совместимы, — вечная ирония в голосе. Маска приросла к лицу за последние семь лет. Наглухо, как литая, сидит, даже родные не видят.

— Я тебе гитары твои нахрен переломаяю, если еще раз Марусей меня назовешь, — угроза... М-м-м, часто слышу подобную хрень. А на деле не ощутил ни разу.

— Удачи тебе, Мару... — не успел договорить, как получил леща, смачного такого с чудным звуком.

— Зря ты это сделала, в курсе? — прищуриваюсь, ставя чашку от греха подальше.

— В курсе, — растеряла она весь пыл и дала стрекоча из моей комнаты. Догнал ее я легко и отомстил в своем же духе. Забрал у нее планшет, телефон и айпад с ноутбуком. Пусть теперь голубей с письмами своему любимому посылает.

Закрыв комнату на замок, дабы бестия не перевернула тут все вверх дном, надел обратно наушники и зашел на свой аккаунт во ВКонтакте. Ничего интересного для себя не увидел, нового не узнал... кроме того, что сегодня намечается неплохая вечеринка у моего знакомого. Тот, правда, меня лучшим другом считает, но это, грубо говоря, его проблемы.

Друзей у меня нет, я имею в виду настоящих. Я вообще не люблю людей, я злой, одинокий. И если сравнивать себя с животным, то я скорее буду волком. Не любил, не страдал от потерь, не страдал, пожалуй, вообще. Мне просто плевать, всегда на все и всех. Внешне.

У меня в голове особенные тараканы, они помешаны на музыке, обожают дым сигарет и адреналин. Скорость, жару и дикий холод, когда сковывает дыхание. Сильные дожди и грозы, пасмурное небо. Обожаю хищных птиц, особенно их взгляд. Когда был маленьким, пытался научиться такой же пронзительности. Люблю свои глаза цвета горького шоколада, а в остальном на свое тело мне пофигу. Полностью...

И да, я люблю дорогую одежду и в основном одеваюсь в черный цвет. Люблю кучи блядских побрякушек. Бусинок, цепочек, пряжек. Браслетов, колец и палантинов. Отец называет меня «Чертовым смазливый ублюдком, но талантливый». А из его уст это настоящий комплимент. Играю на гитаре с детства, сразу потому что батя заставил, ведь он был не малоизвестен в наших кругах, а после втянулся, в данный момент без гитары не могу и дня, как и без музыки вообще. Абсолютный меломан, слушать могу все, главное, чтобы нравилось. Предпочитаю качество количеству, люблю звонкий женский вокал, порой сам подпеваю. Даже пара каверов есть...

После школы не учился нигде. Не потому что не брали, просто не хочу. Работаю у мамки моделью, у нее свое агентство, а так как деньги мне нужны, приходится иногда «покривляться на камеру». За внешностью моей следит она же, хоть мне и 24 года.

Покрутившись на кресле вокруг своей оси, решил, что сидеть в четырех стенах — каторга для меня в данный момент. Сегодня же самый debilный праздник в году и вечеринка в честь него. Зачем туда хожу, сам порой удивляюсь. Не пью почти никогда, ведь пить надо с теми, кого уважаешь, а я не уважаю там никого. Да и алкоголь на меня странно действует, я как на исповеди все выложу, главное — напои.

Скурив не одну сигарету и прослушав около десяти треков, я наконец дошел до места назначения. Возле облезлого стенда с объявлениями меня ждал Олежек, тот самый якобы друг.

— Что ты там высматриваешь? — приподнял бровь, достав один наушник из уха.

— Да вот, любопытную бумажку увидел, — ухмыляется, повернувшись ко мне.

— Пошли давай, объявления он смотрит, — фыркаю, даже не глянув, что там, и тяну его за собой. Тот срывает со стенда свежий с виду листок и машет перед моим носом. Влюблюсь... Дурость редкостная, стебется кто-то — сто процентов. А этот кретин ведется на подобную херню. Молча шуруем к месту дебоша. Заваливаемся в заказанный им на вечер клуб. Я сразу же нахожу себе место поудобнее на широком, однако мягком диване из красной кожи. Передо мной на столике уже стоит куча всякой дряни. Ну и хуй с ней, употреблять все равно не стану. Народ потихоньку подтягивается, все лица знакомы мне, и я сладко улыбаюсь одними губами. Глаза холодны, в них нет подлинных эмоций.

Вечер проходит с размахом, это в самом деле весело. Могло бы быть, если бы мне было это интересно. Музыка довольно неплохая, люди вроде симпатичные, а меня не торкает. Осматриваю зал в поисках хоть чего-нибудь, что зацепило бы мой взгляд. Вдыхаю едкий сигаретный дым, все тело, кажется, уже вибрирует от громкой музыки, взгляд скользит по столу. Пара бутылок, полупустые стаканы и промокший от виски листок того самого объявления. Затянулся. Прикрыл глаза...

Выдыхаю, глаза возвращаются к нему же... Одно единственное слово и номер. Для чего человек пошел на подобный шаг? Безднадежность? Или тупой стеб? Я был почти уверен, что оно написано девушкой, ведь буквы были аккуратны, красивы. И бля... мне стало интересно. Подцепив пальцами, вбиваю номер в телефон, а бумажку поджигаю и бросаю в пепельницу. Если это развод — пошлю на хуй. А если нет... почему бы и не узнать, что за одинокая душа написала это?

===== Глава 3. =====

POV Женя

Уже полночь... Сажу у окна, наслаждаясь тишиной.

Темно... Лишь ярко-оранжевым светится кончик сигареты.

И дым... дым... дым. Завораживает.

Прикрыв глаза, глубоко в себя втягиваю долбаный никотин. Горло запершило, все же простыл... хреново. Тянусь скинуть пепел... Телефон завибрировал в кармане настолько неожиданно, что я выронил сигарету на полпути к заветной чаше в виде дракона. Чертыхаясь, поднимаю ту и начинаю судорожно сдвигать пепел с ковра. Мать по голове не погладит за такое.

«Все настолько безнадежно?» — звучит СМС с незнакомого номера. Неужели мое объявление привлекло хоть кого-то? И что ответить? Нет? Да? Я сам не знаю, блять, настолько ли все безнадежно у меня...

«Что побудило тебя сделать такой вывод?» — вопрос для обоих полов — это раз. И вроде как хорошо звучит — это два... нет?

«Объявление — стеб?» — быстро пришел ответ.

«Нет».

«Последний шанс?» — В какой-то мере, но я не признаюсь в этом никому, даже себе.

«Скука», — решил я ответить полуправду.

«Необычный способ развеять скуку, не находишь?» — Нахожу, а еще это глупый способ, хоть и креативный в чем-то.

«Трудно не согласиться, я Женя», — решил начать знакомство, интересно все же, кто пишет.

«Рома. Я не разбудил?» — парень, значит. Интересно...

«Нет, я ложусь очень поздно, а встаю очень рано», — быстро отписываю. И закурываю от нетерпения. Зацепило, честно. Просто вот так общаться с незнакомым человеком.

«Всего пара часов сна, как это мне знакомо. Учишься?» — Улыбаюсь, я знал, что не один такой сплю от трех до, максимум, шести часов.

«Последний курс МГАХИ», — печатаю и затягиваюсь блаженно.

«Творческая личность?» — О да, не то слово.

«Да, этим я живу», — и так оно и есть.

«Чем занимаешься?» — Сейчас? Уточнение бы, неохота выглядеть глупо.

«Рисую, почти всегда. Это — учеба, работа, хобби», — надеюсь, я правильно его понял.

«Мило», — краткость — сестра таланта? Чушь. Ненавижу короткие ответы в одно-два слова.

«Чем занимаешься ты?»

«Музыкант до костного мозга». — Вот как, значит, люблю пианистов, был один у меня. Очень чуткий, интересный парень. Правда, излишне мягок, не мой типаж, к сожалению. Мне бы музыканта, да остервенелого. Меня нужно уметь ставить на место, ибо иногда заносит.

«Учишься?» — надо же как-то подвести разговор к возрасту. Обычно я общаюсь либо со сверстниками, либо с людьми старше. Тех, кто младше меня, я очень редко понимаю.

«Нет, после школы решил, что это уж точно не мое. Плохо поддаюсь дрессировке. Потому в свои 24 года имею лишь среднее образование. Большого мне и не нужно», — очень заманчиво. Остро, я бы сказал. Я даже на миг представил, что там за личность. Вероятно, бунтарь, высокий, темноволосый, с пирсингом и в потертых джинсах. Покрутил штангу в губе с улыбкой.

«Интересная позиция. И я тебя понимаю, нужно делать лишь то, чего действительно хочешь». — Спросит ли про возраст? Или решит, что раз последний курс, то не младше двадцати?

«Это сложно, постоянный прессинг родни порядком достал». — Не мой случай, моя мама — милейший человек на этой грешной земле, добрая, отзывчивая и несчастная. Как бы печально

это ни звучало, ведь братишка регулярно болеет, отца потеряли, и я далеко не подарок, хотя ради нее очень стараюсь. Только ради нее...

«Отец?» — спросил первое, что пришло на ум. Обычно удел мужиков прессовать, матери, как правило, поучают.

«Сразу он, теперь мать. Заставляет работать моделью у нее», — вот как, там весьма симпатичный экземпляр, оказывается, в придачу. Не то что бы внешность была у меня на первом месте. Но согласитесь, что с неприятным вам внешне человеком желания общаться крайне мало.

«Вероятно, у тебя хорошие данные», — опиши себя, пожалуйста... Закуриваю в ожидании.

«Не жаловались. Брюнет, кареглазый, высокий, спортивный». — Ох, мать... Прочь, воображение, прочь. Но набросок завтра сделаю, обязательно.

«Волосы пшеничного цвета, глаза темно-синие, рост чуть выше среднего, телосложение обычное», — зеваю и выкидываю бычок в приоткрытое окно, вздрагиваю от порыва ветра.

«Звучит неплохо. Если спрошу, сколько тебе лет, будет слишком грубо?» — Ухмыляюсь и отвечаю сразу же.

«22 года, месяцы, дни, часы, минуты?»

«Думаю, что это будет слишком. Два года разница, перфекто», — Я тоже считаю, что идеально.

«Я того же мнения», — отвечаю, еле держа глаза открытыми. Организм решил, что пора баю-бай. И я с ним солидарен. Не дождавшись ответа, сладко засыпаю.

Просыпаюсь от стука в дверь. Лениво раздираю глаза и, встав, валетом иду открывать. Сплю всегда с запертой дверью в комнату. Почему? Не знаю, привычка.

— Ну, здравствуй, хуйдожник ты наш, — улыбается мой друг, впихивая меня обратно в комнату, закрывает дверь.

— Марк, ты заманал, еще раз скажешь...

— Я понял, — перебивает и садится в мое любимое кресло, ну а как же, чтобы не напакостить с самого утра. Закуривает и тянет мне сигарету. Раскуривание с самого утра одну на двоих — у нас ритуал уже лет пять.

— Ты где вчера был, кстати? — затягиваюсь и передаю ему эстафету.

— Со Светкой гуляли, гуляли и догулялись.

— В смысле? — приподнимаю бровь. На голове кавардак, страшно в зеркало смотреть. Стягиваю резинку и пытаюсь этот стог сена привести в божеский вид для начала руками.

— В том самом, постельно-дружеском. — Было бы чем, подавился бы. Марк и Света? Да ладно...

— Серьезно? — Волосы отказываются подчиняться. Сдавшись, беру расческу и пытаюсь уже с ее помощью приобрести человеческий вид.

— Серьезней некуда... Мы теперь, кажется, вместе, — как-то не совсем уверенно произносит

он.

— Кажется? Мы всю жизнь вместе, — не совсем в том подтексте, что он ответил, но все же.

— Я не об этом, бля, — фыркает недовольно, отчего его пухлая нижняя губа чуть оттопыривается.

— И как оно? — эта шевелюра с ума меня сведет, но я в жизни не постригусь. Ненавижу парикмахерскую, как и ножницы в целом.

— Так хорошо, что прям страшно, Женек, — вздыхает и начинает наставлять себе чубец. Он, кстати, рыжий, вот прям рыжий-рыжий, как апельсин. Смешной до усрачки, глаза яркие, зеленые. И веснушек пруд пруди. Но он забавный, а как друг лучше не найти, да и не искал я.

— Ты, блять, редкостный пессимист и паникер, я в шоке, даже когда все хорошо, ты недоволен и видишь минусы, — закатываю глаза и собираю волосы в небрежный хвост на затылке. Теперь чистить зубы, кофе и на учебу.

— Я подругу потерять боюсь в ее лице, и вообще, я не ожидал такого поворота. Я думал, она скорее на тебя, красавца, поведется, чем на меня, яркое недоразумение.

— Гарри Поттера смотрел? — с усмешкой спрашиваю из ванной.

— Вместе с тобой, — отвечает, видимо, не понимая мой намек.

— Так вот, там был Рон, рыжий, смешной и дико на тебя похожий, — начал я невнятно рассказывать.

— Понял я, к чему ты, не продолжай. Ты где сам-то вчера был?

— Дома, если ты о вечере, ты же знаешь, как сильно я люблю такую погоду.

— Знаю, ради приличия спросил, — ухмыляется в ответ. Гад.

— Ну что, кофе и на выход?

— Ага, — плетется за мной.

Доехали мы быстро... даже не опоздали, нонсенс.

Сев за парту и кинув на нее мобильный со всем остальным, обратил внимание на горящий конвертик на дисплее. Вот я урюк, совсем забыл про переписку.

«Встретимся завтра вечером?» — первая.

«Ты, вероятно, спишь... Спокойной ночи, а точнее утра», — вторая.

Как-то мило слишком, он точно подумал, что я женского рода. Бля... Вот же шок у парня будет.

— Что пишут интересного? — спрашивает сосед по парте, чуть сузив глаза.

— Спам какой-то бредовый, — отмахнулся я и стал быстро писать ответ.

«Идея неплохая».

«19:30 у кафешки со стендом». — Я едва сумел подавить смешок, что так и рвался изнутри.

— И сейчас тоже рассылка? — ехидный вопрос прямо в ухо.

— Блять, Марк, не пугай, а, — подпрыгнул я на стуле от неожиданности.

— Ты не ответил, — давит, как всегда. Годы идут, а он неизменен.

— Потом все расскажу, потом...

День пролетает на удивление быстро, даже слишком быстро, как мне показалось.

Всего несколько раз в жизни я нервничал, и сегодня был как раз такой случай. Что надеть? Как себя вести?

Любимые джинсы, что отлично сидели. Пуловер с закрытым горлом темно-синий, однотонный. Куртка, короткая, едва прикрывает поясницу, и кроссовки. Все, естественно, черное, а как же иначе? Хвост? Хвост... с такой погодой выпускать на волю мои волосы будет безрассудно. Покрутил пирсинг пальцами, почистил еще раз зубы. Пора...

===== Глава 4. =====

POV Рома

Гребанные пробки. Какого, мать его, лешего я поехал на машине? Как будто моего внешнего вида будет мало, чтобы удивить эту барышню. Нервно постукивая по рулю, курю. Блять, ну опоздать мне не хватало еще! Выглядываю в окно, движение вроде есть, но как-то совсем хило.

Долбанная пробка рассосалась лишь спустя примерно полчаса. Я, вдавив педаль газа в пол, примчал к кафешке. Припарковался и, выскочив буквально из машины, побежал к уродливому стенду. Пусто...

Достаю пачку сигарет, зажигалка выпадает из кармана и с красивым пируэтом в воздухе приземляется в лужу. Ну, пиздец, все что, сговорились? Оглядываюсь и, заметив паренька, что шел в паре метров, нагоняю.

— Эй, чувак, прикурить будет? — останавливаю того. Длинные, тонкие, изящные пальцы начинают выскивать в карманах зажигалку, и тут его телефон начинает разрываться. Поднимает трубку, зажав ту между плечом и ухом, зажигает красненький Cricket перед моим лицом.

— Женек, ты где? — раздается из динамика едва слышно. Я подкуриваю и потихоньку ахуеваю... Женя? Хлопая глазами как придурок, втягиваю в себя едкий дым и просто смотрю... Глупо? Возможно, но имя Женя прибило меня к месту.

— Уже нигде, а что? — вполне себе мужской голос, но мягкий, даже приятный. Стою, плююсь на него во все глаза, а он, блуждая взглядом по своей руке с сигаретой, как ни в чем не бывало, разговаривает. Его ни капли не смущает, что незнакомый человек стоит и курит рядом. Он вообще тупо игнорирует мое присутствие.

— Ты ж с кем-то встретиться хотел? — слышу вопрос. Н-да, современные телефоны с офигенной слышимостью. Хотя, это плюс в данной ситуации или минус? Может, свалить потихому? Я так-то девушку ожидал увидеть, а не паренька с сигаретой и пирсингом. У меня

культурный шок, ребята, держите меня семеро. Если это и есть та самая, точнее тот самый Женя, то сушите доски. Это же пиздец!!!

— Этот кто-то не пришел, — чуть скривился пацан и выдохнул струйку дыма. Бляяя... это все же он. Но мне дико не понравилась интонация, с которой он это сказал. Не понравилось мне и выражение его лица, словно на эту встречу он пришел нехотя.

— Пришел, — подаю я голос, чуть сведя брови, снова затягиваюсь и, посмаковав горький дым, выдыхаю. Тот резко переводит свои глубокие, насыщенные синие глаза на меня. Пара золотистых прядей выбились из захвата резинки и теперь прикрывали его недоуменное лицо.

— Ты там с кем-то? — снова голос в мобильном. Женя молчит с полминуты, сканируя меня своими страшными глазами. Молчит...

— Ага, я перезвоню, Марк, — словно очнувшись, отключает телефон и, подозрительно сузив глаза, смотрит на меня. — Рома? — скептически приподнимается его светлая бровь.

— Он самый, — отвечаю, нагло рассматривая стоящего передо мной человека. Я в шоке. Что, реально? Я познакомился с пацаном? Нет, не так. Парень написал объявление? Серьезно? Куда мир катится...

— Ну, привет, ты очень вовремя, — это что, сарказм? Я едва сумел подавить возмущение внутри себя.

— Пробки, стечение обстоятельств, — пожимаю плечами, курю с виду расслабленно. На самом деле меня колбасит во все стороны от ситуации, и я, пожалуй, впервые за долгое время тупо не знаю, как поступить.

— Я думал, ты не придешь уже, — заправляет за ухо прядь, скорее на автомате, чем из-за реальной нужды убрать ее.

— Я думал, тут девушка ждет, а они всегда опаздывают, — парирую я. Словесные баталии... А сучонок не так уж прост, судя по всему.

— Тебе не повезло в таком случае. Здесь парень, который всегда приходит вовремя, — не остался тот в долгу, стрельнув глазами.

— А это мне решать: повезло или нет. Идем в машину? А то я припарковался не слишком удачно, да и погода — дерьмо, — предлагаю ему. По сути можно было бы смотаться сразу. Друзей-парней мне и так хватает, как и баб, по сути... Но, бля, интересно же, что это за перец.

— Погода — редкостное дерьмо, — согласился тот и выкинул окурок в урну. Чуть повел плечами и посмотрел на меня. Его взгляд, как сканер, прошелся по моему телу, двоякое ощущение. С одной стороны хотелось возмутиться, с другой — смутиться. Круто, да? — Я вроде как не в курсе, где твоя колесница, принц. Веди, — выбивает он меня из непривычной для меня задумчивости.

Жесть. Со мной давно так не разговаривали. Тем более, едва знакомый человек. Я уже начинаю жалеть, что не ушел, как только понял, кто передо мной. Разворачиваюсь и неспешно шагаю к авто. Он же идет чуть поодаль, расслабленный, равнодушный. Что-то в нем есть, странное.

Подойдя к машине, сажусь на водительское сиденье. Он же, словно мы сто лет знакомы,

залезает на пассажирское, а на лице эмоций ноль. Да бя... так только я могу поступать! Менять маски, показывать лишь то, что хочу, чтобы увидели, игнорировать или вести себя равнодушно. Включаю негромко музыку, завожу мотор, отъезжаю.

Молчание... Пять минут, десять минут, двадцать... Да пиздец. Я уже успел рассмотреть каждую его мимическую морщинку. Каждую мелкую трещинку пересохших губ. А он молчит... Хотя его поза показывает, что ему уютно. Похоже, в жизни он не слишком разговорчив. Останавливаюсь возле вроде ничего такой кафешки.

— Посидим? — спрашиваю, не выдержав.

===== Глава 5. =====

POV Женя

Я ожидал, что он будет хорош, не зря же модель. Представлял примерно, каков он будет, но реальность меня удивила. Нет, шокировала.

Сажу в его машине, не знаю, что сказать. Мне до жути неуютно, ощущение, что на меня смотрит хищник, что он следит за каждым моим движением. Взгляд темно-карих глаз выбивает из колеи, у меня коленки подкашиваются, я боюсь задохнуться. Это настолько странно, что пугает, рядом с ним все пугает, и это я понимаю, похоже, поздно. Он великолепно выглядит в своей дорожной одежде, я буквально тону в его запахе, который стал невыносимым в машине. Нет, не в плохом смысле, как раз с точностью наоборот.

Я даже голову не могу повернуть в его сторону, я боюсь его глаз! Боюсь того, как остро реагирую, а ведь знаю его не более часа. Но устоять перед ним на грани фантастики, он великолепен. Он как лучшая скульптура легендарного мастера. Его черные, как смоль, волосы выглядят небрежно, да и видок малость лохматый. Изгиб бровей красив и придает ему дерзости и наглости. А губы, ох... Я впервые ощутил жгучее желание впитаться в них, испробовать, кусать и облизывать... Так, стоп! Он, кажется, только что что-то спросил. А я даже не слышал. Идиот.

— Ага, — нахожу единственный подходящей ответ, даже под вопрос, которого и не знаю.

— Тут вроде неплохо кормят, — кивает в сторону кафе, возле которого мы стоим. Да он, вероятно, шутит? Тут ахрененно кормят, по крайней мере, мы с Марком тут перепробовали все и остались живы, даже не отравились ни разу.

— Знаю, — киваю и выхожу из машины. Свежий воздух, холодный и влажный, запах мокрого асфальта и выхлопных газов ударяет в ноздри, после горьковатого запаха табака и роминоного парфюма он кажется противным. Сидим в кафе. Возле окна... ибо выбирать место он любезно, словно даме, предложил мне. Улыбчивая девушка подходит к нам.

— Что желаете?

— Кофе и шоколадный чизкейк, — в один голос выдаем и шокировано смотрим друг на друга. Вот так номер...

— Пепельницу еще, пожалуйста, — первым выходит из ступора Рома. Девушка, глянув на нас поочередно, молча пошла выполнять заказ. Странно да? Мы оба курим, оба — творческие натуры, пусть и с разным уклоном. А тут еще и в еде предпочтения совпадают, жеть.

- Любишь кофеин? — спрашиваю, откинувшись на стуле.
- Как и ты, судя по всему. Шоколад, корица, мята? — приподнимает черную бровь.
- Ваниль и клубника, — добавляю к его списку.
- Ахуеть, — выдыхает он удивленно. О да, я того же мнения, парень.
- Ага...

Снова молчим, но теперь стало более спокойно и уютно. Ведь те малые кусочки, которые я знаю о нем, идентичны с моими чувствами и предпочтениями. Анализирую ситуацию, выискиваю положительные стороны этого знакомства. Пару раз мы встречаемся взглядом, долго без стеснения глядя друг другу в глаза. Это какой-то особенный контакт, когда даже говорить не видишь смысла. Я даже не заметил, когда нам успели принести пепельницу. Но понял, что она имеется, когда брюнет напротив закурил.

— Ментоловые сигареты, не жалко сердца? — спрашиваю, подкуривая свои тонкие KENT Nanotek Neo 4.

— У сеструхи забрал. Свои закончились, — пожал плечами и скривился, затянувшись.

— Угостишь? Это, в самом деле, чистое дерьмо... — Я протянул ему сигарету, легкое соприкосновение холодных пальцев с его горячей рукой... Мурашками по телу, бррр. Одергиваю руку, чуть резковато. Отворачиваюсь к окну.

— Сколько лет сестре? — спрашиваю, не глядя в его сторону, в пень... Чревато, это вообще полный пиздец, моя реакция ненормальная. Да я его не знаю совсем!!! А ощущение, словно годы вместе... Его глаза цвета кофе с молоком, как темный шоколад, хищные и слишком пронзительные.

— Почти двадцать, стерва поганая, я ее задушу когда-нибудь, — фыркает... Краем глаза замечаю, как кривится его верхняя губа при этом, забавно...

— Вместе живете?

— Ну, она у меня временно, со своим ненаглядным посралась.

— Ясно, а я с матерью и братом живу, — сказал ему. Зачем? Он ведь не спрашивал, но мне так захотелось, чтобы он узнал меня.

— Младший?

— Да, ему всего девять, — вздыхаю, вспоминая чистые глаза мальчика. Держа губами сигарету, достаю альбом из сумки, нахожу нужный рисунок и кладу тот перед Ромой.

— Ты... он... — глаза брюнета чуть расширяются, он рассматривает очень внимательно и заинтересованно рисунок. А я самодовольно наблюдаю. Я знаю, что рисую отменно, но его реакция мне очень важна. — Очень круто, — наконец заканчивает он.

— Благодарю, — улыбаюсь, встретившись снова с его глазами. Теперь они немного изменились. В них недюжинный интерес.

— Давно рисуешь? — протягивает аккуратно альбомный лист. Люблю трепетность к искусству, потому ставлю ему еще один плюс.

— С детства. А после смерти отца стал рисовать почти все свободное время.

— Печально, это я про отца. А по поводу творчества, я так же с гитарой всю жизнь. Лет с шести примерно.

Мне понравилось то, что его сочувствие проскользнуло лишь во взгляде, обычно люди заостряют внимание на потерях, он же ловко ушел от болезненной темы. Молодец... еще один плюс ему.

— Люблю музыку, правда, рисую всегда в тишине. Сбивает...

Принесли наш заказ, снова повисло молчание. С ним это уже привычно стало. Что я, блять, несу? Привычно... знаю его пару часов всего, а уже такие мысли. Край...

За окном уже стемнело, зима ведь, а на дворе поздний вечер, почти ночь. Пора бы домой отправиться, завтра ведь учеба, работа, и руки, что зудят от нужды нарисовать нового знакомого.

— Мне, пожалуй, пора, — встаю и, достав пару купюр, кладу на стол. Ненавижу, когда за меня платят, чувствую себя несостоятельным малолеткой.

— Подкинуть?

— Нет, спасибо, тут близко.

Он лишь кивнул на прощание. Не «до встречи», не «созвонимся» и так далее, просто кивок. Его право.... Но это обидно. Говорю, как баба, пиздец...

===== Глава 6. =====

POV Рома

Он ушел...

И стало как-то пусто. Пропало ощущение комфорта, спокойствия, уюта. Скривившись, подзываю официантку и прошу еще кофе, а после еще и еще... Вливаю обжигающий напиток в себя до тошноты и курю. Гул мыслей в голове начинает напрягать, что же такого в этом пацане? Обычный, типичный, ну ничего примечательного. Кроме глаз и безумно красивых рук. А руки — мой фетиш. Длинные, хрупкие с виду пальцы были великолепные, ухоженные, тонкие. Его рисунок меня приятно удивил, он был настолько живым... Я привык, что мое окружение далеко от искусства, а тут появляется он. Другой, непохожий на всех, кого я встречал. Это шокирует.

Судьбоносная встреча? Как бы не так. Видеть его я больше не желаю, слишком меня пугают его темно-синие глаза. И я хотел девушку, тихую, прекрасную, светловолосую... а получил, ничего не получил, в общем. Вздохнув, кладу на столешницу деньги и выхожу из кафе.

Куда идти? К кому? Зачем? Дома нет никакого желания появляться, ибо там сестра, которая и мертвого достанет. Клубы и бары не были в числе моих любимых мест. Решаю, что оптимальный вариант позвонить Олегу, другом я его не считаю, но время скоротать можно.

— Ты травмируешь мою психику, — вздох на том конце провода.

— Чем же? — интересуюсь, фыркнув. Закуриваю и сажусь в выстуженный автомобиль.

— Звонком. Ты где пропадаешь целый день?

— Был занят... — неопределенно отвечаю. В машине до жути холодно, сижу и терпеливо жду, пока она прогреется, тихо постукивая зубами.

— Девку небось подцепил? — насмехается, ну-ну... девку. Знал бы он, с кем я был на как бы свидании.

— Типа того, мне бы заночевать где, домой не хочу, — выдыхаю клубок едкого дыма, чтобы затянуться вновь.

— Приезжай, не вопрос. Моя малая подругу притащит, отдохнем.

— Еду, — сухо отвечаю, отключившись.

И уже вскоре я у него. И снова бессмысленная ночь с едва знакомой барышней, куча скуренных сигарет и литры кофе. Когда же в моем мире произойдет переворот, который так необходим мне? Раньше я радовался, что у меня есть музыка, и я не нуждаюсь в ком-то, кто бы был рядом. А сейчас я как никогда остро ощущаю, что одинок, абсолютно...

...

Что там говорят? Труд облагораживает? Лично в моем случае он просто выбивает ненужные мысли из моей головы. Долбанных полгода я каждый день был занят до последней минуты, едва успевая поспать пару часов. И если раньше я бы вопил на мать, что это гребаное издевательство и эксплуатация, то сейчас был даже благодарен, ибо уставший я быстро засыпал, а мысль о синеглазом художнике даже не посещала мой мозг. Я погряз в круговороте дней, слабо улавливая, какое вообще число и каков день недели, все слилось в огромный поток непрерывной работы.

Не скажу, что мне было плохо. Ведь денег стало больше, как и известности. Меня заметили, и я не о карьере модели говорю. Известный продюсер прослушал мой диск и был заинтересован. Спустя пару наших встреч оказалось, что я привлекаю его не только как потенциальный певец, но и как мужчина тоже. Он был геем, это пугало и отталкивало, но выбор невелик. И как сказала моя мать, шоу-бизнес окрашен в голубой цвет более чем на половину, так что мне стоит привыкнуть, а еще лучше расслабиться и получить удовольствие. Дельный совет из уст матери? Я так не думал, но решил послушать ее. И вот стою я на пороге его кабинета, собираясь постучать и согласиться на его предложение.

— А я думал, ты не слабак, — насмешливо произносит тот самый нетрадиционный мужчина, открыв дверь прямо перед моим носом.

— Откуда вы...

— У меня камеры стоят в каждом помещении, мальчик, — хмыкнув, прошел он обратно к себе. Мальчик? Серьезно? Да он старше меня года на четыре, если судить внешне.

...

— В общем, я подумал над вашим предложением, — начинаю свою пламенную речь.

— Над твоим, — поправляет.

— Вы о чем? — непонятливо смотрю.

— Хватит выкать, я давно предложил отложить официоз, Роман, — вздыхает, складывая руки в замок на коленях. Знаете, в самом деле, он совсем не похож на гея. Вполне подтянутый мужчина, всегда выглядит идеально. Подкачанный, темноволосый и с убийственным взглядом.

— Ладно, я обдумал твое предложение, и я... согласен, — закончил, наконец, чуть сведя брови.

— Я рад, что ты принял верное решение, — его улыбка была как подписанный мне только что приговор. Я понимал, что связавшись с ним, мне придется терпеть покушение на собственное тело, но свято верил, что, получив отказ, он в конце концов уgomонится. В ответ я лишь кивнул, нервно сглотнув, потянулся за сигаретами, но вспомнил, что в офисе продюсера, от которого теперь как от воздуха завишу, вряд ли можно курить.

— Куришь? Как давно?

— Давно, со школы еще, а точнее примерно с шестого класса.

— Пагубная привычка, но я тебя понимаю, сам страдаю ею, ты кури-кури, не стесняйся, — ставит пепельницу на стол, и сам же закуривает. Правда, я-то с нашими людскими, так сказать, а у того сигара. Пробовал однажды, не мое это...

— Итак, Роман, псевдоним придумал?

Эмоции на лице данного человека не были видны, что стало для меня проблемой,

если честно. Я сам такой, так что отчасти понимаю, но все же...

— Нет, а у вас, эм... тебя есть предложение? — слегка наглею, но пока по шапке не дали, можно, если уж что-то делать, то с максимальной выгодой для себя.

— Нет, но если ты сам не способен, я что-нибудь подберу.

Его тон, как и ответ, не понравились мне. Я внутренне встrepенулcя и хотел было возмутиться, мол, что он себе позволяет, но снова сдал себя стальными тисками терпения. Не время для проявления бунтарского духа. Всего-то нужно подчиниться какое-то время, после я все переиграю на собственный лад.

— Раз уж мы закончили, то завтра в это же время жду на студии, вот адрес. — Я взял из его рук визитку, встал было уходить... — И да, с сегодняшнего дня ты отчитываешься передо мной даже в отношении того, сколько ты скурил сигарет и какую пищу ел, понятно?

— И каким образом такой контроль связан с работой? Вы вроде мне не нянька, не мать и не жена, — не выдержал я и львиной долей язвительности ответил ему в дверях.

— М-м-м, дерзкий, то что надо. Коль уж ты согласился стать моим, причем не только в музыкальном плане, то будь добр, выполняй то, что просят, — его глаза предупреждающе сверкнули, а весь внешний вид лучился самодовольством. Ублюдок...

Злорадно хлопнув дверью, я быстро вышел из здания, в нем я чувствовал себя как в клетке. Я смирюсь, переборю себя ради будущего. Ведь быть моделью — не моя цель, не моя сущность или мечта. Я всегда хотел заниматься музыкой на профессиональном уровне, зарабатывать деньги собственным хобби. А для этого нужно какое-то время мириться с таким дерьмом, как Сергей Коновалов.

===== Глава 7. =====

POV Женя

В тот вечер я не смог уснуть. Я рисовал его всю ночь... Тщетно пытался передать пронзительность черных глаз на бумаге, но не выходило. Точнее, я почти достиг сходства, но... мне было этого результата недостаточно. Ведь если я что-то делаю, то оно должно быть идеально. В итоге под утро я вырубился за столом, так и держа карандаш в руке.

Пробуждение было не из приятных, хотя, когда меня будит Марк, пробуждение по определению приятным быть не может. Послав друга далеко, надолго и, главное, чтобы не возвращался, я пошел в душ. Всего пара часов сна сказывались на состоянии, но меня зацепило больше то, что Рома не позвонил, не написал, пропал. Хотя всего-то ночь прошла...

Но я ошибся, заверив себя, что мы продолжим общение. На протяжении месяца... от него не было ни слуху ни духу, а я... я скучал. Глупо? Скучать по малознакомому человеку, по тому, кого видел лишь однажды. Но его образ стоял перед глазами так явно, словно мы виделись пару часов назад, фотографическая память, мать ее. Если что-то влезло ко мне в голову, то его, блять, и метлой поганой не изгонишь. Я уже было решился позвонить сам, однако моей смелости хватило только набрать и сразу сбросить, не дождавшись гудков. Слабак...

По истечении двух месяцев мою комнату украшало четыре его полностью законченных портрета разных размеров, и один рисунок в полный рост. Рисовал я его тушью и карандашом, только одна работа была цветной, кропотливой... красками. Над ней я трудился около двух недель, почти не спал... Прибегал с учебы и бросался в комнату, отрезая себя от мира сего. Как же приятно было выводить его линии на полотне, смотреть на безжизненную бумагу, где появлялось лицо человека, так перевернувшего мой внутренний мир одним лишь взглядом... Черные соколиные глаза хищно блестели, вздернутые брови и густые ресницы. Четкие скулы, красивая линия челюсти и подбородок... маленькие ямочки, когда он улыбался, аккуратный нос и беспорядок на голове. На картине он смотрел, словно прямо в глаза, прямо в душу, оголяя ту жестко, беспринципно, не спрашивая разрешения, он просто забирал ее, потому что так хотел.

Спустя еще месяц обида потухла, на смену ей пришло полнейшее разочарование и апатия, но рисовать я не перестал. Смотреть на его портреты становилось порой невыносимо, и руки чесались выбросить их, раскромсать, сжечь! Чтобы и напоминания о нем не было. Словно я и не был знаком с Ромой, это приснилось мне... бред моего измученного мозга. Я запрещал себе смотреть в эти шоколадные глаза, что были широко открыты и так соблазнительны. Боролся с собой, чтобы не начать запечатлевать его на бумаге снова. И уж поверьте, это невыносимо сложно. Рисовать что-либо другое я просто не мог. Ведь начиная элементарную работу, самый обычный пейзаж, я в конце концов выводил линии его губ в изгибах облаков, его взгляд переносился во взгляды птиц и животных. Это как наваждение, сумасшествие. Это не объяснить словами, хуже помешательства, это глупые мечты хоть когда-нибудь увидеть его снова, хотя бы краем глаза.

И я увидел, совершенно случайно.

Выходя из студии, куда я отнес свои работы, я заметил знакомую фигуру на противоположной стороне. Узнать его было легко, ведь он ярким пятном выделялся в этой посредственности. Среди серых невыразительных лиц и потускневших взглядов он был как маяк, глядел своими черными хищными глазами, волосы стали короче, стрижка уложена профессионально, сомнений не было. Солнце играло с ним, откидывая причудливые блики на волосах, они отливали насыщенным кофейным оттенком, не как у некоторых чернота отливала синевой, у него нет, он был весь как кофейный мальчик, и глаза, и оттенок волос, и даже, казалось, кожа. Его загар был ровный, неяркий и абсолютно естественный. Улыбка, с которой он общался с женщиной, так не похожей на него, была великолепной.

Я замер, забыв как дышать, замер, понимая, что даже сердце притихло от шока, замер, сжав в руке истлевающую сигарету. Неужели это Рома? Тот самый Рома, которого я, как обезумевший, рисовал эти долгие невыносимые месяцы? Стоит живой, здоровый и обаятельный, улыбается и с удовольствием попивает кофе из пластикового стаканчика. Благо, на улице жара, и вдоль магазинчиков выставили многие столики со стульями. Я присел в тени полосатого навеса и неверующе наблюдал. Естественно, он не заметил меня, он даже ни разу не глянул в сторону, в которой я сидел. Хотя я был уверен, что он меня все равно не узнал бы. Во мне нет ничего примечательного, нет того, что бы выделяло в толпе.

Фильтр обжег пальцы, я откинул окурочок в пепельницу, жалобно обливав место ожога. Поднимаю глаза, а его уже нет... Я резко встал, побежал на другую сторону, жадно шаря глазами по улице, искал его, но не находил. Обидно, безумно обидно, что я не увидел, куда он пошел, так мерзко за свою трусость, я ведь мог подойти. И плевать, что он, возможно, не вспомнил бы, я бы просто попросил зажигалку, как он когда-то у меня, взглянул бы в эти глаза, что преследовали даже во снах... Но теперь осталось довольствоваться лишь воспоминанием его образа.

Как пришел домой не помню, я очнулся лишь тогда, когда с плачем забежал брат и потащил в комнату матери. Я как зомби шел за ним, ничего не понимая, но осознавая, что произошло что-то воистину ужасное, ведь брат не плакал со смерти отца. Войдя в комнату, я увидел, что мать лежит на полу без сознания, неестественно бледная, а от кромки золотистых волос течет тонкая струйка крови. Разве можно быть еще более невезучей? Она встала на стул, чтобы что-то достать с верхней полки шкафа, но не удержала равновесие и упала, ударившись об острый железный угол ящика с инструментами. Что он вообще делал в зале??? Что он делал возле шкафа? Как она могла вот так покалечить себя?

Я не паниковал, не плакал и не истерил, как брат, я дрожащей рукой вызвал скорую, которая приехала на удивление быстро. Одел брата, рявкнул на него так, что он вмиг перестал всхлипывать, я понимал, что жесток с ним, но в данной ситуации нельзя было иначе, ведь он должен привыкать к тяжелым ситуациям и уметь держать себя в руках, хоть и знаю, что он всего ребенок, который страшно боится потерять второго родителя.

Противный запах старого автомобиля, жирная тетка, которая едва могла передвигаться нормально, водитель вообще, казалось, полз, а не ехал. Нервировало все, абсолютно. Лишь худенькая рука брата в моей держала меня в узде, держала, чтобы я не сорвался.

Мать не приходила в сознание, но пульс был ровный, а давление не падало, это было хорошим знаком, по крайней мере, так пробубнила эта ужасная баба.

Запах спирта и медикаментов, белые халаты, разваливающиеся каталки, равнодушные лица персонала. Напрягало. Я хотел курить, есть и успокоить бледного Ваню. Он не ревел, не спрашивал, не дергал, он вообще меня не трогал, он просто молчал и тихо дрожал всем телом.

Это страшнее... Я не хочу сломать его. Не хочу загнать его вглубь себя, как когда-то сделал это с собой. Теперь мне сложно вылезти из панциря, показать себя настоящего.

— Вань, ты как? — сев на стул у стены напротив кабинета, где была мать, я усадил его к себе на колени и, взяв его лицо в руки, спросил. Он молчал, обреченно хлопая длинными редкими ресницами, смотрел мне в глаза, а там были океаны боли и страха. Он поглощал его, безнадежность происходящего крушила его по-детски наивные стены.

— Вань, ответь мне, пожалуйста, — с большим напором прошу.

— Мне страшно, Жень, — прошептал он и, уткнувшись в мое плечо, дал себе волю. Я чувствовал своей разгоряченной кожей, какие ледяные его руки от страха, ощущал капли его слез, что стекали по моему плечу. И я не знал, как помочь ему, не понимал, что должен сделать... я мог лишь ждать.

Через час примерно нас пустили в палату, куда ее перевезли, заверили, что страшного ничего нет, она просто неудачно рассекла кость, но это поправимо. Они осторожно убрали маленький осколок, который откололся, а дальше нужно лишь время, чтобы трещина срослась. Естественно, ее оставили в больнице и выпроводили нас, сказав, что слезами горю, которого по их словам нет, не поможешь.

Погладив бледную щеку самой дорогой мне женщины в мире, я вывел брата из больницы и, не покупившись на такси, привез его домой. Буквально силой накормил его, дал успокоительное и сидел, наблюдая за тем, как он спит. Теперь все становилось так неважно, эти черные глаза и красивая улыбка, вздернутый подбородок и красивая линия ключиц, на все теперь стало безразлично, лишь семья...

В заботах о брате я забил на все, экзамены были позади, диплом на руках, а из студии навязчиво барабанил суховатый мужчина. Почему суховат? Он был не худой. Он был тощий, до ужаса причем. Он годился мне в отцы, если не старше, и я не знаю, чем он прожигал свою жизнь, но она беспощадно сожрала его. Так вот... Он откровенно ебал мой мозг по поводу того, что я просто обязан выставить свои работы на ближайшем съезде каких-то там кого-то. Я упирался, ведь он хотел забрать рисунки, где был ОН. И пусть вся эта история с матерью остудила мой пыл, притупила чувства, что разгорались, угасила тихую страсть, отдать картины я не был готов.

Когда выписали маму, ей запретили работать ближайšie пару месяцев во благо ее же здоровья. А кормить-то нас всех надо. Я понимал, что на моей шее затягивается петля обстоятельств, суровая реальность не щадила мои хрупкие, мать их, чувства. Если они понравятся какому-нибудь толстосуму, то я могу их выгодно продать, а деньги мне нужны...Сдавив кулаки, загнав гордость вглубь своей брэнной души, я согласился отдать работы. Может, это поможет? Поможет забыть его...

===== Глава 8. =====

POV Рома

— Сына, шуруй к кафе «Империя», я тебя там жду, кофе будешь? — протараторила мать в трубку, не успел я покинуть здание моего нового босса.

— Буду, — коротко ответил и сбросил. Поправив волосы, это движение теперь привычное — нервное, я пошел быстрым шагом к месту встречи. Не закурить по пути я не могу, так что...

Никотин, сука, убьет меня, я знаю.

Подошел к кафешке, выполненной в молочно-кремовых тонах, и юркнул внутрь. Мою мать не узнать в толпе невозможно. Она с ярко-рыжими волосами, накрученными крупными локонами, и в дизайнерской одежде. Красивая, гордая и всегда трывдящая по телефону. Присев за столик, беру чашку с кофе и выжидающе на нее смотрю, ожидая, когда она закончит.

— И где ты был? Марта на уши всех подняла, у тебя съемки через час.

— У продюсера, — спокойно отвечаю и снова закуриваю. Мать не любила, когда я дымил при ней, но привыкла, а что ей оставалось? Со мной сражаться бесполезно, я упрямее осла.

— А мне сказать ты, значит, не соизволил, да? — прищурилась она, ох, не к добру.

— Теперь говорю, я думал, соглашаться или нет, — выпустив струйку дыма в сторону, дабы на маму не попало, отвечаю.

— У тебя все расписано на ближайший месяц, это несовместимо, господи, Рома. Перестань лелеять надежду о том, что ты приобретешь известность в музыкальной индустрии.

Я промолчал, как и всегда, спорить с ней — это потраченные нервы и срыв голоса.

Пусть думает, что хочет, моя жизнь — мои правила. Точка.

...

Последующий месяц был невыносимый. Я подозревал, что буду разрываться, но не настолько же. Сергей травил меня своим присутствием по вечерам и порой по ночам, таскал по тусовкам, запирал на пару часов в студии, критикуя, какое я криворукое дерьмо, и гитара моя фальшивит. Вбивал мне в голову, что модельное агентство пора покинуть, вообще сменить имидж и чуть ли не имя с фамилией. Он был настырным, наглым, похабным чертовым ублюдком. Бля, он меня бесит так сильно, что хуже него для меня только Леди ГАГА.

Диктатор, тиран, извращенный показушник. Раздражает, начиная от голоса и заканчивая этими голубыми, мать его, глазищами, что высматривают малейшие детали, а после грязный и отвратительный рот выливает кучи дерьма на меня, либо пошлые и разнузданные мелочи того, что бы он с удовольствием со мной сделал, если бы я согласился, разумеется. Мне уже закрадывалась мысль, что, может, стоит однажды уступить ему, мол, попробует и отвалит, но что-то стальными тисками сдерживало... И этому чему-то я благодарен.

Но сколько бы я не разглагольствовал о том, какой дьявол мой начальник, он был хитрый и умелый, когда дело касалось выгоды и бизнеса. Мы работаем чуть больше месяца, а я уже имею пару студийных записей собственных песен, слова там написаны совместно с ним, а музыка полностью без изменений моя, это очень радовало и воодушевляло, но об этом я никому не говорил. Ни душе. Тайна, покрытая мраком черной железной двери входа студии.

— Куда же ты, дорогой мой, так спешишь? — от тона его голоса волна омерзения вдоль позвоночника пробегает, опять он свои чакры распускает, педик... Я из-за него скоро гомофобом стану, коим не был никогда.

— Домой и только домой, СерГей, — концовку я выделяю намеренно. Я часто тыкаю ему это, как котенка в нагаженное место, а тот лишь ухмылялся. Он, похоже, кайфовал, когда я цеплял его хоть незначительно.

— Завтра в это же время, орешек, — промурлыкал он и криво улыбнулся. Его коронная фишка, только я уже не реагирую на это, достал, правда.

Итак, сегодня впервые за месяцы выдался свободный вечер, и я планирую посидеть дома в тишине собственной комнаты, которая уже забыла, как выглядит ее хозяин. Но, видать, не судьба...

— Рома, немедленно неси свою задницу ко мне. Я тебе покажу кое-что, за что я отвалила ахуенную сумму денег, — сказала мать в трубку, как только я поднял, и сразу сбросила.

Начнем с того, что матами она ругается раз в пятилетку, слово «задница» для нее еще более дурной тон, но... видать, что-то случилось, и я даже не догадываюсь, плохое или хорошее.

Так как я находился на другом конце города, пришлось ловить такси, в котором курить мне не разрешили, суки. Доехал минут за двадцать и, открыв дверь собственным ключом, прошел сразу к матери в комнату. Открыл комнату и выпал, нахуй, в осадок...

— Я была в таком же шоке, сынок, почему ты не сказал, что позировал художнику? Когда это было? Ты давал разрешение, или звонить адвокату, за то, что какой-то молодой хмырь без твоего спроса рисует твои портреты, как бы шедевральны они не были?

— Тшш, тормози, мам! — прикрикнул, иначе она бы не перестала заваливать меня вопросами.

Дрожащей рукой подкуриваю, несмотря на то, что она выразительно шикнула, и начинаю жадно рассматривать: пять портретов и один рисунок в полный рост. По правде говоря, картины были великолепны. Я даже не верил, что это вообще я, но было до жути приятно, что кто-то видит меня настолько красивым, а особенно сумел передать мой взгляд, который я полжизни тренировал...

— А чьи работы? И где ты вообще взяла их? — спросил я спустя полчаса.

— Евгений Малюжич. Выпускник МГАХИ и новый любимчик моего очень хорошего знакомого. Была выставка в его галерее, и вот там я и наткнулась. Ты не поверишь, сколько народа хотело их купить.

— Ты видела его?

— Кого — его?

— Художника.

— Нет, и не горю желанием, главное — я купила все, что есть, по словам Федора, — фыркнула она в своем репертуаре.

— Ладно, я могу их забрать к себе?

— Конечно, твоя ведь физиономия на них, — махнула та и с уставшим видом ретировалась в ванную.

Загрузив в такси, замотанные в газету и сложенные в огромные пакеты, картины, я поехал домой. Объяснить то, что творилось в моей голове, было на грани фантастики. Во-первых, образ Жени всплыл в мозгу так явно, словно я видел его пару часов назад, а не более полгода. Во-вторых, меня терзали вопросы: почему? Почему он рисовал меня? Не смог забыть?

Понравился? Он гей? А если понравился, то каков смысл продавать работы? А может, он заработать на моей внешности решил?

Блять, как же нужны ответы!!! Я стал рыться в телефоне, но вспомнил, что номер менял пару месяцев назад, а на новой сим-карте лишь самые важные. Дерьмо-дерьмо-дерьмо! Меня просто разносило нахрен от эмоций. Колбасило во все стороны...

Расставив дома в своей комнате картины, решил, что куплю другие рамки, эти мне не нравились. А после повешу их на стенку.

Женя... не зря он так заинтриговал меня тогда, испугал... Было в нем что-то загадочное, неземное, особенное, что цепляло. Без особой внешней привлекательности, он заставлял обратить на себя внимание, непонятный мне магнетизм. И контактов нет, надо попросить мать, чтобы связалась со своим знакомым и разыскала художника.

Я хочу, чтобы он нарисовал меня снова, а точнее срисовал с меня живого, я жажду видеть процесс.

===== Глава 9. =====

POV Женя

— Здравствуйте, Федор, что-то случилось? — аккуратно спрашиваю человека передо мной. Открыв дверь своей квартиры, кого-кого, а его я никак не ожидал увидеть.

— Женя, мальчик мой, к тебе сейчас придет твой первый клиент. Женщина, которая купила твои картины за баснословные деньги. И я не говорю, что ты плох, просто ты начинающий художник, а тут сразу такой куш.

— Подождите, остановитесь хоть на секунду, — воскликнул, пытаюсь остановить этот поток. — Какая женщина? Какой клиент?

— Хозяйка одного из лучших модельных агентств купила все шесть твоих картин с тем парнем.

— Это я понял уже, деньги на счету лежат, и о сумме в курсе. Теперь про клиента, — прошу, внимательно слушаю.

— Клиент ее... — Договорить ему не дал звонок в дверь. Рывком открыв ту, я впал в ступор. На пороге моей квартиры стоял Рома...

— Ах, вот и он. Здравствуй, Роман. Твоя мама меня очень убедительно просила просветить Женечку перед работой, но я не слишком преуспел и только пришел...

— Все в порядке, Федор Вячеславович, дальше я сам, — вежливо улыбается юноша, а меня уносит, нахрен, с этой галактики. Вышибает к чертовой матери, я просто стою и как debil смотрю на все, что развивается вокруг меня, не в силах сказать и слова. Он здесь, стоит в моей квартире, улыбчивый, красивый и вкусно пахнущий. Стоит, делая вид, что мы незнакомы, но он сможет сам все уладить. Не помнит? Не узнал? Вряд ли, огонь кофейных глаз сразу дал понять, что последует расспрос, и что ответить мне ему? Какую придумать причину того, что я рисовал его?

— Конечно-конечно. Я освобождаю тебя, Женя, на время, что ты будешь им нужен, — пробормотал тот и вышел.

— Ты, значит, и есть тот самый Женя, — протянул брюнет, осматривая меня, словно я его новая покупка. Пиздец... Значит, не узнал. Хотя, это, возможно, к лучшему.

— Ага, — отхожу назад к окну, подкуриваю и сажусь на подоконник, глядя на него в упор.

— Ты будешь рисовать меня, пока мне не надоест, — самодовольно выдает.

— Да? Это ты так решил? — вскидываю бровь, не отводя от него глаз. Не так я представлял нашу встречу.

— И я заплачу, но не слишком много, — ухмылка наглая, победная.

— С каких пор клиент решает, во сколько оценивается работа? — в тон ему спрашиваю. Лебезить перед ним не собираюсь, какие бы деньги он не платил.

— Иначе я засужу тебя, — сказал, словно забивает последний гвоздь в крышку гроба моего.

— За что? — выдавливаю, едва не подавившись сигаретным дымом.

— За незаконное использование моей внешности в целях собственной выгоды. Ты не имел права изображать меня, а следом продавать картины без моего разрешения, — закуривает и все с той же холодной наглой улыбкой смотрит прямо мне в глаза.

Странный контакт. Странное противоборство между нами, оно лишь во взгляде. В реальности я не могу ничего ему сделать. Моей семье нужны деньги, того, что на счету, хватит лишь выплатить кредиты, сделать ремонт и обеспечить нам жизнь на пару лет.

— А я смотрю, ты уже успел все уточнить. Привыкший давить на слабые места? — не думал, что он такой, но признаю, образ бессердечного ублюдка ему идет, под стать, так сказать.

— Просто знаю свои права. Начнем? У меня все расписано по часам, ты тратишь мое личное время.

— Конечно. Мне называть тебя «сэр»? — ехидно спрашиваю и выкидываю лишь наполовину скуренную сигарету.

— О, не стоит, можно просто Рома. Но на «Вы», — рассматривает помещение, а после присаживается на мою кровать.

— И как мне вас рисовать?

— А как хочешь, так и рисуй, — скидывает пиджак и начинает стягивать майку.

— Ты, то есть, вы зачем раздеваетесь? — спокойно спрашиваю, несмотря на дрожь в конечностях.

— Я думал, ты хочешь нарисовать меня хотя бы наполовину обнаженным. У меня отличное тело, грех не запечатлеть.

— Меня твое, ваше... тело не интересует, гораздо более занимательным я нахожу передавать эмоции ваших глаз на полотне, — едва ли не с придыханием отвечаю. Как же бесит он меня в этот момент, весь такой из себя пиздатый, лишнее слово ни скажи, а то засудит, фу.

— Начинай, время — деньги, — отмахивается. Всего легкое движение — и с кончика его

сигареты спадает пепел прямо на мой ковер.

Я привык очень бережно относиться к своим вещам, уважаю труд матери своей, которая чуть ли не ежедневно убирает квартиру. А особенно после той травмы я берегу ее, как зеницу ока. А тут сидит богатый мерзкий мажор и, сука, внаглую пачкает мое добро. Состроив максимально недружелюбную гримасу, убираю пепел с ковра.

— Для пепла стоит пепельница, а мусорить в своем жилище я вам не позволю, — не сумев сдержать эмоции, шиплю на надменного типа.

Семья — мое все. И как бы ни был я сдержан и в основном молчалив и дружелюбен, когда кто-то или что-то проявляет явное к ней неуважение, мое долготерпение меня подводит.

— Чистоплюй?

— Уважаю труд своей матери, — огрызаюсь и грубо ставлю пепельницу на кровать.

После моих слов он замолчал, а в глазах появилась задумчивость. Данный расклад меня порадовал. В тишине работается проще...

Сколько раз я представлял его, позирующего? Сколько раз хотел взглянуть в гущу его шоколадных глаз? И вот сидит он на моей же кровати и внимательно наблюдает. Его взгляд тяжелый. Скользящий по коже, отдавая зудом. Это и приятно, и мерзко одновременно. Что же именно перевешивает, ответить пока сложно.

Я заточил карандаш, достал чистый лист и приготовился творить. Каждому художнику нравится разная стадия работы. Например, я люблю самое начало. Мне нравится делать набросок, первые штрихи, неспешно вырисовывая общую картину. Следующий этап, который мне нравится — это детализировать уже созданное. Безумно нравится передавать эмоциональность глаз, устремленность взгляда и малейшую мимику. А не люблю я рисовать волосы... Терпеть ненавижу.

Поворачиваюсь и, прищурившись, высматриваю малейшие мелочи в его лице. Подмечая, что некоторые детали рисовал неправильно, вернее не со стопроцентной точностью.

Как только мой карандаш касается бумаги, все становится неважно.

Слышен лишь тихий царапающий звук грифеля по полотну и наше дыхание...

===== Глава 10. =====

POV

Рома

— Сергей? Я сегодня буду занят, срочное дело, так что до завтра, — коротко оставил сообщение ему на автоответчик и стал стрелой метаться по квартире, собираясь к «тому самому» художнику.

Я еду к нему, не до конца понимая зачем, еду, не зная и даже не догадываясь, какой может быть его реакция. Район довольно бедный, кодовая дверь сломана, лавочка, обшарпанная, стоит у облезлого подъезда. Моя машина, как яркое пятно, в этом омуте некрасивых вещей. Но я здесь не чувствую себя чужим, тут так... уютно. Нет давящей роскоши, нет вычурных девиц,

нет этой глупой мишуры. Спокойно, тихо, размеренно. Как же отличаются части нашего города друг от друга. Всего-то через дорогу новый район, с новомодными тачками и разбалованными детьми.

А здесь прогресс словно замер. Старый, измученный, выдавший годы дворик. Насмотревшись на все это, захожу в подъезд. Затхлый запах ударяет в ноздри, сырость... плесень по углам, сломанные перила. Жуть, вот такого я не люблю.

Взбегаю на нужный этаж, нажимаю звонок и следом, почти мгновенно открывается дверь. Я не ожидал такой скорости, потому едва сумел совладать с эмоциями. Передо мной стоял Женя, слегка растрепанный, в домашней одежде, и явно не ждавший никого. Перевожу глаза на Федора, знакомого моей матери, тот что-то лепечет, но только мне до этого нет никакого дела. Прерываю его словесный поток с улыбкой, пытаюсь определить эмоции светловолосого, но он отчужден, маска умело скрывает его подлинную реакцию, сложно... Не узнать меня он попросту не мог, но раз делает такой вид, я поступлю так же. Не впервой играть надменного ублюдка, мне эта роль даже по нраву.

С виду он расслаблен, закуривает и садится на подоконник. Непослушные пряди падают на его лицо. И я не назову его хрупким, он не такой. Поджарый, жилистый, красивые рельефные руки. Не слишком широкие плечи, статный, не смазливый, не типичный. Цепляет — пугает.

Даю понять, что даже не помню, кто он, делаю вид, что давно стер из памяти наше знакомство. Глаза холодные, голос ранит. Отвечаю колко, специально задевая, дразня, зля. Зачем? Хочу эмоций. Любых, но особенно негативных, в такие моменты они подлинны, неподдельны.

Я хотел раздеться, увидеть, как он будет меня рассматривать, красоту собственного тела я знал. К реакции на него привык и даже полюбил в коей-то мере. Но он остановил. Сказал, что ему плевать... ПЛЕВАТЬ на мое тело!! Это шокировало, выбило. Поправив майку, фривольно разваливаюсь на его кровати, чувствую запах сандала... бергамот. Что-то мятное и сладкое в придачу, странная смесь. У него странное все. Закуриваю.

С сигареты слетает пепел. На дешевый старый ковер... и бешенство этих синих глаз отзывается у меня внутри. Его злость явная, осязаемая, подлинная. Лицо преобразается, он становится более зрелым, более настоящим. Синева наливается чернотой, темнеет. Красиво...

Я молчу. Молчу и прячу под маской то будоражащее чувство, что волной прокатывает по мне. Гомофоб? Ну-ну... Сергей — он мерзкий, развратный и вульгарный. А Женя... гей ли он вообще? Би? Кто он? Что он? И почему я вдруг его узнать хочу, иду на шантаж, боясь, что похорошему он не согласится? Глупо... Но я не вижу другого выхода в данный момент.

Наблюдать за ним было интересно, я и не думал, что настолько. Фотосессии меня всегда утомляют, как и чрезмерное внимание. Но сейчас было приятно. Его заискивающий взгляд. Изучающий. Голова склонена в сторону, кусает губы, курит... Изящная, потрясающе красивая кисть скользит так плавно, с карандашом, зажатым тонкими пальцами. Его руки просто великолепны. Светлые короткие волоски до локтя едва заметны. Аккуратный изгиб, рельефно, все в меру, все, как и нужно. От природы? Вероятно.

Плечи чуть угловаты. Ключицы слегка выпирают. Небольшой, но острый кадык.

Красиво... И страшно, я боюсь своей реакции на него.

Это не просто глупое, вспыхнувшее желание, я не хочу физического удовольствия.

Потребления... Я хочу просто смотреть, как он работает, хочу коснуться его руки, сплести свои пальцы с его и молчать, как сейчас. Умиротворенно. Долго.

Часы идут, бегут минуты. Уже темно за окном. Я рассмотрел его всего. Каждую черточку, легкую мимику, жесты. Как он подкуривает, как держит тонкую сигарету губами. Выдыхает дым через ноздри, потому что руки заняты. Перепачканный тушью, с темными ладонями от грифеля и проявляющимися синяками под глазами. Он устал... Это видно, что физическая усталость его настигает, но он упрямо работает, ибо я пригрозил и указал, кто главный. Жалею? Возможно, но тогда бы он дерзил и шипел, а быть может, и просто отказался рисовать меня.

Я голоден, спокоен и готов просто уснуть на его же постели, пропахнувшей им полностью.

— Жень, мама попросила, — вбегает мальчик, и я узнаю его, он был на том самом рисунке, что я видел в нашу первую встречу. Слегка улыбаюсь ему, понимаю, что лишнее, но эта наивность в лице мальчишки такая искренняя.

— Вань, малыш, я занят. Прости. Скажи маме, что я в круглосуточный магазин схожу, когда освобожусь. Хорошо? — такие сильные эмоции всего в паре слов. Жень очень любит свою семью, из-за ковра, что убрала его мать, он рычал на меня, как зверь. С братом он мягок, как лис, лукав и просит уступить.

— Я поставил тебе будильник, как ты просил, на 5:00, спокойной ночи, — подбегает и, потянув за рукав брата и заставив того достать сигарету изо рта и выдохнуть, отвернувшись, целует в щеку и уходит.

Смотрю на часы, уже около 23:00, время не раннее, но уходить так не хочется, а он и не прогонит, не посмеет. Семья ему дороже отдыха, дороже сна и гордости.

— Еще примерно час, и я закончу, если вам нужно идти, то не проблема, я и без созерцания вашего лица закончу. Завтра утром могу привезти сам, — голос ровен, равнодушен. Холоден.

Зря я так с ним начал, обрубив сразу все концы, видел ведь узнавание и удивление в глазах, до тех пор, пока не начал свои игры.

— Я подожду, — отвечаю, изменив позу, полтуловища затекло, а я и не заметил. Снова закуриваю, мне бы кофе кружечку, а то засну, он меня тогда отсюда не выпрет и под страхом пожара.

Трет глаза, я вижу, как они покраснели...

Ему и поспать-то осталось немного, еще и в магазин собрался. Мне жаль его, но я не могу стянуть маску, открыть истинное отношение. Эта пара часов пропитала меня, изменила... и я знаю, что он будет снова сниться мне.

— Может, кофе сделаешь? — не выдерживаю. С ним приятно молчать, но поговорить все же тянет.

— Приказ? — спрашивает, даже не взглянув. Упрямый.

— Просьба, — вздыхаю потянувшись, опять курю... причем последнюю сигарету. Черт, и как еще целый час просидеть без них?

Молча выходит из комнаты, его нет около десяти минут. Открывается дверь ногой...

Две чашки в руках и мешающая ему прядь — видно, что щекочет нос. Он пытается ее сдуть, но та возвращается на место. Забавный... смешной и... милый такой в этот момент. Протягивает мне чашку, легкое касание пальцев. Мои, такие холодные, и его, такие горячие.

Мурашками по коже, ознобом, электричеством. Он слегка вздрогнул, но я сделал вид, что не заметил.

— Благодарю, — вежливо отвечаю, держа в руках маленькую кружку с обжигающим кофе.

Сколько же лет этой чашке?

Золотая каемочка на внутренней стороне подтерлась, как и рисунок на внешней, но она белоснежная. Чистая.

На мою благодарность он не ответил, просто присел напротив картины и смотрел, попивая кофе. Аккуратный мазок кисти, умелый, профессиональный. Снова глаза бегают по холсту, штрих карандаша, мелкая растушевка пальцем. Довольно откидывается на спинку стула. Оценивает.

— Думаю, я закончил, — смотрит мне в глаза, так пристально и спокойно впервые. — Будешь, ох, простите. Будете и дальше смотреть или все же оцените мою скромную работу? — капля ехидства и неприкрытого сарказма портит момент. Встаю и, не выказывая явного интереса, подхожу.

Стою рядом, так близко, что почти касаюсь плечами. Его запах смешанный и непонятный, струйки сизого дыма тянутся ко мне, вдыхаю... Хочу курить, с ним курить. Испробовать его губы на фильтре, отпить из его чашки... коснуться тонких пальцев. Но стою и просто смотрю.

Он не рисовал мой взгляд, он соврал. На картине был я и не я в то же время. Моя маска... Бездушная, убудочная, надменная. Глаза похуистически смотрят в сторону, рука поддерживает подбородок, указательный палец отставлен. Пренебрежение всем даже в профиле, неужели он увидел меня таким сегодня? А это важно? Важно.

Каждый волосок прорисован, каждая мимическая морщинка, но губы сглажены, словно и нет тех искусанных шероховатостей и трещинок. Он не смотрел на них? Или же просто идеализировал тут? Непонятно...

Рельеф моих рук и красивые, прорисованные ключицы, и плечи. Он заметил, он все успел подметить. Когда? Ведь не смотрел практически... Удивил. Снова.

Тот восторг, что переливался внутри, не вышел за рамки. Я внешне все так же холоден и сдержан. Игра... Зачем? Не знаю.

Пара минут, секунд... Больше? Меньше? Не в курсе. Тянусь к его руке, забираю сигарету мягко, нежно... заметив толику удивления на дне его глаз. Затягиваюсь, ощущая горьковатый привкус на фильтре, кофе... И вкус его губ, намеренно смачиваю слюной его. Не сильно, но достаточно. Злорадно...

— Ты... Вы могли бы попросить, я бы дал вам новую сигарету, — взгляд чуть жестче, из-под лба. Уставший, обреченный, загнанный, злой.

— Зачем? — затягиваюсь еще раз, протягиваю ее обратно. Желанное касание... ну же... избежал, ловко взяв ее. Бля...

— Вы довольны? — спрашивает нагло, смотрит уверенно. Готовый пригвоздить глазами к полу. Сколько же силы внутри, каков он настоящий? Как улыбается? Как спит...

Что за мысли, пиздец...

— Вполне, завтра тебе принесут чек. А послезавтра, скорее всего, мы повторим.

Повторим... Нет, в следующий раз я буду другим, чуть более настоящим. Я так хочу. Слезает со стула, потягивается, слышен тихий хруст суставов. Скидывает майку...

Дыхание где-то под ребрами застряло, как в ловушке. Смотрю заворуженно на аккуратные ареолы коричневых сосков, тонкую, еле заметную дорожку волос, что исчезает за поясом джинсов. Резинка соскальзывает с волос, они рассыпаются по его плечам, длинные, ниже лопаток, золотистая пелена... такие пушистые и мягкие. Дотронуться бы. Поправляет джинсы. Надевает ремень, а следом пуловер. Наматывает шарф и тянется к куртке. Я следую его примеру, выйдя из ступора. Накинув пиджак, надеваю полупальто. Палантин, не слишком теплый, черный.

Жду...

Одевшись полностью, берет картину, ставит в деревянную рамку, ручная работа, видно сразу, невооруженным глазом. Огромный бумажный пакет, пара лепков скотча, протягивает мне.

Комната открывается. Все тот же малыш тянет Жене купюры.

— Ну, возьми. Мама сказала тебе отдать, — насунился малыш. А он... он улыбнулся. Так искренне, так нежно в ответ. Присел на корточки и стал завязывать кроссовки.

— Перестань, у меня есть деньги, это себе оставь, завтра купишь что-нибудь.

— купишь мне творог?

— купишь, — кивает все с той же улыбкой. Как же она изменила его лицо, преобразила. Каждая черточка стала мягче. Глаза светлее, чище.

Выходим молча, открывается дверь подъезда, машина стоит у тротуара, одиноко выделяясь.

— Подвезти?

— Нет, спасибо, тут близко, до свидания, — отмахивается и, засунув руки в карманы, удаляется прочь в тусклом свете мерцающего фонаря. Унося крохотную, с булавоочную головку, но часть меня.

Что там было в объявлении? Влюблюсь?

Окончание можно стереть, там нужно было написать «Влюблю»... У него получилось, со мной получилось... Бля.

От автора: Сам рисунок, примерно таков) - <http://s018.radikal.ru/i507/1210/96/a5f22266f345.jpg>

===== Глава 11. =====

POV Женя

Он не помнит меня — укол по нервам.

Он не помнит меня — занозой в сердце.

Ненавижу, ненавижу, ненавижу!!! Твою мать... Привалившись к стене кирпичного дома, едва зайдя за угол, закуриваю. Взгляд в никуда. В одну точку, далекую черную и такую же одинокую, как и я. Пиздец, это что вообще было? Он как сгусток сплошных противоречий. Комок из дерьма, разного, блядского дерьма. Я зол, растерян и взвинчен. Я ничего не понимаю, не соображаю.

Вспоминаю его взгляд. Холодный. Надменный. Он насмеялся, показав сразу, кто хозяин положения. Он указал на первенство, унизил. Горько хмыкнув, запускаю пальцы в волосы. Самое обидное, что, несмотря на всю эту дрянь, на все колючие слова и глаза, что смотрели свысока, я рисовал его, получая полное эстетическое удовольствие.

Это лучше физического наслаждения, лучше оргазма, да черт его дери, лучше долбанных сигарет, без которых я и дня прожить не могу. Это был худший мой вечер и лучший одновременно. Я ненавидел эту ситуацию и обожал. Я ждал гребанного послезавтра.

Касание наших пальцев... Мимолетное, но я уже не забуду его. В тот момент меня прошибло от макушки до пяток, словно разрядом. Роем мурашек по коже, сбившимся дыханием, а сердце пропустило удар.

В мозгу теперь вырезан навеки образ его, сидящего на моей кровати, оголенного по пояс и смотрящего на меня. Зачем я поддался тогда порыву, зачем написал то объявление? Теперь поздно... Я ведь хотел влюбиться? Теперь на, блять, получай...

Одна сигарета, две, три... полпачки. Горечь во рту, меня уже тошнит от никотина.

Пальцы замерзли, волосы противно щекочут лицо. А в мыслях по-прежнему... Рома...

Не думал, что увижу его когда-либо снова. Не думал, что смогу услышать его голос, который обволакивал... Кофейный мальчик, ты свел с ума, теперь окончательно и, боюсь, бесповоротно. Боже...

Одна сигарета на двоих, это настолько интимно... Я никогда такого никому не позволял, никогда. Он просто взял мою сигарету, затянулся глубоко в себя, глядя на мою картину, глядя на себя же, словно в зеркало. И я более чем уверен, что он специально, скорее злорадно, чем с каким-то другим подтекстом, смочил слюной фильтр, оставляя частичку себя. А я не смог просто выбросить ее, не испробовав его вкус на тонкой сигарете, однако, как последний трус решил избежать прикосновения... Меня пугала моя реакция на него, очень пугала.

Он был так близко... и так далеко в то же время. Плечом к плечу. Я чуял запах его парфюма, жар тела. Ненавижу...

Звонит телефон, надрывно, пугая притихших на деревьях птиц. Недовольно роюсь в кармане, достаю потрепанную годами трубку.

— Да, мам, — вдох-выдох, голос более-менее ровен.

— Жень, а ты где?

— В магазин иду, — бесцветно, где эмоции мои? А их нет, мои эмоции уехали на дорогом автомобиле в шикарную квартиру.

— Тебе тут принесли конверт какой-то, «от Романа» подписано.

— Положи мне на стол. Я скоро буду, — отключаюсь, чтобы она не услышала моего волнения.

Конверт... Конверт... Конверт... Как колокол в мозгу. Любопытство, как кислота, выедало изнутри. Блять...

Бегу в магазин, быстро закидывая в пакеты покупки. Несуь домой, не глядя под ноги. Даже не курая... Перепрыгивая через ступеньки, распахиваю дверь, скидываю одежду.

На кухню, бросаю покупки на стол и в комнату. Быстрее...

Рву конверт, непослушными пальцами разворачиваю маленькую записку, бросаю чек на стол.

«Послезавтра в 17:00 жду тебя у твоего подъезда. Хочу, чтобы ты нарисовал меня в моей квартире.

Прости за пепел... Рома».

Перечитываю раз десять, а после снова... Прости за пепел... Серьезно? Не понимаю ничего, теперь уж точно. Когда он настоящий? В какой момент? Когда режет словами, как лезвием? Или когда с неподдельным интересом рассматривает старую чашку с кофе? Молча. Задумчиво.

Загадка, сложная, красивая... Разгадаю? Хочу, но надо ли? Не знаю...

Смотрю на чек, там пара нолей. Сумма не маленькая. Коль уж засудить хотел, зачем так раскошелиться?

Чувствую себя мерзко, ведь те картины я для себя рисовал, а в итоге продал. Я мог ему все объяснить, но... Но я такой же гордый, как и он. Признаться в том, что мне было неприятно, даже больно расставаться с рисунками, я не мог. Это бы выдало истину моих эмоций, истину чувств. Они не глубоки, но безумны. И я подозреваю, что наши встречи ничем хорошим не закончатся. Я просто стану зависим, я буду дышать и жить лишь тогда, когда он рядом. Пусть и вот так, пусть благодаря его шантажу. Плевать...

Чертово объявление. Ненавистный февраль. Они изменили меня, навсегда.

Я не помню, когда последний раз видел Марка... Тот явно обижается. А у меня просто нет никакого желания излить кому-то душу и оправдываться. Он видел мои картины, крутил пальцем у виска и ржал, как истеричка. Глупо, знаю, а что поделать? Вы пытались приказать своему сердцу? Получилось? Не думаю...

...

Я так и не поспал толком. Ворочался, скрипя кроватью. Пытался совладать с непрерывным потоком мыслей и образов, но не мог. Бесит. В итоге встал я до будильника, влил в себя литр кофе и вышел. Почти два часа качаний в электричке, полтора часа на маршрутке — и я был на месте.

Риелтор обещала показать мне три наиболее отвечающие моим требованиям квартиры в

центре. Переехать мы хотели давно. Даже не так, мы мечтали об этом. А теперь была такая возможность.

Выбрав приемлемый вариант, я чуть более довольный, чем до этого, вернулся домой.

Итак... завтра я увижу его. Завтра я снова нарисую божественно прекрасное лицо и глаза, от взгляда которых замираю. И пусть он убудок, пусть надменный урод и полнейшая скотина, но он сумел затронуть те струны моей души, которые не смог никто.

Обнажил мое нутро, заполнил мысли и сны. Медленно сводя с ума... Это страшно. Страшно терять себя в ком-то малознакомом. Чужом... Однако непослушное сердце замерло в ожидании завтрашнего дня. Притихло.

...

Я снова не сомкнул глаз, на этот раз я и не ложился.

Вдохновение свалилось в полночь. Руки, зудя, требовали кисть или карандаш, неважно что, главное — рисовать.

Сигарета в обветренных сухих губах. Волосы беспорядочно разбросаны по голым плечам. Штаны висят на честном слове. А босые ноги замерзли от холода деревянной половицы. Плевать...

Я, бегая глазами по холсту, вырисовываю уже знакомое лицо. Рисую увлеченно, детализируя каждую мелочь. Он сидит в кресле, ко мне боком. Обнажен по пояс. Босой и невероятно красивый. Расслабленный, мирный, сонный. С легкой улыбкой на прекрасных устах. Его глаза теплы. А рука крепко сжимает чью-то ладонь.

Точнее, это моя ладонь... В моих мечтах, несбыточных фантазиях. Наши пальцы переплетены. Так красиво, так идеально, так желанно. И тепло... Мне невероятно тепло внутри от одной лишь мысли, что подобное может случиться.

Кто-то ждет поцелуя. Ласки. Разговора. Жеста. Я же хочу просто подержать его за руку. Ощутить холодные длинные пальцы в своей руке. Согреть. Поцеловать каждую костяшку. Рассмотреть линии его ладоней, а после нарисовать, чтобы увековечить их в памяти.

Смеюсь тихо. Безумно. Курю много. Пью кофе. Рисую... И так весь день. Не хочу есть. Не хочу спать. Хочу, чтобы долбаные 17:00 уже наступили.

И мне станет на капельку легче лишь оттого, что я увижу его. Похоже, пора лечиться...

...

Я задремал как раз не вовремя. Прямо в кресле, замерзший и голодный... Тело дало сбой. Предательски. Из блаженной дремы меня вырвал звонок в дверь. Спотыкаясь, ковыляю к дверям, распахиваю. Давя зевок. Поднимаю глаза.

— У тебя пять минут и ни секундой больше, — деловито, раздраженно. Карие глаза выражают недовольство, разочарование.

— Есть, сэр, — ехидно вырывается, разворачиваюсь, иду в ванную.

Ледяной водой по сонному лицу. Хлопаю мутными глазами, пытаюсь рассмотреть себя в

зеркале. Ну и видок... Чищу зубы, собираю волосы в хвост. Иду к шкафу, хваля себя, что успел спрятать картину. Как чувствовал...

Неспешно одеваюсь, естественно, назло ему. Зачем? Кто бы ответил мне...

— У тебя минута, — отрезает, сверля соколиным взором. Ух... до мурашек.

— Ага...

— Женя, не зли меня, я ненавижу непунктуальность.

Я, сузив глаза, оборачиваюсь. И откуда смелость вдруг появилась?

— Правда? Помнится мне, ты сам мастер опаздывать.

Он лишь на секунду выказал удивление. Ошарашенно приоткрыв рот, но тут же собрался.

— Ты явно бредишь, мальчик, — холодно, как лед арктический. Вот сука...

===== Глава 12. =====

POV Рома

— Давай, тащи свою бездарную задницу ко мне, — ни кто иной, как Сергей, рычит в трубку.

— Нет, у меня планы.

— Нет у тебя планов, если я сказал, что ты должен быть у меня, значит, ты должен быть у меня, ясно?

— Нет, я не приеду.

— Да, — грубо, властно.

— Нет, — упрямо, хмурясь.

— Да, я сказал! — на повышенных тонах. Расплываюсь в ядовитой улыбке, глядя на себя в зеркало.

— Нет, — все в том же духе отвечаю и я знаю, что зря его злю, но я слишком сильно хочу увидеть художника. Потому буду давить до последнего, вырывая себе вечер свободы от его ненавистной рожи.

— Орешек, тебе напомнить кто тут главный?

— У меня семейные обстоятельства, гражданин начальник, ну войдите же в положение.

— Рома, если завтра утром тебя здесь не будет, можешь считать, что у тебя больше нет продюсера.

Вздыхаю, гневно глядя на телефон. Ненавижу, когда мной манипулируют. Когда указывают или угрожают. И послать не могу, ибо от него зависит моя карьера, и терпеть невозможно. Задолбал.

Кручусь в кресле. Разглядываю картины на стене, что висят ровным рядом... все семь штук.

Красиво. Проникновенно. Удивительное чувство — видеть себя со стороны, видеть чужими глазами. Именно Женя рассмотрел эти эмоции, именно это он запомнил, это зацепило его. Надеюсь, что зацепило...

...

Прогнал сестру. Сходил в магазин. В сотый раз переоделся. Волнуюсь, как баба...

Сижу в машине, нервно теребя сигарету между пальцами. Поглядываю искоса на подъезд, но не поворачиваюсь, не хочу, чтобы, когда он вышел, то увидел, что я ждал... очень ждал его. Уж лучше пусть думает, что мне безразлично. Скучно.

17:15... Его нет. 17:30... Его нет. Он что, издевается? Забыл? Не получил записку? Бля...

Поднимаюсь на его этаж, стою с минуту у двери, а после звоню. Жду... Ну аля. Дверь, мать ее, открылась, и вышел Женя. Сонный. Растрепанный. Сексуальный... Но это лишь мысли, с виду я был злее бойцовой собаки.

Грублю, раздраженно задеваю, но слежу за каждым его движением. Какой же он плавный, грациозный, красивый по-своему. Сосредоточенно одевается. Медленно, слишком медленно. Назло? Пытаюсь снова зацепить его словами, что колются как колючки, не слишком больно, но приятного мало. И получаю контрольный выстрел между глаз.

Я мастер опаздывать? Это он о нашей первой встрече? Понадобилась вся моя чертова сила воли, чтобы затолкать истинные эмоции под маску. Почему рядом с ним это делать так сложно?

Наконец, выходим. Молча. Он, насупившись, с темными кругами под глазами, и я, с виду безразличный и порядком злой, но лишь с виду. Медленно моргает, спокойно глядя вокруг. Садится в машину. Задумчиво поглаживает свою руку. Я бы хотел, вот как он сейчас, водить большим пальцем по его ладони. Медленно. Чувственно.

Дорога быстрая. Незаметная. Ведь все мое внимание привлекает он. Пусть и не открыто, а краешком глаза, искоса... украдкой, но я наблюдаю за ним.

Поднимаюсь на свой этаж. Распахиваю дверь. Пропускаю его вперед.

— Че встал посреди комнаты, как вкопанный? — резко спрашиваю, видя его замешательство. Зря? Зря. Но я как ребенок, который хвастается своей новой игрушкой, нервничаю, что ему не понравится моя квартира.

— Куртку куда? — бесцветно. Серо... неприятно. Я, стиснув зубы, заставил себя не поежиться. Беру его вещь и, повесив в шкаф, иду непосредственно в свою обитель зла. Избегаю взгляда, делаю вид, что ну очень занят включением ноутбука. Присаживается на диван. Раскладывает мольберт. Кисти, карандаши, чистые листы. Делает вид, что картины на стене его не волнуют. Однако я пару раз замечаю, как он нервно на них поглядывает. Видеть его в своей комнате — это так... волнительно. Жаль, что здесь он не по собственному желанию, жаль.

— Что сегодня вы желаете? — пшеничная бровь чуть вздернута. Я на секунду сжимаю руки в кулаки. Больно. Сильно. Официоз губит ситуацию. Официоз рубит сук, на который я взлезть пытаюсь. Официоз выстраивает еще большую стену между нами.

— Хочу цветную работу.

— Это дольше. Намного.

— Знаю, но пока не дорисуешь, не отпущу, — чуть сузив глаза, отвечаю. Перспектива держать его в своеобразном плену манит.

— Ясно, я позвоню тогда и предупрежу, что буду поздно.

— Ага... — не зная, что еще тут сказать, выдаю. Стягиваю с себя шмотки, ну точнее пиджак, и всякие там побрякушки, оставаясь только в джинсах и майке.

— Ванюш, передай маме, что я либо ночью приду, либо утром, — устало произносит. Когда он спал последний раз, интересно... — Прости, родной, и да, можешь у меня спать, только картины не трогай. Хорошо. Куплю. Обещаю, — улыбается уголками губ.

Его любовь к братику такая явная. И улыбка такая искренняя, хотя тот, кому она предназначена, и не видит ее.

Улыбнется ли он мне когда-нибудь? Вероятно, если я перестану быть редкостным дебилом, коим сейчас являюсь.

— Я позвоню позже, мне нужно работать, — он отключает телефон. Потягивается и, сделав все необходимое для начала работы, выжидающе смотрит на меня.

— Что? — приподнимаю бровь.

— Полный рост? Сидя? Стоя? Анфас? Профиль? — перечисляет, глядя словно сквозь меня. Задевает.

— Прошлые картины ты рисовал, как хотел.

— Потому что я хотел их рисовать, — пожимает плечами.

— А сейчас не хочешь? — спрашиваю холодно. А внутри вулкан. Буря. Торнадо. Тайфун. Он не хочет рисовать меня!!! Не хочет... Почему же мне настолько неприятно от этого? Кажется, все вполне логично — я заставляю, а когда заставляешь заниматься даже любимым делом, вряд ли кому-то это понравится.

— Не хочу, но буду. Повторю вопрос: как вы хотите, чтобы я вас изобразил?

— Хватит выкаты... — смягчаю тон.

— Ну что вы, я ведь просто ваш, хм... раб, а к хозяевам обычно на «Вы» обращаются.

Я не знаю, что ответить. Тупик. Если скажу, что это все был тупой блеф — он уйдет и, возможно, навсегда, а допустить подобное я не готов, пока не готов... или же вообще не буду готов. Продолжать изображать ублюдка тоже не хочу, я ведь не такой... И я хочу его улыбку, искреннюю, теплую... мне. Что же делать? Как же сложно...

Сажусь к нему боком, беру любимую гитару и расслабляюсь. Пусть рисует, что хочет... пусть просто, блять, рисует и будет рядом, даже насильно.

Перебираю пальцами натянутые струны. Спокойную тихую мелодию. Мою собственную, одинокую. Ее никто не слышал, кроме меня, ну а теперь и его. Он ведь не понимает, как много

для меня это значит, зато я знаю, что совершил поступок, достойный похвалы. Быть может потом, когда-нибудь, он это узнает и оценит.

Чувствую его взгляд. Только он не такой, каким был позавчера. Нет интереса, огня. Он будто робот. Умелые движения изящной кисти, тихий скрежет грифеля по бумаге. Делает набросок...

Делал. Около часа. Периодически глядя на меня, но все же словно сквозь. Неприятно...

Закуриваю. А он за этот час не курил еще ни разу. Видно ведь, что хочет, узнаю нервные симптомы по себе.

— Курить можно, пепельница на окне стоит вторая.

Хмурится и продолжает. Глаза мутные. Взгляд незаинтересованный. Руки чуть подрагивают. Он устал... Это заметно, но остановить его — значит отпустить. А это выше меня...

Проходит еще полчаса, он буквально чахнет на моих глазах. И не курит. Мне бы радоваться, да вот не весело совсем. Курение, конечно, зло, но в одночасье бросать даже вредно.

— Не куришь?

— Нет.

Опять эмоций ноль. Знаете, как лимон выжатый, одна лишь кожица. Может, он заболел?

— Почему?

— Сигареты забыл.

Ну, пизде-е-ец...

— А попросить? - вырывается. Я ошалело смотрю на Женю. Да что с ним не так? Неужели сигарету попросить — это слишком для него? Гордыня-матушка? Принципиален настолько?

Я удостоен взгляда, о, бог ты мой, сейчас рыдать, блять, буду от радости. Злюсь. Сильно. Дико. Смотрю в упор. Подхожу к нему, протягиваю наполовину скуренную сигарету. Бери... Ну же... Пожалуйста. Немая мольба...

Краткий контакт наших глаз. Его, такие потускневшие, и мои, жутко злые. Как же хотелось сейчас, стоя так близко, стереть кончиками пальцев синяки под его глазами, словно ластиком. Разгладить уставшие морщинки. Заправить выбившиеся пряди за ухо. Но я стою и просто смотрю, трус.

— А целой нет?

— Нет, — с издевкой отвечаю. И почему из моего рта только дерьмо выливается вместо настоящих эмоций? Я думаю одно, а говорю противоположное. Напрягает уже даже меня.

— Какая жертва, вы готовы отдать мне последние полсигареты? — ехидство неприкрытое. Вот сученок...

— Как хочешь.

Затягиваюсь. Глубоко, с наслаждением. Выпускаю струйку дыма в его лицо. Злорадно...

Всего за доли секунд синева его глаз темнеет. Эмоции в чистом виде, настоящие, неподдельные вспыхивают. Только одно, но... это злоба и раздражение вместо тепла, которого я так хочу. Протягиваю снова, не берет, отворачивается. Черт с ним. Не хочет — не надо.

Сажусь обратно. Докуриваю, глядя в одну точку. Впадаю в прострацию. Выпадаю из реальности. Со мной порой бывает такое. Могу задумчиво сидеть несколько часов.

— Кофе можно? Иначе я отрублюсь сию же секунду, — привлекает мое внимание, зевает, прикрыв рот рукой. Смотрит своими красивыми сонными глазами, беззащитный.

Милый. Нежный... Такому, думаете, можно отказать? Нет, нельзя.

===== Глава 13. =====

POV Женя

— Какой? — обычный вроде вопрос, а я, как идиот, туплю.

— Эм... две ложки кофе, одна ложка сахара, — немного неудобно стало. Он может отказать, я ведь тут на птичьих правах. Однако он встает и идет на кухню. Молча, спокойно.

Подхожу к окну, открываю плотные шторы и охаю под нос от открывшегося вида. Мало того, что окно от потолка до пола, так еще и выходит оно на водохранилище. Безумно красиво. И я бы насладился всей этой красотой в полной мере, если бы не хотел спать, есть и курить. И что больше из этих трех вещей — я не знаю.

Прислонившись головой к стенке, смотрю на тихую мирную картину природы.

Погружаюсь куда-то глубоко. Сплю с открытыми глазами. Расслабленный. Уставший.

— Твой кофе, — глубокий приятный голос близ моего уха. Аромат кофе и сигарет, вперемешку с его парфюмом взрывают мой мозг. Так от восторга и задохнуться можно. Уникальный, ахуенный коктейль запахов, я вам скажу. М-м...

Беру кружку, что маячит передо мной. Втягиваю пар, исходящий от нее. Отпиваю обжигающую жидкость. Горько. Терпко.

Он стоит за моей спиной, так близко... Если обернусь, я, вероятно, уткнусь прямо в него, но нельзя. Пью, глядя в окно. Молча. Понимаю, что кофе вряд ли поможет мне, спать я хочу невыносимо, держась из последних сил.

Струйка дыма по правую сторону от меня навязчиво дразнит. Дышу дымом, терплю. Просить не буду, ну уж нет. А он и не предлагает. Ублюдок.

Скосив глаза, наблюдаю за ним. У себя дома он другой. Совершенно другой. Он кажется взрослее, серьезнее и мягче. Смотрю, осознавая, что теряю голову, что мое помешательство усугубилось, теперь, даже если он исчезнет, я не забуду его очень долго, если вообще смогу забыть. Врезался в мозг, как таран, заполнил собой все внутри и сидит, как вирус, как паразит, не выдворить, не излечить...

Полные губы, словно целуя, выпускают из плена белый фильтр сигареты. Длинные, тонкие пальцы сжимают, мягко, казалось бы, вообще невесомо. Он красиво курит. Сексуально. Но это не будит во мне звериную похоть или навязчивое горячее желание. Мне просто приятно на это

смотреть. Я привык любить глазами. Любить мелочи, на которые остальные не обратят внимание.

Его профиль безупречен, я говорил это? Взгляд уверенный, сосредоточенный.

Струйка дыма из узкого колечка губ. Он, ничего особенного не делая, привлекает к себе внимание. И я жадно скользя глазами по его подбородку. Кадык, небольшой, острый. Красивая шея, не слишком тонкая. Ключицы изящны, при всем том, что он невероятно мужественен. Я не назову его мальчишкой... Даже парнем, он скорее молодой мужчина. Не то, что я.

Он идеален. Вот так глупо. Банально. И тупо... идеален.

Яркая черная бровь задиристо приподнимается. Глаза цвета горького шоколада вопросительно смотрят. Да знаю я, что попался на своем лицезрении... Но не скажу же я это прямо в лицо.

Молчи, только молчи, умоляю... Не прерывая контакта, тянусь к его сигарете, которая зажата губами. Забираю ее. Нагло. Касаясь кончиками пальцев его нижней губы. Мимолетно. Дразняще. Но я чертовски сильно этого хотел. И мне правда уже плевать на то, что будет дальше.

Я ожидал упрека. Насмешки. Издевки. Злости. Недовольства или агрессии. Но нет, я снова ошибся. Он просто смотрит. Изучающе. Обличающе. С каплей удивления на самом дне его глаз.

Губы так и остались чуть-чуть приоткрыты. Будто он и не заметил, что сигарета отсутствует. Затягиваюсь с нескрываемым наслаждением. Чувствуя ментол на кончике фильтра. Он не пил кофе, зато жевал жвачку. Забавно. Ради меня варил? Выдыхаю, медленно. Точнее просто приоткрываю рот, и сизый дым сам вылетает рваными клочьями, удушливый. Странно то, что я не чувствую себя чужим, стоя в его комнате, ремонт которой явно стоит больше, чем вся моя квартира. Мне уютно. Комфортно. Только смущает хозяин...

Затягиваюсь снова. Долго. Много. Протягиваю руку и вставляю в его рот сигарету, снова касаясь его губ кончиками пальцев. Глаза в глаза...

Особенный момент. Непохожий ни на что из того, что я испытывал. Это интимно. Это сильно. Это незабываемо. Вот из таких мелочей складывается нечто большее. Точнее... может сложиться.

Только молчи... Шепчу про себя. Допиваю кофе в пару глотков, обжигая горло.

— Спасибо, — протягиваю ему чашку. И как только он забирает ее, отхожу от окна, чуть пошатнувшись. Кофеин — это замечательно, никотин тоже. Но вот поспать бы... хоть часочек.

— Ты голоден? — его голос разрывает тишину в комнате. Давящую, но комфортную.

— Нет, — вру, нагло причем. Но мы ведь не в кафе и даже не на улице. А у него дома, и позволить себе нахлебничать не могу. Не привык я к такому...

Стоя работать сил нет. Сажусь на стул и, подвинув к себе мольберт, чуть склонив голову в сторону, неспешно рисую. Ловя на себе его исследующий взгляд. Задумчивый. Но в нем нет холода...

...

Меня вырубают. Глаза попросту закрываются... Может, он что-то подсыпал мне?

— Жень...

— Мм? — несвязно мычу. Тру глаза, знаю, что выгляжу пугающе, они ведь явно красные, как у вампира уже.

Не знаю, что он хотел сказать, так как в его дверь позвонили. Но в тот момент, когда он вышел, я просто лег на его кровать и вырубился...

...

Просыпаюсь... Темно. Очень темно, ибо шторы закрыты, а свет никто не включил.

Полнейшая, кромешная тьма. Выколи, мать его, глаз. Потянувшись, сползаю с кровати. И, пробираясь по комнате на ощупь, нахожу дверь и выхожу.

По квартире шлейфом тянется изумительный запах еды, от которого все внутренности в узел связало. Слюна заполняет рот, а живот противно урчит. Палево...

— Садись, — кивок на диван, что стоит у круглого стола.

— Зачем?

— Есть будешь, — раздражение неприкрытое вперемешку с насмешкой. Он выглядит свежим. Переделался, волосы слегка влажные. В душе был? Вероятно... В умывальнике два бокала, пара тарелок. Кто-то приходил? Скорее всего... Н-да, видимо, немало я проспал.

— А ты?

— А я уже поел, пока ты харю плющил на моей подушке.

— Тогда я не буду, — я всегда был упрямым, даже во вред себе. Что уж тут поделаться...

— Будешь, — тарелка буквально материализовалась перед моим носом. Я не буду есть! Не буду! Пытаюсь я себя убедить, что он сейчас даст мне слипшиеся макароны и протухшие сосиски, но аппетитный запах курицы с рисом убивает все мои убеждения.

Пошло все к черту. Решаю и, взяв вилку, пробую. Вкусно... или же я чересчур голоден.

— Не отравлено даже? — вскидываю бровь, зачерпнув еще порцию.

Ответа не последовало, зато он фыркает весьма красноречиво. Смерив меня недружелюбным взглядом, закуривает и утыкается взглядом в окно. Вот я debil... Пришел к нему, сигареты его курю, на кровати его сплю, еду его ем, так он еще и за картину деньги недетские заплатит. Я же потребитель!

Осознание как груз на шею.

Как гром средь ясного неба.

Как булыжником в затылок.

Рисуя его, — наслаждаюсь, нахожусь рядом — наслаждаюсь, курю с его губ — наслаждаюсь, а мне еще и платят. И как я раньше не смекнул? В горле образовался ком, отказываясь исчезать. В данной ситуации, во всей этой гребанной ситуации Я в огромном выигрыше, в абсолютном выигрыше, так почему же я злюсь? Он ведь лишь на словах урод, может, его угроза и вовсе пустой блеф. Тогда зачем ему все это? Ради картин... шепчет подсознание. Художников дохуя, грубо говоря, город у нас немаленький, таких, как я — десятки, если не сотни.

Но только я рисовал его обезумевший и не спавший ночами, вспоминая малейшие черты его лица... Бля. Сколько же вопросов резко появилось...

— Доедай.

Менторский тон. Поучающий. Отеческий, я бы сказал. Еда не лезет, кусок курицы, как трава, а рис, словно грязь. У меня всегда так, если вдруг мозг начинает усиленно работать, то остальное отключается. И как объяснить это ему? Никак... Запихиваю в себя остатки, обильно запиваю газировкой. Фух...

Небрежно подталкивает ко мне пачку сигарет. Достает из кармана джинсов зажигалку и бросает туда же. Какая щедрость...

— Ты, случаем, на курсы актерского мастерства не ходил? — не смог я сдержаться, чтобы не съехидничать.

— Я говорил уже тебе, как отношусь к учебе.

Говорил... Только это было почти год назад. И я-то помню, но ведь он же пытался показать мне, что и ни сном ни духом о нашей первой встрече. Мол, не помню, не знаю, не я был.

— Разве? — приподнимаю бровь и, пока не разозлил его сильнее, беру сигарету и закуриваю. А то мало ли... Вдруг его лимит щедрости иссякнет.

После вкусного обеда, эм, ужина... не мешало бы поспать, а в моем случае покурить. Свято. Ритуально. А сколько вообще времени сейчас? Ищу глазами часы.

— Второй час уже, — он что, мысли читает? Бля, стоп. Это ж сколько я спал? И чем, интересно, он занимался?

— И напомню, пока не дорисуешь, из моей квартиры не выйдешь, — его глаза вспыхивают. Хищно. Довольно. Какой ему прок от моей тушки? Ах да... картина.

===== Глава 14. =====

POV Рома

Он что, привык пить растворимое фуффло? Кошмар какой-то. Нет ничего хуже некачественного кофе. Стою, жду. Варю гребанное пойло в турке. Кому я последний раз его делал?

Возвращаюсь назад, перед этим закурив. Войдя в комнату, натыкаюсь взглядом на него, стоящего у окна. Скольжу глазами по его фигуре, не боясь быть рассекреченным. Чертова резинка бесит меня. Она сдерживает его волосы... Красивые, золотистые локоны. Плечи расслабленные. Стоит, привалившись к стенке, и смотрит в мое окно. Позвать его? Пихнуть? Всунуть горячую кружку в его руки молча?

Подхожу впритык сзади, ближе, чем когда-либо. Прикрыв глаза, вдыхаю его запах. Давая себе минуту слабости, а после, придвинувшись к его уху, тихо оповещаю о том, что его кофе готов.

Какой ураган эмоций во мне в этот момент, описать сложно. Говорить нет желания. Молчать...

Почему с ним такие обыденные вещи становятся чем-то особенным?

Курю. Смотрю в окно. Плечом к плечу с ним. По ту сторону стекла красиво. Золото опавших листьев устилает землю. Полуголые деревья одиноко машут ветками от легкого ветерка. Водохранилище словно мертвое море. Недвижимо. Спокойно.

Взгляд прожигает. Внимательный. Заинтересованный. Я чувствую его почти физически.

Курить, когда кто-то рассматривает твое лицо, сложно. И я знаю, что я модель, и у меня должно притупиться подобное ощущение... Но когда тебя с расстояния полуметра рассматривают внаглую, мурашки по коже бегут. Он рассматривает...

Не выдерживаю накала у себя внутри. Встречаюсь с его глазами. Заталкиваю подлинные эмоции подальше в себя.

Синие глаза напротив. Сонные. Уставшие. Смотрят, пролезая к сердцу, врезаясь в ребра. Кроша на своем пути все преграды, достигают цели.

Касание. Легкое, как перышко. Плавающее. Эротичное.

Теплые пальцы на моих губах, дрожью по телу, мгновенной пульсацией в штанах. Черт...

Не моргая. Глаза в глаза. Боже... Знает ли он, как выглядит в данный момент? Блеск сапфировых глаз. Диковатый. Дразнящий. Замираю, забыв как дышать. Замираю и жду, что же будет дальше.

Мне бы самому его коснуться. Провести пальцем по чертам его лица. Обвести обветренные губы, но я просто стою и смотрю. Пытаюсь понять его эмоции. Я знаю, что не безразличен ему. Ведь будет ли человек рисовать тебя, увидев лишь однажды, просто так? Вряд ли.

Зачем он это делает? Осознает ли, какая моя реакция? Догадался? Что-то рассмотрел?

Снова касание. Порхающее, почти невесомое. И я не в силах прервать этот контакт. Оборвать эту нить, что между нами появилась.

Дотянуться бы до его губ... Ощутить его вкус на языке. Прикоснуться снова кожа к коже. Вдохнуть его запах, зарывшись в волосы за ушком. Смагиваю наваждение. Затягиваюсь глубоко в себя. Горечь на кончике фильтра от кофе. Он не смачивал его слюной, как я тогда. Но это не помешало ему оставить часть себя на сигарете. Заводит... лишь мысль о том, что это словно поцелуй. Интимно. Сладко. Как-то по-особенному.

Допив, отдает мне кружку. Садится на стул и продолжает работать. Выглядит, как зомби, ей-богу. Хочу обнять его и уложить в постель, стянуть ненавистную мне резинку с его волос и укрыть. Погладив по измотанному лицу, ждать, пока он уснет, и долго на него смотреть в тусклом свете комнаты... Мечты.

Он моргает все медленнее. Видно, что ему стоит огромных усилий продолжать рисовать.

Меня затапливает нежностью к этому хрупкому существу. А он выглядит именно таким сейчас. Младше, чем есть на самом деле. Расслабленнее.

— Жень... — не выдерживаю. Хочу, чтобы он прилег, чтоб перестал себя мучить, я ведь не изверг.

— М-м? — глухо мычит. Казалось, этот звук отнял у него последние силы. Я хотел подойти, поднять и отвести его к кровати. Уложить и проделать все, чего так хотел... Погладить. Обнять. Укрыть и наблюдать... но, видимо, не судьба. Мне помешал звонок в дверь.

Раздраженный иду к двери. Открываю. На пороге моей квартиры стоит омерзительно развратный Сергей. Его тут только не хватало...

— Тебе чего? — вырывается. Грубо. Недовольно.

— У меня есть кексы, — расплывается в улыбке, сверкая глазами, и поднимает пакетик в руке из булочной.

— И?

— Чайник ставь, — отпихивает меня и входит. Открываю рот, чтобы гаркнуть да погромче, но вспоминаю что не один дома. Черт...

— Ну и какого лешего ты приперся? — зайдя в кухню, спрашиваю. Пока он орудует моей же посудой, как у себя дома... Пиздец.

— Решил проверить, врешь ли ты, — ядовито в ответ. Проверил, блять... Теперь я от него не отмажусь ни под каким предлогом. А ссорится уже в который раз чревато, он все же многое для меня сделал.

— Не вру.

— И где твои обстоятельства? Ты вроде как ходишь со скучающим видом по квартире. И отлыниваешь от работы — вот что я вижу. И это — твоя ложь, — его взгляд способен приморозить к полу. Холодный. Резкий. Обличающий. Чувствую себя овцой перед волком...

Стою в дверях. Смотрю на него. Молчу. А я не знаю, что мне ответить. Он все правильно понял. Раскрыл мою ложь. И может, хоть сию секунду послать меня нахуй.

— С сахаром? — спрашивает вполне спокойно, а я ошарашенно хлопаю ресницами, не понимая, как можно вот так меняться. Минуту назад был язвительным ублюдком, а теперь спокойный, уравновешенный мужчина. Н-да-а...

— Ага...

— Сколько?

— Одну ложку. И надолго ты? — забираю свою кружку из его рук.

— Не знаю. Хочу осмотреться здесь, да и дел никаких уже нет на вечер. Встречу с неплохим автором мне пришлось отменить из-за твоих мнимых обстоятельств.

Рушу свою карьеру из-за того, с кем, возможно, и быть не смогу. Глупо? О да-а-а...

Я так долго хотел добиться хоть чего-то в музыкальной индустрии. У меня есть шанс, а я хуйней страдаю. Придурок. Корю себя последними словами, вливая обжигающий кофе в желудок.

Теплые пальцы у виска... ниже по скуле к губам. Нежно. Чувственно. Поднимаю глаза. Он близко, всего в паре сантиметров. Властный. Зрелый. Знает, чего хочет. Привык брать то, что ему нужно.... А я, как кролик перед удавом, смотрю, не в силах пошевелиться. Понимаю, что если бы не кружка в моих руках, он был бы еще ближе. А я его боюсь. Эта мысль так отчетливо всплыла в мозгу.

Он может сделать так, что я сломаюсь, испортить то, чего я так хочу. С легкостью.

Расстояние между нашими губами сокращается невероятно близко. У меня паника внутри, я не знаю, что мне делать... Оттолкну - разозлю. Позволю - предам сам себя. Что бы выбрали вы?

Влажный язык по моим пересошим устам скользит, прося разрешения, мягко раздвигая непослушные губы. Сдаюсь, впуская...

Это не мерзко, как я думал. Это приятно, даже слишком. Признаю: целуется он хорошо, умело. Знает, как пробудить желание. Как добиться ответа.

— Ты хоть представляешь, насколько сладко и соблазнительно ты выглядишь? — хриплый шепот. Ласкающий. Бог ты мой... Отчего же мое тело так реагирует на этого извращенного ублюдка.

— Говоришь так, будто я торт, — фыркаю.

— Перестань выпускать колючки, — спокойно. Приглушенно, обволакивает.

Моя чашка пропадает. Сильные руки вжимают в стену. Теряюсь... Снова его губы на моих. Ласково. Нежно.

Хочу оттолкнуть, понимаю, что это своего рода предательство. Ведь за стеной Женя...

Но его хватка не позволяет даже двинуться. Я в ебаном капкане.

Скользкий влажный язык по моей шее, мерзко. Мерзко не само ощущение, а то, что тело реагирует, но в мыслях даже сейчас тот, кто находится в моей комнате. Прикрыв глаза, позволяю фантазии заполнить мозг. Воображению нарисовать картину другой реалии. Представляю, что со мной ОН.

Легкий укус предплечья, горячие ладони на выступающих кубиках пресса. М-м... Приятно. Сдержанно.

— Ты идеален... — голос крушит мои мечтания. Зачем он рот открыл свой поганый? Зачем все испортил... — В комнату?

Молча веду его, он хотел дернуть ручку ближайшей двери, но я подтолкнул его вперед. Не хватало мне еще, чтобы он Женю увидел.

Алые, как кровь, простыни моей сестры встречают приветливо мое тело. Отдаюсь ощущению умелых ласк своего начальника, может, получив меня, он отстанет. Может, это что-то изменит...

Вес чужого тела на мне. А в мыслях Женя...

Губы, ласкающие, сводящие с ума. А перед глазами Женя...

Руки, пробирающиеся везде, терзающие. Женя — теперь его имя у меня синоним желаний.

Выгибаюсь от ласк. От требовательных поцелуев. Чувствую пальцы, что проворно пытаются подобраться к моему аналу. Рывок. Легкий хруст. Шипение.

— Я не позволю тебе взять меня как сучку, — рычу, открыв глаза. Отбрасывая руку от себя. Трогать? Да. Трахать меня? Нет.

— Тише-тише, не горячись, я понял, ты актив, окей, — примирительный поцелуй, чуть более звериный. Сука, опять он все портит...

Возбуждение утихает, когда я вспоминаю, с кем я, что не осталось незамеченным для Сергея. Его рот накрывает мою плоть. Обхватывает тугим колечком губ алую головку. Заставляет мой член затвердеть снова. Сдавив челюсть, рычу. От бессилия. Слишком умело он ласкает.

Языком по венкам. Губами вдоль ствола. Чуткие пальцы поглаживают мошонку, перекачивая яички. С губ срывается еле слышный стон. Рваный вздох. Как бы я хотел, чтобы это были другие губы. Другие руки.

Проваливаюсь в пучину ощущений. Плавлюсь от напора его языка. Так глубоко, я чувствую мышцы его горла, что рефлектно сжимают. Хлюпающие пошлые звуки. Довольное сопение моего любовника.

— Возьми меня, орешек, — шепот. Хриплый. Возбужденный.

Взять? Да легко. Наверное, все мечтают хотя бы украдкой выебать своего начальника.

Ставлю его на четыре кости. Плевок. Слюна стекает между ягодицами. Еложу головкой, размазывая. Я, конечно, скотина, но адскую боль причинять даже такому ублюдку не стану. Раскатываю презерватив. Медлю.

— Давай же, — рычит? Пф. Да без вопросов, ему же больно, не мне.

Внутрь до упора. Горячо. Туго. Пальцы остервенело сжимают поясницу партнера. Бедро, покачиваясь, задают ритм. Хорошо... Шлепок по ягодицам, оставляя розоватый след на бледной коже. Брюнет выгнулся, подмахивая мне. Не забочусь о его удовольствии, тупо трахаю. Жестко. Резко.

Задыхаюсь от накатывающего наслаждения. Чувствую, что разрядка близка. Ускоряюсь.

Как хорошо, что звукоизоляция в квартире отличная, и Женя не услышит пошлых стонов. НЕ узнает о том, что произошло в квартире...

Войдя до упора, кончаю. Бурно. Долго. Дрожа.

С приходом оргазма накатило и сожаление о свершенном. Стыд противный, липкий пропитывал, как дымка, изнутри медленно, но настойчиво. Как в глаза теперь смотреть ему? Как зайти в ту комнату? Я идиот... Господи, убей меня, еблана. Что я натворил?

— Я могу остаться на ночь?

— Нет, — отвечаю сразу. Порывисто. Слишком быстро.

Неправильно. Дико. Ужасно! Как я, блять, мог? Я теперь им обоим в глаза не смогу смотреть.

— Лады.

Одевается. Неспешно, как ни в чем не бывало. Мне бы его выдержку и хладнокровие. Проходит мимо дверей моей комнаты. И прежде чем я успеваю его остановить, открывает ту рывком. Тихо. Темно. И лишь силуэт на моей кровати.

Женя мирно спал. Везение? Как бы ни так. Ярость в аквамариновых глазах Сергея заставила меня похолодеть. И я его понимаю. В то время как на моей кровати спит парень, я трахал его в другой комнате. Мерзко...

— Голоден? — спрашиваю, чувствуя каплю вины перед ним.

— Не откажусь. Вино есть?

— Есть.

— Отлично.

Идем в кухню. Наспех достаю размороженную еще с утра курицу, ставлю воду на рис. Сергей не мешает. Открыв вино, подает мне нужные ингредиенты. Молча. Спокойно. Он точно хамелеон. Не понять его...

Поглощаем пищу, изредка встречаясь глазами. Разговор как таковой не вяжется. Ответы однострочные, немногословные. Напряжение ощущается.

Вино выпито, еда съедена, почти вся... Провожу его до дверей.

— Утром в офисе, — слышу на прощание и щелчок двери.

Бегом в душ. Тру кожу до красноты, смывая чужой запах. Стирая чужие ласки. Матерюсь под нос отчаянно. Виню себя за глупость. Но содеянного не вернешь....

Переодеваюсь, промакиваю полотенцем волосы и, взъерошив их, иду в кухню убрать следы...

Но не тут-то было. Не успел я тарелки в раковину сгрузить, как увидел стоящего в дверях Женю. Сонный. Милый... Вина еще сильнее сдавила кольцом свои цепкие лапы на моей шее. Отворачиваюсь. Усаживаю, почти насильно кормлю, все время наблюдая исподтишка.

Курю, прогоняя мысли. Пытаюсь опустошить себя. Бля-я...

...

— Не вкусно? — замечаю, как он кривится после моих слов.

— Вкусно, — видно, что выдавливает из себя нехотя. Странный он все-таки.

— Тогда не кривись, как будто тебе дерьма в рот напихали, — мой голос ровен, но отчужден.

Как же спрятать свой стыд? За какими эмоциями? Не знаю...

===== Глава 15. =====

POV Женя

Ну, здравствуй, ублюдок. Хотелось сказать, стиснув зубы. А я-то думал, что-то изменилось хоть на каплю. Ошибся. Снова.

Поблагодарив за еду, иду в комнату. Ищу в темноте выключатель. Безуспешно. Спотыкаюсь о ковер. Натыкаюсь коленкой на угол кровати...

— Мог бы попросить, — так близко, так хрипло, так волнующе.

Замираю, чувствуя его, стоящего позади. Мы почти касаемся друг друга. Я слышу его дыхание. Окутан его запахом.

Бля...

Темно. Непроглядно. Меня сковывает от вспыхнувшего желания. Стянуло все внутри. Туго. Жарко. Мне не хватает воздуха. Пульс как бешенный, словно я стометровку пробежал. Ладони потеют. Ох...

И нет, я не теряю голову от вожделения или возбуждения. Это совсем другое чувство. Оно саднящее где-то глубоко внутри. Требующее прикосновения. Малейшего...

Минута, другая, третья... Почему он медлит?

Тянусь рукой к стенке, в надежде найти гребанный выключатель. Кончиками пальцев провожу по холодной стене и натыкаюсь на горячую ладонь. Не хочу ее убирать, но и оставить на месте не могу. Ведь вполне возможно, это будоражащее нутро чувство одностороннее.

С великим сожалением прерываю контакт. Точнее пытаюсь... Он переплетает наши пальцы, прежде чем я убираю руку.

Целая гамма эмоций накрывает. Это так нежно. Невероятно приятно.

Наэлектризовывает меня всего от макушки до пяток. Волоски на руках встают дыбом.

Дыхание замирает под ребрами. А грудная клетка чуть вздрагивает от того, как беспощадно сердце бьется внутри. Загнанное. Удивленное.

Закрываю глаза, хоть мы и стоим в крошечной тьме. Пытаюсь расслабиться, позволяя себе насладиться шелковистостью его кожи. Он поглаживает большим пальцем мою ладонь. Медленно. Чувственно. До дрожи...

Его дыхание на моей шее слабым потоком горячего воздуха. Чувствую, как соскальзывает резинка с волос, и они рассыпаются по спине и плечам. Щекотно. Плавно. Волнообразно.

Боюсь двигаться.

Боюсь спугнуть.

Боюсь нарушить этот особенный момент единения.

Я боюсь даже дышать...

Моя спина касается груди Ромы. Он слегка вздрагивает, но не отстраняется. Молчит, дыша мне за ухом. Касаясь кончиком носа нежной кожи.

Это... это... У меня слов нет.

Мурашками по коже. Ознобом. Пульсацией в животе. Выворачивает эмоционально.

Так желанно.

Так долгожданно.

И так страшно...

Такая простая и обыденная ласка. А я на пике морального наслаждения. Внутри все трепещет безумным роем бабочек.

Легкое касание. Невесомое. Кончиками пальцев по моей шее. Убирает волосы на одну сторону, закидывая на плечо. Вдыхает меня... Изумительно. Неповторимо. Хочется раствориться в нем... Остановить время. И восторгаться этим удивительным чувством. Когда слышишь стук его сердца. Ощущаешь даже через одежду жар его тела. А палец, медлительно вырисовывающий круги на моей ладони, это все лучше любой откровенной ласки. Ценнее. Интимнее.

Я не знаю, сколько мы вот так уже стоим. Но я хочу, чтобы это продолжалось вечно.

И не нужны мне страстные объятия. Головокружительные поцелуи. Я просто хочу, чтобы он вот так дышал мной, ласково глядя мою ладонь. Молча. Тихо. Мирно. Когда удары сердец в такт, словно одно на двоих.

Мне жарко. Все тело пылает, как в огне. К лицу приливает кровь. И я не в силах это контролировать. Не в силах даже шелохнуться. И понимаю, что уже попросту опираюсь на него, вжимаясь в крепкую грудь. Чувствую, как в копчик упирается его пряжка. А кончики пальцев на ногах утыкаются в мои пятки. Так забавно. Так правильно.

Поцелуй у основания шеи, кроткий. Краткий. Целомудренный, и это скорее просто касание губ... Мимолетное, но в нем столько эмоций.

Прерывисто выдыхаю...

Наши с ним руки скользят по стене, неотрывно друг от друга. Срослись. Слиплись, и нет желания разъединиться.

Щелчок. И яркий свет ударяет в привыкшие к темноте глаза. Недовольно морщусь и ощущаю холод, когда он отходит. Омерзительная пустота врывается и заполняет вместе с кислородом. Я дышу как будто угарным газом. Голова кружится. Так хочется отчаянно притянуть его к себе. Уткнуться в его плечо и просто молчать. Вот как до этого... Молчать, стоя прижатыми друг к другу телами.

Господи, ну пожалуйста...

Я не плакал так давно, но в данный момент я очень хочу это сделать. Пустить слезу. Тоскливую. Разочарованную. Болючую.

Поворачиваюсь и смотрю на него, а он не смотрит. Треплет волосы. Неуверенный. Уязвимый... Настоящий?

В нем что-то не так. Он будто потерян или виноват. Я не знаю его настолько хорошо, чтобы сделать правильные выводы. Но если анализировать его поведение по крупницам, по частичкам, если сложить маленькую картинку... из немногочисленных пазлов, то, вероятно, я верно угадал его эмоции. И они подлинны.

Хочу открыть рот и что-нибудь спросить, но не могу. Губы как будто склеены. Язык онемел, прильнув к небу. Какой же я трус.

На негнущихся ногах подхожу к мольберту. Сажусь на стул. Смотрю на картину и не хочу теперь рисовать его в таком свете. Не хочу этой надменности и высокомерия. Он нравится мне больше таким, каков он сейчас.

Ранимый. Чувственный. Глаза немного потерянные. Я вижу, как он старательно натягивает маску безразличия на лицо. Но, увидев в его глазах все это однажды, теперь без труда улавливаю, что настоящее, а что поддельное. Обнажаю его душу.

Это пугает его. Он прячет глаза, делая вид, что в ноутбуке что-то важное, а пальцы нервно подрагивают.

Рома... Что же ты сделал со мной?

Я молчу. А внутри все орет, воет немым воплем. Все вроде стало только лучше. Теперь хоть какой-то сдвиг с мертвой точки. Но отчего же так больно? Вкусив его прикосновение, теперь буду изнывать... Жажда, как странник в пустыне, по нему. Боже...

Срочно. Жизненно необходимо отвлечься. Курить. Много! А сигарет-то нет.

— На кухне еще осталось две сигареты, ты пока рисуй, а я в круглосуточный магазин. Ты какой сок пьешь? — так много слов, обрабатываю их, как старый подержанный компьютер — каждое. Произошедшее пошатнуло меня. Выбило из колеи.

— Гранатовый или виноградный, — отвечаю, потупив пару минут. Он же терпеливо ждал, пока до меня дойдет все из сказанного им. Вау...

Надевает байку, берет ключи и быстро выходит. Сбегает буквально из комнаты, а после и из квартиры вовсе. И я не уверен, что в самом деле сигареты закончились. Ему нужно немного времени побыть одному?

Иду на кухню, подцепив пачку с оставшимися, двумя и вправду сигаретами. Возвращаюсь.

Закурив, осматриваю свою работу. Красками и тушью я еще не начинал рисовать. Потому начинаю стирать то, что, на мой взгляд, не так, как нужно. Глаза, которые я кропотливо около часа вырисовывал, полностью стираю. Не те эмоции, не те чувства в них.

Выдыхаю едкий дым. Прокручиваю в голове то, что произошло за последний час.

Моя привычка раскладывать все по полочкам губительна даже для меня. Марк всегда говорил, что я слишком много думаю. И мой постоянный анализ ситуаций с разных сторон мешает мне же жить. Но я такой, какой есть, и менять себя не хочу, не буду, не собираюсь.

Грызу карандаш в перерывах между затяжками.

Без него в квартире так неудобно. Я как в чужом царстве. Темном, злобном королевстве. Эта комната как обитель зла. Она вся мрачная. Черная. Как сгусток тьмы, и лишь картины светлыми пятнами выделяются на стене.

Мне льстит то, что они висят вот так в ряд. Оценка твоего творчества теми, кто тебе небезразличен, намного больше важна, чем похвала посторонних.

Вывожу ровную линию радужки. Зрачок чуть расширенный. С темными крапинками вокруг... Обрисовываю каждую мелочь, увлекаюсь настолько, что не замечаю то, что он уже пришел.

В его глазах снова прежняя отстраненность. На лице усталость. Уже скоро рассвет, я-то поспал пару часов. А он? Чем же он был занят, интересно мне... Но остается строить догадки. Ибо мы с ним не разговариваем. Совсем.

— Я пойду уже, наверно, — тихо говорю, глянув на него.

— Нет, ты не уйдешь пока не дорисуешь, — упрямо. Ровно. Эмоций ноль.

— На картину уйдет несколько дней, а мне надо появиться дома и не только дома.

— Утром сходишь, — неоспоримо. Не терпя возражений.

— Уже утро, — отвечаю уверенно. Мне нравится противостоять ему.

Уходить я, в самом деле, не хочу, но надо. Была бы моя воля, я бы тенью следовал за ним везде. И я чертовски сильно хочу увидеть его спящим...

— Хочешь спать? — приподнимает бровь. Глаза смотрят заискивающе. Пытливо.

— Относительно, а вот тебе пора бы.

— Я могу долго не спать, — начинает.

— И спишь всего пару часов, — внаглую перебиваю. Ловя его укоризненный взгляд на себе.

— Помнишь? — толика удивления мелькает на красивом лице. И капля облегчения следом. Едва заметная.

— Помню.

Даже если бы хотел, я не смог бы забыть ничего, что связано с ним...

===== Глава 16. =====

POV Рома

Поход в магазин помог собрать мозги по крупичкам. Слишком много всего за один гребанный день. И все спонтанно. Незапланированно. Ненавижу! Я привык, что у меня все под контролем. Жестким. Постоянным.

А сегодня... Бля. Я не могу даже собственные мысли выразить. Рука все еще буквально зудит, помня прикосновение. Помня, как идеально переплелись наши пальцы. Черт...

Его запах стоял в носу. Навязчиво. Нестерпимо. Он травил меня. Он мешал дышать. Его взгляд оголял. Опустошал. Сводил с ума.

Близость. Тепло Жениной кожи... Стук сердца.

Как? Как можно стать так быстро зависимым? Как можно всего за пару дней так глубоко ввязнуться?

Я ведь не смогу без него теперь. Это как попробовать наркотик в надежде, что привыкания не будет. Но это все гребанное замешательство. Я подсел... Конкретно. Надолго. Бесповоротно.

Ловлю каждое его слово. Движение. Взгляд.

Все так много значит. Касания — живительны, необходимы. Мне нужно, чтобы он был просто рядом. И не важно, каков подтекст. Просто... рядом... Бред? О господи, да не знаю я!!!

Я потерялся. Чувствуя себя солью, рассыпанной по паркету. Попробовать собрать можно, но ты ни за что не подберешь все до последней крупички.

Отпустить его? Сейчас? Нет-нет-нет... Я не могу.

Удержать. Приказать. Да хоть, мать его, привязать, но лишь бы он остался.

Отчаянно пытаюсь быть мягким и в меру жестким одновременно. И прошу, и давлю. Но он так упрям...

Помню... Мягкая волна облегчения. Теплая. Желанная.

Не тело. Не красивое лицо. Слова, он помнит мои слова! Что может быть приятнее? Это как маленькое признание. Откровенность.

Встаю, устало плетусь к кровати. Скинув с себя байку, падаю на мягкую постель, оставшись лишь в борцовке и джинсах. Босой. Сонный.

Сладко потянувшись, встречаюсь глазами с ним. Его — такие чистые, синие. И мои — мутные, кофейные. Я плохо спал сегодня, а уже почти рассвет. Организм бунтует.

— Ложись спать, Жень, — мягко прошу. Я так ни с кем никогда не разговаривал. Не считая близких, очень близких для меня людей. А их единицы.

— Я могу поспать дома.

Сжимаю челюсть, сильно, до скрежета зубов. Сдавливаю руки в кулаки до хруста костей. На пару секунд смыкаю веки, чтобы скрыть вспыхнувшую ярость и безнадежность.

Почему? Почему он так хочет уйти? Тогда, когда настолько сильно нужен... Когда сделал меня зависимым. Приручил, сам того не ведая. Содрал мою скорлупу, раскрошил, разрушил. Вот он я настоящий. Уязвимый. Испуганный. Ждущий...

— Пожалуйста, — с нажимом. Голос предательски дрогнул. Руки чуть расслабились. Глаза потеплели.

Встает. Идет к дверям? Сам не ожидая от себя такого, приподнимаюсь... и приоткрываю рот...

— Я только выключить свет, — спокойно. Нежно?

Неужели моя обреченность настолько заметна? Или он стал понимать меня без слов? Хорошо ли это? Я так не думаю... Это пиздец как пугает.

Ложусь обратно, слегка хмурясь. Кровать огромная, тут может и четыре человека лечь, не соприкасаясь. Щелчок. И тьма...

Легкие шаги. Звук шелеста покрывала, и кровать прогибается под его весом.

Он рядом. Он со мной. В моей постели. Боже...

За окном сопливая погода. Мелкие капли звонко бьются по железному карнизу... Погода прямо под мое душевное состояние.

Окно открыто на проветривание, и, пролежав так с полчаса, я замерз, по правде говоря. И судя по беспокойному дыханию Жени, он не спал. Да и как заснуть тут, когда напряжение электричеством в воздухе. Осязаемое.

Привстаю и пытаюсь вытянуть одеяло из-под наших тел, заставляя его перекатиться к себе поближе. Точнее, он мог бы в противоположную сторону сдвинуться... Но мне повезло. Либо он сам этого хотел.

Заботливо укрываю его, видя лишь его силуэт. Ложусь обратно, натягивая одеяло до ушей...

Меня знобит. И непонятно — от ситуации или оттого, что я простывать начинаю.

— Холодно.

Он сказал это настолько тихо, что я сразу подумал, может, мне и вовсе показалось, но когда он придвинулся вплотную, соприкасаясь со мной, я понял, что идиот... Глухой. Тупой кретин. Господи, я после сегодняшнего дня себя ненавижу.

Оно ведь так просто — протянуть руку и обнять его. Прижать к себе. Тем более темно. Не так страшно...

Но у нас как в шахматах. Шаги делаем поочередно. Я первый отобрал его сигарету. Он после ответил тем же, но чуть более чувственно. Я коснулся его, дышал им. Гладил теплую ладонь. А сейчас чувствую его прохладную ладонь на своей груди. Да у меня сейчас сердце выскочит нахрен!

Аккуратно просовываю руку под его шею, ложусь на бок и обнимаю. Чудесно... Я не перестану восторгаться его запахом. Его длинными пшеничными волосами. Жаль, что глаз не видно. Зато чувствую его дыхание всего в паре сантиметров от моих губ. И я бы поцеловал его, честно. Но вспоминая, чьи губы сегодня касались меня, чувствую себя, как грязная последняя сволочь.

И я не могу позволить себе замарать его. Не сегодня... не сейчас, по крайней мере. Мне слишком стыдно.

И когда он успел гребанную резинку натянуть? Стягиваю ее медленно. Отбрасываю в сторону, слыша тихий смешок. Его это забавляет? Вот же...

— Если я ее завтра не найду... — якобы зловещий шепот. Но теплые потоки воздуха ласкают мои губы. Это очень приятно.

— Я куплю тебе новую или у сестры возьму, — закатываю глаза, но улыбка предательски приклеилась к устам.

— Какая щедрость, — он что, ехидничает? Вот так, лежа в моих объятиях, эта мелкая пиявка ерничает.

— Спи...

Нырнув рукой под его майку, глажу крепкую спину. Кончиками пальцев, от предплечья до лопаток. Второй рукой обнимаю за поясницу. Рука горит от контакта с его кожей. Дышать тяжело от его близости. Бля...

Движение — и он уже прижат ко мне плотнее. Рваный вдох. Нервный. Он что-то сделать хочет? Или это я выискиваю в обычных обыденных моментах подтекст? Ну, вздохнул и вздохн...

Его губы накрывают мои. Гладкие. Теплые. Сладкие от сока. А у меня крыша уже отъехала...

Он не давит. Не пытается проникнуть в мой рот. Просто ласкает мягкими губами мои. Почти невесомо, так нежно... Будоражаще. Поцелуй такой целомудренный, не переходящий черты... Словно он боится спугнуть меня? Пока я тут размышляю, баран, он отстраняется... Блять, ну что я за кусок идиота?

— Эй, — пытаюсь слабо возмутиться. Прижимаю лишь сильнее. Запускаю пальцы в его волосы. Как же я этого хотел...

— Что?

Голос обиженный? Трудно ответить. Я плохо его знаю... И я вообще без понятия, что сказать в ответ.

Носы соприкасаются самыми кончиками. Нежно. Чувственно. Такой милый момент. Заполняющий теплом изнутри. Надеждой.

Моя ладонь нежно массирует кожу его головы на затылке, пропуская сквозь пальцы шелковистые пряди.

— Поцелуй меня...

Отключаю вопящий мозг. Склоняю голову в сторону, прикасаясь к его рту. Ждущему. Провожу кончиком языка по нижней губе, чувствую легкую дрожь его тела, прижатого ко мне. Повторяю манипуляцию с верхней. Не хочу спешить. Хочу насладиться поцелуем в полной мере. Неспешно, тягуче сладко.

Нетерпеливо ловит мой язык губами, втягивает в рот, посасывая. Пошло. Эротично. Заводит.

Его рука скользит вдоль моего позвоночника роem мурашек. Дрожью.

Возбуждение болезненной пульсацией отзывается внизу живота. Горячий сгусток желания скользит в крови, закладывая уши. Он здесь. Он со мной. Жаль, что настолько темно... Хочу видеть его.

Одним движением проникаю в его рот. Напористо. Нетерпеливо. От соприкосновения языков миллиарды импульсов по телу. Как разряд тока. Молнией промеж глаз. Невыносимо хорошо.

— Ром...

— М-м?

— Спи... только майкуними.

Я туплю с минуту, а после стягиваю майку, откинув к ногам. Он делает тоже самое. И как я тут усну, когда его горячая грудь прижата к моей? Длинные проворные пальцы проходятся по моему прессу.

— И как мне уснуть? — не скрывая капли ехидства, спрашиваю.

— Давно хотел его потрогать, — смешок. — Спи, я буду вести себя прилично.

Вот пытаюсь быть хмурым. А не получается... Улыбаюсь как идиот, хорошо хоть темно и не видно.

— Повернись спиной.

— Зачем?

— Я не усну, когда твои губы маячат перед носом.

— М-м, ладно.

Поворачивается, откидываясь сразу же назад, упираясь спиной в мою грудь.

Утыкаюсь в его волосы лицом. Дышу им. Наслаждаюсь неприкрыто, медленно проваливаясь в сон.

Мечты сбываются...

===== Глава 17. =====

POV Женя

А я не уснул, просто не смог...

Лежал, слушая его мерное дыхание. Притихшее, ровно бьющееся сердце мне в спину. И наслаждался горячими руками, что держали крепко даже во сне.

К этому легко привыкнуть, а после будет болезненно трудно отвыкать...

Я вообще не уверен, что подхожу ему. Он настолько идеален, что, казалось бы, лишь сам Бог ему пара. И его переменчивость... Надолго ли хватит его? Неделя? Месяц? Год?

И нет, я не пасую. И обрывать все концы не собираюсь. Просто я готов к тому, что это вскоре канет в Лету... и возьму все, что он готов дать. Не задумываясь. Я буду наслаждаться каждую секунду его близостью. Запоминать. Впитывать.

Хочу курить. Да так, что аж рука стала нервно дергаться от ничегонеделания.

— Паркинсон? — сонно на ухо. Хрипло... Мурашками по коже моментально.

— Где?

— Со мной рядом. Чего рукой тогда трясешь?

— Курить хочу, — фыркаю в ответ. Нет, ну... почему он такой?

— И почему же не куришь тогда? — щекочет носом за ушком. Приятно, но так врезать ему хочется за тон.

— Тебя разбудить не хотел. Это вроде как очевидно.

— Какая жалость, что я уже часа полтора не сплю, да?

Поворачиваюсь стремительно. Неожиданно для него. Сузив глаза смотрю в наглую ухмыляющуюся рожу. Никак иначе... именно, блять, рожа! Он умеет выдавить из меня эмоции за долю секунды.

Убивая взглядом пару минут, решаю, что все же мне нужно СРОЧНО покурить. Пытаюсь вывернуться из крепкого захвата и встать. Думаете, легко? Как бы не так.

— Далеко собрался? — приподнимается черная бровь.

— Курить, бля, Ром, пусти, — хмурюсь. А он... целует меня в морщинку между бровей, шокируя.

Смотрю, дебильно хлопая ресницами. Он всегда так быстро меняется. Вот лежит надменный, наглый. А после резко становится спокойный, нежный, даже в чем-то смешной.

Мое лицо само собой разгладилось. Раздражение исчезло, из-за малейшей ласки? Мимолетного жеста? Это так глупо... А с собой я ничего поделывать не могу. Выглядываю. Вылавливаю подлинность в его глазах.

Тянется одной рукой куда-то... и между пальцами появляется сигарета. Берет ее, подкуривает и, затянувшись, придвигается к моим губам.

А время замерло...

Его глаза напротив. Глубокие. Насыщенные, как темные впадины. Захватывающие в плен. Разбирающие мою душу по частям. Выдыхает в мои приоткрытые губы дым, нежно проводя по ним языком.

Посмаковав горечь во рту, выпускаю его сизыми струйками, не разрывая контакта наших глаз. Хочу поцеловать его, но он вставляет сигарету в мой рот. Наблюдает. Исчерпывает. Сукин сын...

Вот какое оно, утро с ним. Одна сигарета на двоих. Легкая улыбка. Расслабленно. Спокойно. Все по-другому, все иначе, по-особенному.

Но сигарета догорела до фильтра. Часы пробили 10:00. Что бы ни происходило, важное или не очень, время продолжает свой бег. Неустанно. Стремительно.

И пусть я хоть трижды горазд остаться тут, будь моя воля, но меня ждут дома.

— Мне пора, — встаю с кровати. Натягиваю майку.

— Не знаю точно, во сколько справлюсь. Так что, как только, так сразу заеду за тобой, — помолчав минуту и зорко следя за мной, отвечает.

— Ага... — бросаю взгляд на картину. Если в черно-белом варианте, то тут работы на часика два. Если в цветном — другой разговор.

Найдя чертову резинку и расчесав волосы пальцами на скорую руку, завязал хвост и собрался уходить. А он и не держал...

...

Последующие часы как в тумане. Разговор с матерью. С братом. Долгая нудная ругань с Марком. Взаимные обвинения. Нет, в итоге мы помирились, но осадок остался. Так у нас всегда.

Я даже со Светкой успел потрещать. И поесть два раза. И скурить полпачки. И сделать набросок, естественно, Ромы. Помог с уборкой. Сходил в супермаркет. Я, как блядская золушка, переделал уйму работы, и уже, между прочим, 20:30. А его все нет...

Начинаю нервничать, изводить себя, сжирать изнутри. Он забыл? Слишком занят? Или тупо кинул?

Ну да, ну да. Я бываю безумным паникером. Благо, никто этого не знает, кроме матери.

22:30. Я «клюю носом», пытаюсь убедить себя в том, что еще не слишком поздно. И он придет... Надежда теплится. Видимо, напрасно.

Мне нужно расслабиться. Плюнув на все, иду в ванную, захватив пепельницу, огромную кружку с кофе и целую пачку сигарет.

Куча пены, обжигающе горячая вода и мое брэнное тело, пытающееся расслабиться хоть немного. Не выходит... нервы как струна гитарная натянуты. Одно неверное движение — и рванет.

Рассматриваю сайдинг на потолке, в котором отзеркаливаюсь. Искраженно. Смешно. Как в комнате страха в зеркалах, ей-богу.

И, казалось бы, мне должно быть пиздец как комфортно. И сигарета в зубах, и вкусный кофе в кружке, и горячая расслабляющая, вкусно пахнущая ванна. Ан нет, не катит.

Кусаю губы до крови. Мысли путаются в клубок. Я ТАКОЕ навывдумывал уже, лучше вам не знать.

Нет, а может, вправду что-то случилось? Ну да, случилось. Ему просто насрать на твоё ожидание, огрызается мое собственное «Я». Не согласиться сложно с таким утверждением.

Бля-я, да я уже, как умалишенный, сам с собой разговариваю. Пора заканчивать эту комедию. Тушу наполовину скуренную сигарету, ставлю кружку и, смыв с себя всего пену, вылезаю.

Нормально так... Уже 1:30. Нет его? Ну и нахер надо. Психую. Да так, что дым из ушей почти валит. Да пошел он, мудака чертов! Да, блять, конечно, какой, нахуй, Женя, если есть супермодели, с которыми он работает и стопроцентно зависает?

Злой, раздраженный и жутко расстроенный ложусь спать, зная заранее, что не усну.

Но я ошибся, едва голова коснулась подушки, я уснул.

— Женья! — И кому я сдался, интересно? Повернувшись на другой бок и натянув до ушей одеяло, сплю дальше.

— Же-е-е-е-е-е-ень! — чуть громче и явно вне квартиры. Да ну, бред какой-то. Я же не единственный такой на весь двор?

— Женья, бля! — о-о-о, капелька раздраженности, и голос смутно знакомый. Рассуждать сквозь сон прикольно, ага.

— Малюжич, еб твою мать! — Опа... А это, оказывается, меня. А кто, интересно? А плевать, вставать настолько лень, и тело будто свинцом налилось.

— Если ты сейчас не выйдешь, я разобью тебе окно, и поверь, я это сделаю.

А вот такой расклад меня не устраивал. Порадовал тот факт, что мама с братом спят в дальней комнате. А окна у них выходят на другую сторону. Значит, орущий их точно не разбудил.

Выползаю из-под одеяла. Подхожу, ежась от холода, к окну.

И вижу картину: стоит Рома. Ноги на ширине плеч, руки сложены на груди. В черных джинсах, темном полупальто и с намотанным поверх шарфом. Начищенные туфли блестят в свете фонаря. Волосы уложены, и сигарета торчит во рту с алеющим угольком на кончике.

Так, стоп. РОМА? Мгновенно просыпаюсь. Открываю окно. Идиот? О, да-а-а. Я, так-то, только в трениках. Голый. Босой. И окно открыл, когда там от силы +5.

— Ты чего разорался? — пытаюсь возмутиться, игнорируя стучащие зубы.

— Спрячься, недоразумение, простынешь, и иди дверь открывай, — раздраженно кидает мне в ответ и идет в подъезд.

Мозг явно тормозит, отказываясь просыпаться. И буквально требует продолжения отдыха.

Иду, однако, открывать дверь, попутно глянув сколько времени — 3:45!!!

— Чего так долго? — нервно. Недовольно. Не успел я дверь открыть.

— Ты время видел, имбецил?

— У тебя 5 минут.

— А то что?

— А то я тебя прямо вот в таком виде вытолкаю на улицу и, усадив в машину, отвезу к себе.

И ни капли юмора в его тоне. Холодно. Резко. Жестко. Словно и не было такого прекрасного утра у нас. Он чужой. Другой. Спорить желания нет. Все равно вот с таким Ромой я в неравном бою. Начнутся угрозы снова и так далее, намного проще сразу согласиться и сделать то, чего он хочет.

Одеваюсь поспешно. Завязываю небрежный хвост. Волосы из-за того, что я с мокрой головой спать лег, на стог сена похожи...

— Причешись, — скривился. Чего? Я, блять, юмора не понял. Он мне будет еще указывать, как

мне выглядеть? В корень оборзел?

— Мне и так неплохо, — спокойно отвечаю, пытаюсь потушить вулкан негатива внутри.

— А я говорю, причешишь, выглядишь отвратительно.

— А нахуй не желаешь сходить? — приподнимаю бровь, офигевший от его грубости. За что?

— Обычно на мой хуй все идут. На выход, — кивает на дверь.

Я в тихой ярости обуваюсь. Аккуратно захлопываю дверь и иду за ним.

===== Глава 18. =====

POV Рома

Мое позитивное утро подошло к концу на пороге студии. И плевать, что уже полдень, от этого не легче.

— Я сказал прийти утром, Роман, очевидно, ты плохо понимаешь, когда с тобой по-хорошему, — голос так и сочился ядом. От чего нутро сковывало холодным и липким, как смола, предчувствием.

— Что ты, я все прекрасно понимаю. Просто я спал. Нельзя?

— Один? — мгновенный вопрос. Такой простой и обескураживающий одновременно.

— Какое теб...

Договорить он мне не дал, резко встав, отчего ножки стула противно заскрежетали по деревянному полу.

— Отвечай, — резко. Зло. Глаза так и метали молнии. А желваки ходили ходуном. Я его не боюсь, в прямом смысле этого слова. Физически я спокойно положу его на лопатки. Да и огрызнуться могу, так что уши завянут, но он имеет чертовски хорошие связи именно в тех местах, где они мне необходимы. И посему мне стало страшно, какие последствия может иметь его гнев.

— Один, — твердо отвечаю, глядя прямо ему в глаза. Без тени сомнения. Убеждаю его своей уверенностью.

— Врешь.

Одно слово, которое начинает, как валун, рушить хрупкую конструкцию моей вежливости.

— А тебя, извините за грубость, ебет? — приподнимаю бровь, весьма красноречиво одарив его взглядом. Нагло. Дерзко. Если уступлю — растопчет морально, причем с едкой улыбкой и лучащимся самодовольством в глазах. Если весомо перегну палку — раскрошит нахрен, да так, что век не соберусь по круплицам. И о музыке, в плане широкомасштабном, можно забыть навек.

— О да, меня это ебет, мальчик. Во-первых, ты забываешься. Во-вторых, открыто хамишь. В-третьих, ты проебал встречу, ради которой я, мать его, поднял на уши очень занятых людей!!!

Он часто был грубым, мерзким, развратно-вульгарным ублюдком, но никогда не орал.

Ни разу за все время, что я его знаю. И потому я был в культурном, никуды не мягком шоке.

— Ты мог позвонить, — пытаюсь хоть слегка скинуть вину со своих плеч.

— Я не обязан тебе звонить, я не твой менеджер. Я, блять, твой начальник. Я твой продюсер.

Которого я трахнул недавно...

Гаденькая улыбочка появилась на лице, что не осталось незаметным для Сергея.

— Я сказал что-то, что вызвало у тебя улыбку? — зловеще, так, что волосы на затылке встали дыбом.

— А я вспомнил то, что вчера произошло. Весьма интимного характера, с твоим участием.

И кто за язык тянул? Сам же себе могилу рою, но упертость и желание хоть немного поумерить пыл собственного начальника берут верх над благоразумием.

— Знаешь, что я тебе на это скажу? Меня могут трахать, или я могу это делать, когда угодно, где угодно и с кем угодно без каких-либо для МЕНЯ последствий. Чего о тебе, орешек, не скажешь.

Гребанная правда. Резануло и задело. Сильно. Вот он — великий облом, милок. Нарвался? Молодец. Теперь мне будет разнос — в лучшем случае. И полный пиздец — в худшем.

— Отныне обращаешься ко мне только на «Вы». Колкостей, ехидства, неприкрытого сарказма, грубости и хамства я в свою сторону не потерплю.

Мотаю на ус сказанное им. Молчу. Ибо чую, что если рот открою, снова напортачу.

Душу в себе все всплывающие негативные эмоции. Я ведь заслужил, по сути. Не засовывал бы в него член вчера, когда Женя у меня был, может, и пронесло бы. Хотя, похоже, не нужно было вообще что-либо делать с ним. Рамки нарушены — рабочий процесс испорчен. И что тут скажешь? Сам виноват.

— Контракт подписан на год. Следовательно, никакой личной жизни на протяжении подписанного срока. Никаких опозданий. Неповиновения. Полный отчет действий за сутки. И скажи спасибо, что я не требую детализированный. Мне достаточно голых фактов.

— Что-то еще?

— Да. Через полтора часа придет автор твоей новой песни. Которую я купил за собственные кровные деньги, дабы продвинуть тебя, бездарную задницу, хотя бы на низшие ступени пищеварительной системы шоу-бизнеса.

— Ясно.

— После встречи начнем работать над композицией. В 19:30 у нас ужин в ресторане с неплохим пиар-менеджером. После ужина мы идем на открытие нового клуба, где ты хоть как-то засветишься.

— И во сколько я буду свободен? — поинтересовался я довольно осторожно.

— Во столько, во сколько я этого пожелаю.

Сказал, как отрезал. Ни дать ни взять. И самое поганое то, что он совершенно прав в каждом своем гребанном слове. Понимаю, что буду торчать с ним долго, точнее, очень долго. Поудобнее усаживаюсь в кресле и жду.

Женя... Милый. Сонный. Удивительный. Прошло всего пара часов после того, как он ушел, а я уже безумно скучаю. Это неправильно. Это сбивает. Мешает. Компрометирует.

Я должен пахать, как проклятый, чтобы, наконец, осуществить мечту, а сам же вместо этого рушу еще не построенную карьеру. Глупо...

— Сходи за сигаретами.

Встаю нехотя, но двигаюсь на выход. Я не в том положении, чтобы ноготки выпускать. Не сегодня, по крайней мере. Очень надеюсь, что он вскоре отойдет и превратится в того, кем является, то бишь в надоедливую ехидную педика.

— А деньги? — спрашиваю, распахнув двери кабинета.

— Я на тебя потратил в сотни раз больше, чем стоимость гребанных сигарет, — да его голос как арктический лед. Я уже успел пожалеть, что вообще рот открыл. Ушел бы молча, купил долбанную пачку, так нет же, надо было спросить...

...

Встреча с автором прошла на удивление прекрасно. Сергей, похоже, оттаял, ибо улыбался он искренне. Но не мне.

Когда ушла эта девица, мой начальник надел броню из колючек. Практически рычал, а не разговаривал. За малейшую ошибку готов был меня удушить.

— Сергей, давай поговорим, — предложил я, не выдержав. Так просто не могло больше продолжаться. Он был как оголенный нерв, и работать было сложнее в разы.

— На «Вы», — шикнул тот в ответ. Мне требуется минута, чтобы собраться и не нагрубить в ответ.

— Давайте поговорим.

— О чем?

— О том, что произошло между нами, — мой голос ровен. Спокоен. Я практически сумел заглушить рев недовольства внутри.

— Между нами многое произошло, о чем конкретно, мальчик?

— Сколько тебе лет? — вырывается изнутри. Черт...

— Не тебе, а вам, — рывкает. А у меня и мускул не дрогнул. Да здравствует маска. Надменная. Холодная. Без капли эмоций.

— Неважно, — смотрю в упор. Глаза в глаза. Жду ответа.

— 29, — спустя пять минут приходит более-менее спокойный ответ.

— Недалеко вы ушли, однако, от меня, мальчишки. Может, хватит? Выкать, рывкать и так далее? Это мешает рабочему процессу, — все в том же тоне продолжаю. Да я само спокойствие. Как статуя.

— Хватит будет тогда...

— Когда ты пожелаешь. Я помню, Сергей.

— Ты перебил меня, — прищуривается. — Совсем страх потерял?

— Да это смешно, нет, ну серьезно. Из-за того, что у меня в постели спал парень, ты мне тут ад устраиваешь. Это что, ревность?

— Боюсь тебя разочаровать. На чувства я не претендовал. А вот на тело — это да. И ты мог отказаться, популярно пояснив, как обстоят дела на твоём личном фронте. Ты этого не сделал. Вывод — ты этого хотел. А теперь ты удивляешься моей реакции, когда я узнаю, что не успело твоё тело забыть мои ласки, ты прыгнул к другому в постель? Это не ревность, орешек, это чувство собственного достоинства. Ты унизил и меня, и его. А унижение я не прощаю. Так что вернемся к официозу и второму куплету, который выходит у тебя отвратительно.

Добавить было нечего. Отвечать или оправдываться я смысла теперь не видел. С его задетой стороны все выглядело именно так. А самое интересное то, что если бы мы вчера с Женей не тормознули, я бы и вправду переспал с ним. И как он сказал, не успело мое тело забыть чужие ласки, я бы... Пиздец. Позорище.

Чувство вины стало терзать пуще прежнего. Хотя внешне я был все тот же похуистичный тип.

Пререкались мы знатно и до ужина, и после, и во время. Менеджер нас продинамил. Самым натуральным способом. Он тупо не пришел, сославшись на то, что у него неотложные дела резко появились.

Еда стояла поперек горла. Под бдительным орлиным взором Сережи хрен поешь. Скорее удавишься.

Мать психовала, ибо хотела, чтобы у меня вечером была фотосессия, ее знакомая ну очень просила именно меня. В итоге: Сергей в бешенстве из-за того, что я до сих пор подрабатываю у матери. Мать в ярости из-за того, что я так и не бросил затею с музыкой. Я чертовски от всего устал. Хочу, блять, домой. Скучаю по Жене. Терплю рычание извращенца. А мне еще предстоит несколько часов в клубе. Ад. Настоящий, мать его, ад.

И я не зря не хотел туда идти.

Меня просто затаскали, во всех смыслах. И спойть пытались. И вытащить на танцпол. И предложить интим.

Короче... я лучше и вовсе промолчу. Не стоит оно того.

Пить я не пил, отмазка — я за рулем. Танцевать не танцевал, отмазка — нога болит, лодыжку подвернул. Смешно, да? Ну, лучшего в тот момент на ум не пришло. А вот интим, тут было сложнее всего.

Раздражение достигло крайней точки. Хотелось выть от тихой ярости. Крошить зубы от злости. Я так очень давно не кипятился. О-о-о-очень давно...

Спасительные 3:00. Ноги ноют, как будто я по углям босой ходил. Голова раскалывается от громкой музыки с отвратительной акустической системой. Этот клуб явно рано открыли, его нужно еще шаманить не одну неделю.

Пришлось подвезти до дома неплохо подогревшегося Сергея. Правда, он подобрел, но надолго ли? А после я, ни секунды не медля, поехал к Жене. Хотя знаю, что не должен. И уже дико поздно, но я ведь обещал, как освобожусь, заеду.

Знаю, что нагрублю ему. Буду резок и безжалостен. Потому что злой, как бойцовская собака. И расстроен. Вообще целый негативный коктейль эмоций, с которыми сложно быстро справиться. Этот день, грубо говоря, выебал меня с разгона без смазки и подготовки. Жестко. Болезненно, и от этого нужно время, чтобы отойти.

Вылезаю на промозглую улицу. Закуриваю, поправив ворот пальто. Номера его не знаю. На дворе ночь, почти утро. Звонить в дверь, вот так просто, остатки совести не позволяют. У него ведь брат и мать дома.

Решаю позвать. Живет он невысоко... Надеюсь, что и спит чутко.

Дождался, наконец. Точнее, докричался. Вид его, измученного и сонного, стоящего в открытом окне, отчего-то разозлил еще сильнее. Додумался, блять, голый вылезти на практически мороз, придурок.

Грублю... Обижаю. Зачем? Оно само... Состояние у меня не любезное, мягко говоря.

Всю дорогу молчим. Он даже не курит. Во сколько же он лег, что так сильно спать хочет?

Ждал? Вряд ли. Ему, похоже, совершенно плевать. Всем на меня абсолютно плевать!!! Только ебанная внешность цепляет, а то, что внутри меня, им не нужно. Лицемерные мрази.

Сигареты не успокаивают. Его присутствие тем более. Зачем приехал к нему? Идиот.

Сердце щемит внутри. Ноет. Болезненно.

От обиды...

От неразделенных чувств...

От обреченности...

Я устал. Хочу спокойствия. Хочу на блядский необитаемый остров на пару месяцев.

Отдохнуть в тишине ото всех и даже от самого себя.

Заходим в квартиру, скидываю одежду и иду в душ.

Когда возвращаюсь, вижу, что он рисует. Сонный, уставший, растрепанный, но уверенно водит кистью по холсту.

Без стеснения скидываю полотенце к ногам, поворачиваюсь упругой задницей к нему. Надеваю трусики на голое тело. Вытираю волосы и ложусь в кровать.

Одиноко. Пусто. Плохо...

— Ложись, — приказ. Мой голос не терпит возражений. Он резок. Холоден. Маска... Молча складывает кисти, скидывает байку и ложится на приличном расстоянии от меня.

— Майку сними.

Опять повиновение. Безразличное. Злящее меня еще сильнее.

Выключаю свет в комнате, встав. И ложусь обратно, бесцеремонно притянув его к себе. Стаскиваю чертову резинку. И лишь уткнувшись в пшеничную копну волос, таких мягких и шелковистых, я успокаиваюсь хоть немного. Прижимаю его спину к себе. Переплетаю наши пальцы. Дышу им.

Буря внутри затихает. Знаете, как после ливня, беспощадного, сносящего все преграды, резко наступает тишина. Как будто выключили кран. Так и у меня... вся злость пропала. Исчезла, стоило мне коснуться того, кто стал так дорог мне.

— Спи, — шепчу ему на ушко. Целую голое плечо, поглаживая прохладную ладонь большим пальцем. Хорошо. Мне действительно хорошо рядом с ним. Спокойно и правильно.

— Сплю, — бормочет сонно, вызывая тем самым улыбку. Зарываюсь в его волосы лицом. Щекотно, ну и плевать. Они слегка влажные, он, вероятно, в душе был перед сном...

Женя... Что же ты со мной сделал? Я ведь скоро готов стану все отдать, лишь бы ты был рядом...

— Прости, что нагрубил, — тихо говорю, но скорее сам себе, ведь он уже уснул.

===== Глава 19. =====

POV Женя

Может ли быть раздвоение личности? Может. Я наблюдаю подобный случай прямо сейчас.

Минуту назад он был резок: приказной тон, соколиный взгляд. А сейчас ласков, как ручной тигр. Котенком его назвать у меня язык не повернется.

Рычал, что я не причесан, а теперь утопает лицом в моих же волосах. Противоречив с макушки до пяток. И на перемены его настроения у меня уже развивается аллергия.

Хотя... ради вот таких объятий и сна в его руках я готов терпеть.

...

Просыпаюсь я к полудню. Один. Сначала думаю уйти и забрать мольберт со всеми принадлежностями. Но, пораскинув мозгами, решаю, что это будет глупо и по-детски. Сбежать? Разве это что-то изменит?

Сижу напротив картины и буквально гипнотизирую ее взглядом. Вот так бывает порой, когда своя же работа кажется чужой. Когда не нравится каждый штрих. Когда раздражает даже малейшая прорисованная тень.

Засучив рукава, начинаю все переделывать на нужный мне лад. Упорно стираю его взгляд снова, в который раз? Хочу передать его двойственность на холсте, противоречивые эмоции, смятение, злость и каплю нежности, разбавить общую картину. Этаким винегрет из эмоций. Совместить практически несовместимое.

Штрих, еще один. Мягкий мазок кистью. Растушевка. Не то...

Снова убираю, снова заново. Я так увлекся процессом, что перестал замечать то, что происходит вокруг меня.

— А ты кто? — женский голос выбил меня из прострации. Поднимаю глаза и встречаюсь с мелкой женской копией Ромы.

— Я? Женя, — слабо улыбаюсь, не трогаясь с места.

— Спрошу иначе: что ты здесь делаешь? — приподнимает бровь. Дерзость, похоже, это у них семейное.

— Рисую, — как само собой разумеющееся, отвечаю. Это вроде очевидно.

— Где Рома?

— Меня тоже интересует этот вопрос, — вежливо отвечаю. Господи, правду он когда-то говорил о ней — гарпия во плоти.

— Ты его новая жертва? — неприятно. Я бы сказал — болезненно даже. Новая жертва? А много ли их было?

— Ну, в плане, он тебя трахает, да? — откуда столько яда в ней? — задаю себе вопрос, начиная ее откровенно игнорировать.

Прогнать она не может, это ведь не ее квартира.

— Понятно, конфетка с характером. Хотя... не такая ты уж и конфетка. Ты знаешь, он обычно баб водит.

И кому она это говорит? Нет, не скрою, мне было интересно, кого он водил и как часто. Но это узнавать уж точно не у нее нужно было. Видимо, Рома с ней что-то не поделил, раз она методом запугивания пытается выдворить меня. Явно назло ему.

— А-а-а-а, я поняла, в чем проблема. Он своим членом тебе горло повредил, да? И тебе больно разговаривать, — выдала она торжественно. А я чуть собственной слюной не удавился. И откуда в такой милой (внешне) девушке столько желчи?

— А тебе, видимо, мозг повредили? — холодный тон отрезвил нас обоих. Она испуганно обернулась, увидев Рому, а я, наконец, оторвал взгляд от картины.

— Я не слышала, как ты вошел...

Кажется, она боится брата. Не в том самом диком смысле, я не думаю, что он бил ее. Но задавить своей волей мог... И он прекрасен — стоящий напротив нее, выше почти на голову, сверлящий взглядом, опаляющий своей яростью.

Невероятное зрелище их противостояния. Потрясающее противоборство.

— Если ты еще хоть слово скажешь в его сторону из своего поганого рта, я запру тебя в кладовке. А ты знаешь, как хреново там, да? Или забыла уже? И какого хуя ты делаешь в моей квартире? — стоя на одном месте, он словно наступал на нее. Огромный таран на хрупкую стену. Завораживает. И по-хорошему, каким бы дерьмом она не была, я должен был вступить, хоть как-то. Но эмоции Ромы были так живописны, я не мог оторвать глаз... Просто не мог.

— Я бросила его... Ну, точнее, мы разругались, и я ушла, но ты же знаешь, отец не впустит меня, он ведь поклялся. И мне некуда идти...

— И здесь тебе не место, пташка, — ядовито изрек брюнет.

— Но, Ром, прости. Я не буду больше вообще ничего говорить. Я как рыба, немая, глухая и только в своей комнате. Ну, пожалуйста...

И то, что последовало дальше, удивило меня. Он посмотрел мне в глаза, словно спрашивал разрешения, словно от моего слова зависела судьба его сестры. И это Рома, твердый, как камень, с металлическим стержнем внутри. Тот, который одним взглядом заставляет замереть на месте, чувствуя себя жертвой. Тот, приказа которого не в силах послушаться. Он крушил стены вокруг тебя, он ломал твою волю, сам того не подозревая. Он великолепен в гневе. И сейчас смотрит в ожидании на меня. Поразительное чувство.

А я... я киваю. Молча. И отвожу глаза, возвращаясь к своему занятию.

— Даже чужой человек оказал мне больше сострадания, чем ты, брат родной!

— Марусь, кладовку никто не отменял.

— Молчу... — сокрушенно пробормотала девица и скрылась в квартире.

Любопытно, что же там столь страшного, что об одном упоминании у нее сразу весь пыл пропадает?

— И что же там?

— У нее клаустрофобия, — пожимает плечами и, сняв верхнюю одежду, садится в кресло.

— Это жестоко, — удивляюсь я.

— Зато действительно с ней.

Я промолчал. Как бы ни вел себя брат, я бы не смог надавить на его страх.

Воспользоваться им, чтобы иметь власть. Не смог бы...

Встаю, подхожу к нему и, сев на подлокотник, беру сигарету из его губ. Молча.

Снова это состояние, когда нет никакого желания спорить, доказывать, да и вообще разговаривать. Затягиваю глубоко в себя никотин. Выдыхаю. Медленно... наблюдая за тем, как из моего рта рваными клочьями вылетает дым. Красиво...

Я чаще всего фотографировал именно курящих людей. Дым на фото завораживает не меньше, чем в жизни.

Хочу спросить, где он был, но понимаю, что не имею на это право. Пытаюсь встать, уйти на

свой стул и продолжить рисовать. Но он сильными руками тянет на себя, и я плюхаюсь на его колени.

— Я ходил за сигаретами. И заскакивал к матери на работу.

Вау... Я, опешив, смотрю на него. Понимая, что чем дальше, тем больше он путает меня. По идее, когда узнаешь человека лучше, общаешься больше и проводишь времени, ты начинаешь лучше его понимать. Не в моем случае...

— Ясно, — снова попытка встать. Безуспешная. Неуютно мне. Чувствую себя странно. Ладно лежать в обнимку на кровати, но сидеть на его коленях — это пока что слишком для меня.

Он не отпускает, наоборот, прижимает к себе еще сильнее.

— Поцелуй меня, — трется носом о мою щеку. Мне приятно, и я хочу этого, но торможу. — Не хочешь? Что же, твое право. — Захват рук слабеет. Больше нет ощущения капкана. Нет ощущения нужды во мне. Его руки не держат, а я словно в пропасть падаю. Беспомощно. Поворачиваю голову, смотрю в холодные кофейные глаза. Дураки те, кто думают, что если твои глаза шоколадного цвета, то они всегда теплы. Они просто не видели ЕГО взгляд.

Замораживающий. Гипнотизирующий. Обезоруживающий. Заставляющий застыть...

Тянусь к нему, немигающе глядя в темные омуты его глаз. Касаюсь губ. Невесомо. Нежно.

А потом как с цепи срываюсь и впиваюсь в них требовательно. Проникаю в рот жадно.

Захватывая в плен его дыхание. Вжимаю в кресло собой. Хочу властвовать над ним.

Иметь контроль. Отомстить за холодность. Выгнать ее своей страстью. Заполнить его собой изнутри. Вдохнуть себя.

Пальцы в его волосах тянут почти до боли. Губы на его губах, терзают беспощадно, дико. Судорожно ловим воздух, на секунду отрываясь друг от друга, а после снова борьба. Он пытается забрать первенство, вести, руководить, а я подавляю. Азарт. Он захватил меня, заполнил все мое существо. Я должен выиграть...

Жажда его тела. Трогать. Целовать. Мучить. Необходимо, жизненно важно.

Стягиваю футболку, осыпаю поцелуями нежную кожу шеи. Кусаю, больно впиваясь зубами, а следом зализываю ранки. Он шипит и стонет, но больше не борется со мной. Позволяет. Сдался. Доверился.

Карие глаза с поволокой желания смотрят, обнажая душу. Пробуждают что-то темное, развратное и скверное во мне. А мне плевать...

Тормоза давно сдали. Мозги отъехали. Нет пути назад.

Скольжу губами к соску, втягиваю в рот и сладко посасываю. Интересно, кто больше из нас наслаждается? Я или он? Спорно...

Дорожкой поцелуев, мелких засосов по ребрам... Языком вокруг пупка, ниже... А после в сторону, к бедренной кости. Дрожащими пальцами расстегиваю ремень его брюк.

— Жень, — хрипло, надрывно. Он на грани, а меня плавит его взгляд.

— Молчи, — отвечаю, сдергивая их с него. Ничто теперь неважно. Лишь его желание. Лишь его нужда и жажда.

Впервые я хочу доставить удовольствие. Впервые мне важнее наслаждение чужое, чем свое. Большим пальцем подцепив жемчужную капельку, провожу по багровой головке. От прикосновения он дернулся в моей руке. Тихий стон и судорожное дыхание. А мне так плевать, что комната открыта, а в квартире мы не одни. Плевать на все. Есть лишь миг... наш. Мой. Вбираю в себя, втянув щеки. Посасываю остервенело.

Его вкус заполняет, захватывает, заводит еще сильнее. Ласкаю, прикрыв глаза.

Мягко языком по каждой венке, вдоль ствола поцелуями. Он так тверд и напряжен в моей руке. Смазка сочится, солоноватая, тягучая.

Я вижу, что ему осталось недолго, да и у меня самого пар из ушей так и валит.

Порывистее. Быстрее. Импульсивнее. В себя вобрать и выпустить. Сжать. Подразнить.

Еще... еще... еще...

А он молчит, лишь крупная дрожь и рваные вздохи дают понять, что он все еще здесь, все еще со мной. Вбираю полностью, расслабив горло. Это не слишком приятно, но его ощущения важнее, дороже. Пряная струя семени орошает. Едва не поперхнувшись, сглатываю, снова, снова... Испиваю до последней капли, слизываю драгоценные остатки, вплоть до капелек спермы с пальцев.

— Безумный... — выдыхает он хрипло. Откидывает голову на спинку кресла. Молчу...

Ему хорошо, лишь это важно. Ему хорошо, и я счастлив. Я ощутил его вкус на кончике языка, и это воспоминание останется навечно со мной.

Тянусь к сигарете и закуриваю, поправив свою одежду. А особенно ноющую плоть, что уперлась в ширинку джинсов навязчиво; присаживаюсь на стул.

Дискомфортно, но я ведь сам этого хотел. Чтобы вернуться в нужное русло, мне потребовалось полчаса. Тело, наконец, прекратило докучать.

Черно-белый вариант был готов. А значит, если ему понравится работа на данном этапе, и он не захочет ее в цветном виде, я буду свободен. Хочу ли я этого? Не знаю...

===== Глава 20. =====

POV Рома

То, что он дарил мне, эти драгоценные минуты наслаждения высечены теперь в моем мозгу навеки. Это невозможно забыть. Стереть. Это было самым невероятным из случившегося со мной за всю мою жизнь.

Я не смею больше его держать гнусным предлогом шантажа, но и просто так остаться тоже не могу просить. Не имею права. После всего, что он сделал для меня. Выдержал. Крепкий. Стойкий. Удивительный, но не мой.

Не место мне рядом с ним, он слишком чист. Слишком бескорыстен и открыт. И я, кретин,

только сейчас рассмотрел это...

Поправив одежду, сижу и долго наблюдаю за ним. Когда он увлеченно рисует, то словно преображается. Глаза сияют внутренним светом. Руки порхают. Он видит то, чего не видим мы, простые смертные. В его глазах весь мир иной, его мышление разнится с нашим.

Необыкновенный, ласковый и нежный. Его глаза — мое персональное море, в котором я утопаю.

Его губы... Запах. Шелк волос. Он свел с ума...

— Черно-белый вариант готов, — мягкий голос окликнул. Поворачиваюсь к нему, но не встречаю его глаз. Он не смотрит на меня... А жаль. Встаю и иду к нему, расслабленно. Изнуренно. Он, как энергетический вампир, испил мои эмоции. Осушил. Бросаю взгляд на картину и понимаю, что он все же увидел меня. Настоящего меня, а не ублюдочную маску. Он понял, каков я, или хотя бы попытался. Тем хуже нам обоим... Быть вместе мы не можем. Разве чуть больше полугода подождать. А на данный момент я повязан по рукам и ногам контрактом, начальником, всем подряд.

Как отпустить тебя, Женя? Спрашиваю глазами, смотрю на него, ведь мне плевать на этот шедевр, что стоит на мольберте. Мне без разницы на все... Как отпустить тебя, ответь?! Но он не ответит, ведь я молчу, глаза молчат.

Его взгляд проникновенный. Понимающий. Я ожидал увидеть там обиду, презрение или печаль. Ожидал увидеть в них обреченность, стыд, радость. Хоть что-нибудь... Но там было лишь смирение. Спокойствие. Осознанность.

Сколько же в тебе силы, парень? Откуда? Ты чертов демон, ты моя пропасть, обрыв, океан...

Выпотрошил, вскрыл мою грудную клетку. И теперь я потерян, теперь я зависим, теперь я сам не свой. Гребанное объявление, чертовы картины! Ярость начинает заполнять. И, видимо, в глазах моих что-то мелькнуло. Видимо, там была отчаянная искра, там был знак, там было отпущение. Прощание...

Он встал и, не говоря ни слова, стал собирать свои принадлежности, бережно положив рисунок на стол. Движения отточенные. Профессиональные. Привычные. Карандаши и кисти. Коробочки, ластик. Все укладывалось в нужные ему места. Мольберт сложен. Сумка закрыта, куртка надета. А я стою...

Остановить? Дать мнимую надежду? А надо ли? Ведь я не могу дать того, чего он хочет, не сейчас, по крайней мере. Выход один: отпустить.

Проходит мимо, по коридору к дверям из квартиры. Обувается, бросив взгляд в зеркало на стене. Он так отчужден. Уравновешен. Удивляет своим спокойствием.

Беру чек, что выписан давно. В нем более чем достаточно, но я бы дал ему и больше. Я бы отдал ему все... Протягиваю, рука чуть дрогнула. Глаза изучающе, заискивающе смотрят в мое лицо. Пытаюсь понять? Не утруждайся, я сам себя плохо понимаю сейчас.

Давящая тишина, как грозовая туча. Молчаливая угроза... висящая, но не тревожащая. А я все еще молчу. Чек он взял. Сложив аккуратно напололам, положил в карман и чуть грустно, но по-настоящему улыбнувшись, вышел, тихо защелкнув входную дверь.

Он ушел, и разверзлась пропасть между нами.

Он словно уплыл, оставив меня стоять на берегу.

Он будто улетел, а я стою и смотрю в небо, ведь рожденный ползать... правильно, не может. Не дано. Не светит.

...

Чувствовали себя роботом хоть раз? Я таков уже около трех месяцев. Все изменилось, когда закрылась дверь. Все изменилось, когда он ушел, а, точнее, изменился я.

Он, мой художник, ушел, забрав краски жизни моей. Оставил ее бесцветной.

Теперь я улыбался — фальшиво. Смеялся — наигранно. Разговаривал — без интереса.

Но я-то знал, что это так, а окружающие, привыкшие к маске, даже не заметили перемены.

Мать радовалась, что я стал чаще помогать ей с показами. Сергей успокоился немного, поняв, что я теперь его собственность. Он мог использовать тело, но душу... Душа была отдана лишь одному. И это будет неизменно, я знал. Верил. Чувствовал.

Иду по улице, слякотно, холодно и противно. Кончики ушей замерзли, облачком пара вырывается дыхание из груди. Руки в карманах теплого пальто, низ калош заляпан. А мне плевать. Иду мимо судьбоносного стенда и улыбаюсь.

Какая ирония. Сегодня 14 февраля. Сегодня ровно год с того момента, как моя жизнь изменилась. И все благодаря ему. Благодаря одному слову на потрепанной промокшей бумажке.

Еще всего пара месяцев, и я найду его. Найду и привяжу к себе, попытаюсь исправить все, добиться... А пока мне лишь остается вспоминать то, каково оно было — спать, обнимая его. Вспоминать его мягкие губы. Вспоминать пшеничную копну волос. Большого не дано, пока что не дано.

Поздно. Темно. Одинокие уличные фонари тускло освещают блеклые дома. Зима уносит краски. Зима убивает красоту. Зима так же одинока, как и я. Похоже, только за это я и люблю ее, ведь зима — это мое состояние души.

Прихожу домой. Пинаю сапоги на высокой танкетке, что попались под ноги. Опять сестра пришла, бесит.

— Я тут курицу делала. Будешь?

— Нет, — коротко, как и всегда в последние месяцы. Как и всегда, в общем. Мы с ней мало разговаривали, разговариваем и будем разговаривать. Это наш метод общения. Наша линия поведения. Не вмешиваться. Не влезать. Не мешать.

Щелчок замочной скважины в комнате. Не хочу видеть. Не хочу слышать. Ничего не хочу.

Сажусь у окна в полной темноте. Наушники в уши. Сигарета между пальцами. Пусто...

Сижусь на том самом месте, где стоял его мольберт. Смотрю в ту же точку за окном, в которую смотрел он. Воспоминания душат. Жестоко. Беспощадно.

Они как стервятники, им мало надкусить. Им нужно выжрать все. До последнего ошметка.

Болезненно. Хлестко. Им плевать на то, что сил уже нет прокручивать раз за разом утраченные моменты. Им на все плевать...

А я устал винить себя. Устал ждать гребанного окончания контракта. Устал быть таким, каким хотят видеть меня все вокруг. Устал от безразличия, от холодности, от обреченности и обязательств.

Я хочу тепла, просто человеческого. Хочу его руку, теплую, необходимую мне.

Задохнуться его запахом. Целовать и умирать от нехватки воздуха. Хочу в его объятия. Сильные. Напористые.

Отдать себя, всего. До последней капли. Вздоха. Сердцебиения. Верните мне его... прошу...

Так, стоп. Встряхнись, уебище. Ты на кого похож стал? Смаргиваю наваждение. Выкидываю дотлевающую сигарету и беру новую. Я уже привык питаться лишь в обед, и то с Сергеем. Он заставляет. Я курю не одну и порой даже не две пачки в день. А кофе выпиваю стабильно четыре-пять литров. Вместо воды.

Довожу себя до ручки, до края. Прогоняю непрошенные мысли об алкоголе и наркоте, ведь, говорят, они помогают забыться, но себе позволить такого не могу. Принципы гребанные. Откуда появились они? И для чего? Какая от них польза-то? Кручу в руке телефон, понимая, что у меня нет даже его номера. А может, так даже лучше... Бычок в приоткрытое окно. Наушники в карман. Обулся. Оделся. На выход.

— Эй, ты куда? — удивленная макушка сестры.

— Куда-нибудь, — жеманно в ответ. Хлопнув дверью, сбегая по лестнице. Выхожу на ветреную улицу. И вперед... к его дому.

Давно пора было сходить. Глянуть хотя бы, как он. Может, даже поговорить. Объяснить, как все обстоит на самом деле? Сказать, что осталось совсем чуть-чуть?

Нервно курю, а пальцы заledenели без перчаток. Губы потрескались, пересохшие, облизанные сотни раз. Взбегаю на нужный этаж, мнусь у дверей. Собравшись, наконец, звоню. А трели и не слышно, странно...

Стучу. Не открывают. Стучу еще раз. И снова глухо.

Я растерянно смотрю на дверь. Впервые за пару месяцев озадачен. Где он? А точнее, где вообще жильцы этой квартиры?

— Ты чего тут барабанишь, пацан? — выходит мужик возраста моего отца и злобно смотрит.

— Вечер добрый, я к другу пришел, — поясняю довольно вежливо.

— К Женьке, что ли? Дык они переехали, — усмехнулся он.

— А вы знаете куда? — онемевшим языком спрашиваю. Так мне и надо... Нет чтобы раньше прийти, узнал бы все сам из его уст. А может, и адрес был бы.

— Сказали, что в Москве останутся, только квартирку получше приобрели. Ты разминулся с ним, Женя приезжал пару часов назад.

— Так они квартиру не продали? — и зачем я спрашиваю?

— Нет, давай бывай, — сосед скрылся.

А я так и стоял, прожигая взглядом дверь.

===== Глава 21. =====

POV Женя

Не плачь потому, что это кончилось. Улыбнись, потому что это было.

С этой незамысловатой фразой в голове я вышел из его квартиры. А он молчал, глядя мне вслед...

Но это было громче крика. Красноречивее слов. Его глаза. Отчаянные. Злые. Он не хотел, чтобы я ушел, но не остановил. Отпустил...

Почему? Я все испортил? Чем? Как? Расскажите — я исправлю, объясните — я пойму, поясните — я приму...

Так холодно стало. Не телу, Душе. А часть сердца покрылась коркой льда. Не гладкой и сверкающей на солнце, а шершавой и ранящей своими острыми зубринами. И, казалось, само сердце леденело... Потихоньку, частичка за частичкой.

Пришел домой я спустя час, не спешно вышагивая по мокрому от морозящего дождя асфальту. Пришел на удивление спокойный. Уравновешенный. Задумчивый. Отрешенный.

Я четко осознавал, что это точка. И даже более того, какой-то частью своего подсознания я был этому рад. Нет, не тому, что его больше в моей жизни не будет. Я был рад тому, что он в ней был. Промелькнул, дал ощутить свое тепло. Дарил поцелуи и необыкновенные моменты, которые больше не подарит никто, кроме него. Я ведь хотел влюбиться? Я добился своего. И я счастлив оттого, что ощутил это и остался собой.

Многие безответно любят, мечтая прикоснуться, хоть пару минут насладиться любимым человеком. Так и чахнут днями, месяцами, годами. А у меня же было все. Все, чего я хотел. Я всегда буду помнить, каков его запах. Его глаза. Улыбку и шепот. Сильные руки и потрясающее тело. Его вкус, его тень, его дыхание. Стук его сердца и дрожь. Буду помнить... Клянусь. Но теперь, теперь пора двигаться дальше.

Сигарета в губах, пепел падает под ноги. А я провожу рукой по его губам. Не живым, нарисованным. Обрисовываю плавные линии, вспоминая их мягкость. Кончиками пальцев по векам очерчиваю, глядя в глаза рисованные. Ненастоящие. Передо мной картина, где он. Незаконченная. Красивая. Он держит руку на ней, мою. И я теперь знаю, что это было реально. Помню ощущение его ладони. Крепкое. Горячее. Нежное...

Рома... Ром... только не забывай меня, ладно? Хоть изредка вспоминай, хоть краешком мысли... Но не забывай, хорошо?

Разговариваю мысленно с портретом того, кого люблю. Я стал безумен? Как бы ни так, я всегда таким был.

Улыбаюсь, чувствуя, как одинокая слеза скатывается из уголка глаза. Я не соберу ее пальцем.

Не утру стыдливо ладонью. Я буду наслаждаться ее скольжением. Получать мазохистское удовольствие от этой сладкой боли.

...

Час пик в метро. Толкотня. Все в спешке куда-то бегут. А я сжимаю руку брата, ограждая собой от невежливовых прохожих. Ввожу в кабинку. Ставлю его в уголок у дверей и закрываю от всего и всех. Я привык быть его щитом. От ветра, людей, боли, правды жизни...

Мать осталась дома, снова болит голова. Снова беспокоит здоровье. А я тихо переживаю. Молча. Я должен быть сильным. Всегда. Ради нее, ради Вани. Вот и сейчас я еду в новую школу, куда хочу пристроить брата. И лишь когда его возьмут, мы сможем переехать. Квартира уже ждала, с подержанным ремонтом, которого спокойно на первое время хватит.

Теперь меня там ничего не держит. Никто не держит...

Метро. Электричка. Маршрутка, и мы, наконец, на месте. Обшарпанные стены старой школы встречают приветливо. Кирпич на стенах потемнел от сырости, измученные учителя сидят за своими столами, что виднеются в окнах первого этажа. Отмотать бы время обратно, я бы снова посидел вот так беззаботно...

Долгое бессмысленное собеседование, документы, подписи, обязательный взнос. Все как в тумане. Все так... обыденно. Едем обратно. Ваня кажется довольным, глаза светятся предвкушением. А с моей души упал один камень. Стало немного легче.

Федор так и не звонил. То ли работы не было, то ли не хотел иметь со мной дела. Деньги пока что были, того, что я получил от Ромы, было более чем достаточно на первое время.

Прошло уже чуть больше месяца с нашей последней встречи. Чуть больше месяца, а я все помню, словно произошло все вчера. Чуть больше месяца — это много? Это целая вечность... для меня.

А следом еще месяц пронесся мимо, еще несколько недель, а память не меркнет. А сердце не отпускает. Помнит и тихо скорбит.

Новая квартира. Новые лица, мелькающие в толпах. Новая обстановка.

Неизменно лишь одно: он приходил в мои сны. Он был на кончике языка, что все еще помнил вкус его кожи. На влажном фильтре... Я вдыхал его вместе с никотином. Я любил его внутри, где-то глубоко. Садняще. На дне глаз. Утопающе. На закромах уставшего мозга. Беспросветно. Он был всегда со мной — и в шуме ветра, и дождем, и снегом, и лучиком света. Я вспоминал его глаза, когда смотрел в чашку с обжигающим кофе. Вспоминал, когда ломал плитку шоколада. Когда стягивал резинку с волос и проводил по ним руками, словно это он... и он рядом.

И знаете, я ошибся. Ошибся, когда сказал, что остался собой. Он все же изменил меня, точнее, не он, а моя любовь к нему. Я не мог больше смотреть на парней. Это казалось мне кощунством. Предательством. Он был не первым, но последним в моей жизни. Самым лучшим. Идеальным.

...

Мой телефон ожил, настойчиво вибрируя в кармане джинсов. Не люблю разговаривать, идя по

улице. Но и игнорировать данный рингтон не мог, ведь знал, кто мне звонит.

— Жень, привет, — звонкий женский голосок в моей новой трубке. Алиса... Она и правда была как девочка из сказки. Только два уточнения: она не девочка, и она, несмотря на свою невинную внешность, — стриптизерша.

— Привет, Лиса, — улыбаюсь, услышав ее голос.

— Занят? — я знаю ее всего около месяца, но ощущение такое, словно года. Открытая. Веселая. Симпатичная, а главное — не навязчивая.

— Не особо. Иду со скучнейшей на свете работы, — подкуриваю очередную травящую меня сигарету.

— Вот, кстати, об этом я и хотела с тобой поговорить, — уверен, что, услышав щелчок моей зажигалки, она скривилась. Усмехаюсь и делаю глубокую затяжку.

— Стриптиз танцевать я не буду, — предостерегающе начинаю и слышу хохот на том конце.

— Окей, не будешь. Приходи сегодня в клуб, праздник как-никак.

— Мой самый ненавистный день в году, ласточка. Забыла? — теперь моя очередь кривиться. Сегодня ровно год с моей глупейшей и в тоже время гениальнейшей глупости...

— Нет, просто хочу научить тебя любить его. Это будет весело, честно.

— Если... — начал я свою угрозу.

— Если не будет, то ты собственноручно открутишь мне мою рыжую головушку.

— Заметано, — соглашаюсь, ибо пытаться ей противостоять — себе дороже порой.

Спустя два часа я стоял у клуба. Ждал, собственно, эту заразу. И какого лешего я согласился сюда прийти? Я же ненавижу такие заведения... Я был-то в клубах пару раз, пять от силы за всю жизнь, и то Марк затащил...

Марк... мы почти перестали общаться. Ведь он теперь всегда со Светкой, да и расстояние... оно все же мешает дружбе.

Внутри заведения, чему я очень удивился, не было и намека на розово-сопливый праздник. Атмосфера скорее интимная, чем полная веселья. В темных углах зала стояли комфортабельные диванчики, на которых восседали парочки. Немалое количество столиков. Полураздетые барышни разносили заказы. Идеальные размалеванные куклы, покачивающиеся в такт оглушающей музыки.

Может, все будет не так уж и плохо?..

— Подожди, я сейчас все тебе объясню, — крикнула мне девушка на ухо и втянула в помещение, где была более-менее слышимость.

— Ну, попробуй, — осмотрел я ее и приподнял бровь выжидающе.

Одета она была.... Не одета она была, вот так будет правильнее. Короткие донельзя шортики на

аппетитной пятой точке. Короткий топ-лиф и высоченные шпильки. Рыжие волосы были зализаны в высокий хвост на макушке. А зеленые глаза озорно блестели, обведенные фиолетовым карандашом в тон ее костюма.

— В общем, хочешь поработать ведущим?

— У меня нет опыта, — открестился сразу же. Браться за то, чего не умею, не хотелось. Ненавижу несостоятельность. Все должно быть идеально. Всегда, во всем, везде.

— А он и не нужен, хозяин клуба — мой сводный брат. Если хочешь...

— Я же сказал, что не могу. Не умею и не уверен, что мне это нужно. Я, вообще-то, не люблю подобную сферу отдыха, — отнекивался вовсю. Я в клубе? Работать? С ума сошли?

— Помнится, ты хотел изменить свою жизнь, — прищурилась моя «подруга».

— Не было такого, — вру, было. Ну а толку? Не так я хотел все переменить.

— Было, а еще ты хотел, наконец, начать все с чистого листа, увидеть новые горизонты.

— Лис, дерьмовый из меня ведущий. Правда.

Алиса лишь коварно улыбнулась и помотала своей яркой головешкой в стороны.

— Ох, Женька, твое природное очарование невероятно. Ты же публику влюбишь в себя, а Томка уже приелась всем, да и в декрет идти хочет. Ну, пли-и-и-и-из, — заканючила она, хлопая накладными ресницами.

Вот так я и стал работать в клубе, 14 февраля в 23:30.

...

И не жалею. Совершенно. Наши отношения с Алиской преобразились. Мы стали друзьями, партнерами и парой. Она знала о том, что место в сердце моем занято давно и надолго, скорее всего, навсегда. Видела грусть на дне моих глаз, когда я рисовал его. Тоску во взгляде, когда отводил глаза в сторону, стоило ей спросить о нем. Отличала лживую улыбку от искренней с легкостью. И даже по тону голоса понимала, что я чувствую. Удивительная девушка, я вам скажу. Терпеливая. Чуткая.

С ней было легко. Легко думать. Легко молчать. Легко вести беседу. Легко спать. Легко кончать. Все легко. Только любить ее я не мог... Я все так же вспоминал Рому. Все так же просыпался ночами, глупо смотря в потолок. Все так же курил бессовестно много, закрыв глаза и прокручивая то, что было и чему больше не быть.

Я рисовал его в свободные минуты, когда становилось совсем невмоготу. Когда тоска клевала душу. Когда сердце сжималось в тисках. Когда любовь алой кровью сочилась из сердца. По венам... Болезненно. Мучительно.

С ней было уютно. Комфортно. Я не мешал ей быть самой собой, а она мне. Я не осуждал ее страсть к стриптизу, она же не трогала мое хобби — рисование. В нашем тандеме были лишь плюсы.

Кто сказал, что время лечит? Кто сказал, что раны рубцуются? Кто сказал, что клин вышибается клином? Не в моем случае.

— Ты ведь любишь его, — тихо спросила сонная и уставшая девушка в моих объятиях.

— Ты знаешь ответ, — отвечаю одно и то же уже на протяжении года.

— И ни на капельку не меньше, чем вчера?

— Ты знаешь, мне кажется, что даже на капельку больше... — признаюсь. Ей я могу говорить все. Правдиво. Напрямую. Она знает, что не конкурирует с ним. Но так же знает, что из женщин на всей гребанной планете мне больше не нужен никто. Вот такая дилемма.

— Хочешь увидеть его? — вкрадчиво. Аккуратно. Она так боится ранить меня, а ведь я и так изранен, уже не страшно.

— Хочу, но одного желания мало.

— Просто знай — я рядом... Всегда.

Такие простые слова. Такие ценные. Внутри разливается тепло. Не возбуждающее, а греющее мое тоскующее сердце.

Эта девочка, как комок энергии, тянет меня за собой вперед. Она стала семьей, подругой. Сестрой и любовницей. Она стала всем. Стала родной. Моя мама безумно ее любила, брат ее обожал, а я был рад, что в моей жизни появилось солнце. Она — солнце. Мое солнце. И она меняла меня. Не внутренне. Внешне. Долго уговаривала постричься, но я согласился только подравнять длину и немного простричь их, едва заметно. После она долго таскала меня по магазинам, подбирая одежду. И если раньше все мои вещи состояли из пуловеров и джинсов, то теперь там байки, жилетки, брюки, белые кроссовки, мокасины, кепки, ремни с огромными пряжками и цепочками. Кожаные куртки, вельветовые пиджаки. Куча всего того, на что я даже не смотрел, не то чтобы надевать.

— Я знаю, Алис, — тихо отвечаю спустя время и целую ее в макушку, крепче прижав к себе.

— Люблю тебя, Жень... — шепот мне в шею.

— Знаю...

— Прости, — виновато. Грустно.

Считаете, что это глупо? Я так не думаю. Просить прощения за любовь вполне разумно тогда, когда она не слишком уместна. Тогда, когда сам обрекаешь себя. Ведь в моем сердце давно занято место. И я уверен, пройдут года, десятки лет, а он так и останется там, продолжая преследовать. Изводить. И напоминать, что я сам этого хотел. Сам написал. Сам поддержал. Сам рисовал.

Но, несмотря на то, что Алиса была предупреждена, она рискнула, неоправданно в какой-то степени. Нет, я буду с ней. И бросать не собираюсь, даже не думаю об этом, но нет тех будоражащих чувств. Нет сладкой дрожи от малейших касаний. Нет учащенного сердцебиения от ее близости.

Мне приятно. Мне хорошо. Мне спокойно. А хотелось бы урагана. Бури. Шквала. Но лишь Рома способен это дать мне, вернее, БЫЛ способен...

— А знаешь, Лис, давай поженимся? — приходит мне мысль неожиданно. А зачем тянуть? Мы

вместе больше года, а так ни разу и не ругались. Ни обид, ни истерик. Лишь правда в ее чистейшем виде. И я уверен, что других кандидаток на роль жены моей не будет. Да и мне уже 24... Пора бы...

===== Глава 22. =====

Слушала, пока писала, старую, но подходящую песню: Гости из будущего — Почему ты?

POV Рома

Контракт закончен — я свободен. Наконец-то...

За год сотрудничества мы добились немногого, и я знаю, что я тому виной. Но несколько моих песен крутились на радио, а в толпе меня хоть изредка, но узнавали. Ведь я даже выступил пару раз в клубах и на разогреве какой-то известной суперзвезды. Даже имени не помню...

Все настолько неважно стало. У меня было ощущение, что внутри все замерло с его уходом, словно нажали кнопку «ПАУЗА». Время продолжало идти, события происходили, но все мимо меня. Я застрял в том дне, застрял на том самом моменте. Я просто застрял... Залип. Разбитый. Одинокий.

Сердце, загнанное, изнывает. Тоскует.... А в нем занозой Женя торчит. Свербит, сил нет моих.

Я так устал играть непонятную мне самому роль в этом дерьме. Устал делать вид, что у меня все в порядке.

Я не могу смотреть на девушек, от взгляда на парней меня практически выворачивает. Я так ни с кем и не спал после того раза с Сергеем. Ни разу, даже в мыслях. Храню гребанную верность тому, кто исчез, как призрак, из моей жизни. А кто виноват? Я...

Отматывая в голове момент его ухода, я уже сотни раз все сделал иначе. Я и останавливал, и удерживал, и признавался. Умолял. Просил. Кричал. Насиловал. Я делал все, что мог бы сделать с ним. Но реальность такова — я молча отпустил его тогда. Как последний блядский трус.

Я ведь мог все рассказать ему. Объяснить. Он бы понял, мы ведь далеко не дети. И он не казался глупым и поверхностным. Он был лучшим, самым лучшим, а я упустил его.

Где искать тебя, Женя? Где ты? Помнишь ли меня?.. С кем ты? Как ты? Будет ли у меня шанс все исправить?

Я на дне... На черном, беспросветном. Тону в своей же боли. Отчаянии. И что дальше будет, как дальше жить... я не знаю.

Не спасает сигарета, что дотлевет между пальцами. Не спасает обжигающе горячий кофе, что вниз по горлу, прямо в желудок горячим потоком льется. Не спасает мать, улыбчивая, понимающая, что взяла привычку обнимать меня каждодневно. Приятно. Тепло. Телу... душе по-прежнему слякотно и промозгло. Не спасает сестра, молчаливая, не мешающая, с вечно грустным взглядом в мою сторону. С сочувствием.

Кручусь на стуле, привычно сидя у окна. Это теперь мой маленький ритуал, курить на том самом месте, смотреть в ту самую точку и вспоминать. Много. Болезненно. Прикрыв глаза,

давя внутри, желающие на волю, слезы. Женя... ты сломал меня, мой нежный мальчик. Разбил, как статуэтку, а я не способен сам собрать себя по частям. Я выпадаю из реальности. Я страдаю, практически скуля в подушку. Она больше не хранит его запах... выветрилась. Кусаю губы, чувствуя привкус крови. Легкая боль теперь так желанна, благодаря ей я понимаю, что все еще не превратился в натурального зомби. Что я способен чувствовать хоть что-то, кроме убивающей меня любви к нему...

Он где-то в Москве, а она огромна. Но я буду искать его... Хватит сидеть на месте ровно, мы все не вечны... Мне может жизни не хватить найти его.

Подрываюсь со стула. Окурок в окно. Пальто на плечи и вон из дома. За руль авто, что выстыло на улице. Я не водил уже пару месяцев, с моей-то концентрацией это опасно. Но в данный момент мне плевать. Гоню, как сумасшедший, в центр города. Начну оттуда. Просто тянет, просто надеюсь, что чутье не подведет снова.

Дома блеклые, серые, бесцветные. Пронесется мимо. Светофоры. Люди. Машины. Все как во сне. Я давно потерял ощущение реальности. Проезжаю на красный, почти столкнувшись с грузовиком. Плевать... В этот раз мне повезло. Повезет ли в следующий? Проверим...

Еще один квартал проезжаю, а после еще и еще... Паркуюсь где попало. Пусть штрафуют, мне абсолютно похуй. Правда.

Пешком по улице. Ищу глазами его в толпе. Жадно всматриваюсь в лица. Отчужденные. Незаинтересованные. Каждая золотистая копна волос пускает сердце вскачь. Но не он... нигде нет его...

Несколько часов вдоль и поперек этого квартала. Скуренная пачка сигарет. До тошноты. Вместо еды пара стаканчиков кофе. Несколько навязчивых девиц.

Где ты? Уже почти полночь, город тихо засыпает.

Лишь уличные фонари и редкие прохожие. Где ты?

Пустота внутри и словно ветер завывает. Где ты?

Иду к машине, снова курю. Снова кофе. Снова дорога. Где ты, Женя?

С досадой захлопнув дверь в квартире, натыкаюсь на... Сергея, сидящего в моем кресле. Нахально, вальяжно раскинувшегося.

— Ну и где тебя, скотину, носит?

— А я, вроде, отчитываться больше не обязан, — огрызаюсь и швыряю ключи на стол.

— Злишься — это хорошо. Еда на кухне. Кофе только что сварила твоя сестра. Поешь и начнешь вещи собирать.

Откровенно ахуев от вышесказанного, стою и смотрю на него. И удивило даже не его присутствие. Удивило то, что он все еще согласен возиться со мной. Доброта душевная? Выгода? Этот ублюдок что-то задумал...

— Кофе остынет, а ты любишь обжигаяще горячий, — ехидство проскальзывает, но его настолько мало, даже непривычно.

— Я не подписывал контракт.

— Знаю.

— Тогда какого хуя ты тут делаешь?

— Сижу, что, вроде, очевидно, нет? — приподнимает бровь. Играется. Сука...

Да пошел он... Иду на кухню, а там и вправду и еда, и кофе. Причем курица с пармезаном, моя любимая. Рис рассыпчатый, с приправкой душистой. Салат «Цезарь» крупно настроган. Шокированно наливаю себе большую кружку, открываю дверцу шкафчика, достаю МОИ ЛЮБИМЫЕ КРУАССАНЫ, которых не было здесь... Пиздец.

— Сладкое после еды употребляют.

Пачка с мягким, вкусно пахнущим десертом пропала из моих рук под мой гневный взгляд.

— Это кто приготовил?

— Не знаю, — пожимает плечами. В глазах ноль эмоций. В них откровенное веселье, не более.

— Ешь, иначе заставлю.

— Папаша, блять, недоделанный, — ворчу, но еду накладываю. Признаю, что от одного запаха желудок скрутило, слюна заполнила рот. Но подчиняться я никогда не любил... потому и сопротивляюсь.

...

Шум турбин самолета бесил. А еще больше бесило то, что я не знал, куда он тащит меня. А то, что мать не возмущалась, а очень мило улыбалась и пожимала руку Сергея, бесило еще больше. Я чувствовал, что они решили жить за меня, точнее решали, как жить мне. А я... что я? Я не могу больше сопротивляться. Все равно, что здесь, что там, да хоть, блять, где, мысленно я все равно рядом с Женей...

— Очнись, выходить пора, — щелчок пальцев перед моим носом. И я вынырываю из собственных мыслей, встаю и плетусь за ним.

Хожу. Сижу. Сплю. Пью. Ем. Курю. Много курю. Очень много курю. Ни злости. Ни радости. Ни интереса. Ничего...

Я не живу. Давно не живу. Я существую все еще в надежде найти его. Будь я хоть за миллионы километров от него, мне не станет легче, никогда не станет.

Хоть бы увидеть его, пусть и случайно. Хоть бы услышать хоть слово. Украдкой. Из-за угла. Вдохнуть полной грудью его запах и задохнуться, чтобы не выпустить его из себя.

Судорога по телу. Еще одна... еще... еще... Что происходит? Где я? Что я?

— Дыши, придурок! — пощечина по онемевшей щеке. За что? И почему в груди словно разорвано все? Дышать сложно.

— Дышу, блять, — говорить больно. По горлу словно наждачкой. Что произошло? Почему Сергей бледный, как полотно?

— Ты гребанный кретин, Рома, — облегченно вздыхает и ерошит свои волосы. Нервничает. Что же случилось? Пытаюсь привстать, не получается. Тело свинцом налилось, и в сон клонит. Кашель начинает душить. Гортань острыми лезвиями режет. Грудь сдавливает. Откуда этот привкус соли во рту? Поворачиваю голову, приложив усилие. Я на берегу, вот так номер. Я что, тонул?

— Сколько?

— Что сколько? — не понимает он и теплой рукой поворачивает голову мою к себе.

— Сколько ты откачивал меня?

— Долго... Какого лешего ты заплыл так далеко?

— Не знаю, — отвечаю честно. Я вообще не помню, как оказался здесь. И что со мной было. Я просто выпил бокал виски. Увидел паренька, смутно похожего на Женю, вышел оттуда, разбил стакан о стену бара. Потом улица. И провал... Куда я шел? Зачем? К кому? К чему? Не помню...

— Идти можешь?

Пробую сесть, получается, но тяжело.

— Дай мне пару минут.

— Хорошо, пить хочешь? — протягивает бутылку воды. Вот уж не подумал бы, что буду ему обязан.

Пью, и саднит теперь меньше. Но как бы ни было печально, физическая боль не заглушает душевную. Ни на грамм.

Прекрасная природа островов. Океан и море угощений и выпивки не отвлекают. Каждую минуту, каждую секунду он в мыслях. Сколько можно? Как долго? Неужели я всю жизнь буду так прозябать? Слабый, какой же я слабый оказался.

...

Сергей был теперь почти всегда рядом. Он бесил меня. Злил. Пару раз мы почти сцепились. Он вызывал во мне эмоции. Настоящие. Наблюдал за мной, пинал меня, толкал нагло вперед. И это действовало. Почти...

Внутрь залезть он не мог. Воспоминания стереть не способен. Любовь убить тем более...

Но я готов признать то, что его действия хоть немного, но вырывали меня из водоворота тоски и боли. Я нехотя, но двигался. Скрипя зубами, но шел. Пел. Играл. Жил...

— Одевайся, в зал идем, — слышу, как только поднимаю трубку. И не «привет», не «как дела?». Нихуя... Сразу указания, и его не колышет, хоча ли я, надо ли мне.

Хочу было возмутиться, да вот не успеваю. Он уже трубку положил... Сука, как же он бесит меня.

Игнорирую следующий звонок. Беру гитару и с сигаретой в зубах перебираю тонкими пальцами по струнам. Тихая одинокая мелодия льется по комнате. Я играю ее почти каждый

день с его ухода. Она выражает мою боль. Мою тоску. Любовь. Печаль. А Сергей отказывается записывать ее. Говорит: «Пресновато, Ром. Пресновато. Дотошно. Не прокатит».

Хотя я думаю, все иначе, просто столько боли вылить на слушателя будет крайне неправильно. По-свински.

Еще два аккорда. Пепел упал на штанину. Бля-я-я... И в дверь звонок, как гром среди ясна неба.

Еще один... еще... еще...

— Я не хочу идти в зал, — распахнув дверь в квартиру, говорю злому бывшему начальнику.

— И я не хочу, есть такое слово «надо», так что оделся, обулся и пошел со мной. Быстро.

Не люблю, когда со мной подобным тоном разговаривают, и я могу послать его, но он стойкий, гад, не отвяжется.

...

После похода в зал — домой. Принять душ. И снова в город...

Где ты? Где ты? Где ты?

Ищу. Зову, но его нет... Нет... нет...

Снова сажусь в машину.

Новый квартал. Дворы. Улицы. По кругу...

Каждый вечер. Изо дня в день. Мой личный ритуал.

Судьба, перестань мучить меня. Я знаю, что заслужил. Но это слишком...

Я уже согласен поверить и в Бога и в черта, только помогите мне найти его. Я не могу так больше. Я с ума сошел давно. Обезумел от любви и тоски. Мне хотя бы увидеть... прошу... Умоляю.

Я хочу все исправить... Попытаться. Убедиться, что он помнит или что забыл, и дальше идти. Быть отвергнутым, посланным, но увидеть, услышать, взглянуть в пучину синих глаз, что преследуют в мыслях. Что прожгли дыру в сердце...

Полтора года — слишком много для разлуки. Полтора года — слишком мало, чтобы забыть.

===== Глава 23. =====

POV Женя

В центре зала стоят нарядные люди. С букетами в руках и счастливыми сияющими улыбками. Праздник у всех. А у меня?

— Согласны ли вы, Малюжич Евгений, взять в жены Соболевскую Алису? Любить и оберегать до последнего вздоха?

Серьезность вопроса врежется в разум. Алыми нитями вплетается в душу. И я знаю ответ. Знаю...

— Согласен, — твердо. Громко. Уверенно. Кроме нее, кроме моей рыжей малышки, я никому не нужен. Никому в этом гребанном мире. Она и мать с братом. Нас всего четверо, и мы должны держаться вместе. Жить дальше...

Смотрю на Алису, в ее глазах слезы, на губах улыбка. Кремовое платье на точеной фигурке, высокие каблуки. Макияж сдержанный. Длинные серьги, а вместо фаты вплетенные лилии в волосы. Красивая. Воздушная. Яркая.

— Согласны ли вы, Соболевская Алиса, взять в мужья Малюжич Евгения? Любить и хранить верность, пока смерть не разлучит?

Я знаю, что она ответит. Я вижу это давно в ее взгляде.

— Согласна, — выдыхает, как только замолкает упитанная женщина средних лет.

Мы надеваем друг другу кольца. Краткий поцелуй и первый танец. Прядь выбилась из моего аккуратно зачесанного хвоста. И упала на щеку, вызвав прилив нежности в зеленых глазах напротив. Она любит мои волосы, но не так сильно, как он... Рома... укол в сердце. Это имя до сих пор, как ржавым ножом по венам. Как яд внутривенно.

Я не забыл его. И не смогу забыть, я знаю. Я любил его, люблю и буду любить, но наши дороги разошлись. Теперь у меня новая глава жизни. А жить без него я научился. Научился и прятать боль глубоко в сердце. Когда же порой становится невыносимо, Алиса помогает. Она терпеливо выслушивает и согревает.

Свадьба была тихая. Мирная. Человек двадцать от силы. Лишь самые близкие. Самые дорогие. Застолье в приятном кругу родных и друзей. И я на минутку забылся. Поверил, что все еще возможно. Что все еще будет...

...

Работа стала приносить удовольствие. Я развлекаю со сцены, провожу конкурсы, объявляю выходы девочек. В том числе свою Алиску. Я ничего не имел против ее танцев. Это ее самовыражение, хотя брат ее сказал, что я мудака, и я не люблю ее, потому и не ревную к жадным взглядам на ее тело. Ему ведь не понять то, что я знаю ее чувства, доверяю. И не мешаю жить ей так, как она хочет.

Знаете, в том, чтобы жить, поддавшись течению, есть и свои плюсы. Есть плюсы в переменах. Есть плюсы в потерях. Они везде есть. Теперь я их вижу.

...

— Ну что, малыш, учимся танцевать? — игриво спросила моя жена.

Танцевать... Сложно, я вам скажу. Но я захотел открыть для себя что-то новое. А она у меня не только по шести ползать умеет.

— Учимся, Лиса, — киваю и встаю. Затувив сигарету и поставив на стол чашку, потягиваюсь.
— Готов.

И понеслась...

Что может быть тяжелого в том, чтобы передвигать ногами? Ну и руками... Иногда головой. Но вы не поверите, это и вправду сложновато. Для меня, по крайней мере.

— Иди ко мне... — манит плутовка, двигаясь под музыку. И вправду лисица, быстрая, плавная. Юркая. — Да не просто иди, а покачиваясь под музыку. Вот та-а-ак. Молодец.

Притопываю. Пытаюсь быть не бревном, чуть больше пластики. Почувствовать ритм.

Влиться в это течение. Мне это даже нравится. Немного... Вот сидеть в тишине комнаты и дышать в унисон... с ним мне нравилось больше.

Кривляемся. Смеемся. Дурачимся. Подпеваем. Кружимся с поднятыми к потолку руками. Это могло бы быть очень весело, если бы я сумел задавить в себе это саднящее чувство потери. Интересно, что должно произойти, чтобы я смог забыть его? Перестал с каплей страха всматриваться в толпу? И пить кофе без кровотокающей боли мозга от воспоминаний.

Это злит. Бесит. Не дает ощутить стопроцентное спокойствие. Я словно чего-то жду.

Жду сам не зная... Не понимая. Надеюсь. На что? Зачем?

Сажусь на стул напротив мольберта, смотрю на картину, недавно начатую. Что за картина? Догадаться несложно. На ней снова ОН.

Я разучился рисовать что-либо другое. Как только кисть или карандаш в руке, его образ пальцы вырисовывают сами. Боль изливается красками. Мои чувства к нему в ровных изгибах его профиля. В тених, что отбрасывают ресницы. Я не знаю, что было бы со мной, если бы я не рисовал его, если бы не выпускал все изнутри на холст. Я бы, вероятно, уже сошел с ума... Свихнулся от силы этой безнадежной, безответной, всепоглощающей любви.

— Он красивый, — тихо говорит Лиса, сев рядышком в моих ногах. Ее голова на моих коленях, и взгляд направлен на того человека, что мешает ее счастью, даже не будучи рядом, даже не зная об этом. Не подозревая. Он, наверное, живет по-прежнему в своей роскошной квартире с сестрой-стервой. Все так же много курит и заливается кофе.

— Красивый, — киваю. Мазок кистью по его волосам. Черные, как воронье крыло. Как сама тьма... Еще мазок... еще... еще...

— Спасибо тебе.

— За что? — смотрю в ее глаза. Я вижу ту грусть, что в них плещется. Боль. Но исправить это не в силах. Я пытался. Правда...

— За честность. Откровенность. Ты никогда не обещал мне ничего. Никогда не запрещал. И ничего не скрывал.

— Тебе плохо со мной, Алис, я же вижу.

— Нет, ты не прав, мне плохо потому, что ты так сильно любишь того, кто, возможно, этого и не заслуживает. Я бы помогла тебе, если бы знала как.

— Ты рядом, этого более чем достаточно. И давай не будем... о нем. Пожалуйста, — голос чуть надломился. Боль иногда просачивается изнутри, как бы сильно я не держал ее.

Беру ее руку в свою. Сжимаю. Чувствую тепло... Но она хрупкая, она тонкая, она не его...

Господи, ну почему опять? Ну, заведи ты это чувство из меня, оно жить мешает! Из-за этой чертовой любви я не могу прекратить страдания близких мне людей. Зачем она мне, если от нее лишь боль? Зачем она мне...

Ведь он не пришел тогда. Не остановил. Не искал.... Я не нужен ему. Значит, и он мне, просто заведи, господи... прошу.

— Жень... — ох, Алиса, не трогала бы ты меня... не сейчас. Но я не могу отказать ей.

— Что? — спрашиваю, прогоняя мысли. Образы. Воспоминания. Полтора года, даже больше, а внутри все так же слякотно.

— Тебе больно, — ласковое касание кончиков пальцев по щеке. Грустная улыбка. Теплая. Любящая.

Поцелуй, горький, как полынь. Болезненный. Не прогоняет, уже не спасает.

Соберись. Соберись. Соберись. Скандирую сам себе. Сжимаю руки в кулаки.

— Прости, — отрываюсь от нее и иду на балкон.

Долго стою, куря одну за другой. Смотрю в ночной город.

Где ты, Рома? С кем ты? Где-то, но не со мной...

Помнишь ли ты меня? Хотя бы имя? Вряд ли...

Затяжка, одна, другая... еще... еще... Горечь во рту невыносима. Горечь внутри убийственная.

Смотрю вниз с седьмого этажа. Там так темно, и падение мне кажется свободой.

Прочь мысли...

Я не вправе так поступать. Я ведь сильный? Я переживу. Еще пара лет, и любовь, как старый сорняк, иссохнет. Я верю в это. Выбрасываю окурок и возвращаюсь в квартиру. Алиса спит уже. Заплаканная.

Грустная. Неспокойная даже во сне. Мучаю ее... Знаю это, но эгоистично остаюсь рядом. Она ведь любит. Хоть кто-то меня любит...

...

— Просыпайся, Лисенок, — приношу ей завтрак. Ухаживаю. Чувствую вину свою.

— М-м-м, милый, — улыбается. Снова огонек зеленых глаз зажегся. Слава богу...

— Кушай, я пока в душ, — целую ее во вздернутый носик и иду в ванную.

Знаете, чем пахнет мой гель для душа? Им...

Я помню тот запах и как услышал, сразу же стал покупать лишь этот. И Алиса не знает об этом. Но, думаю, догадывается... Вот, таким образом, я ношу частичку его на себе. Глупо.

Помешано.

Выйдя из душа, плетусь за своим кофе. Курю на кухне, Лису тошнит от курева по утрам...

Прочь мысли.

...

Еще неделя, безумная и бессмысленная, пролетела незаметно мимо. Непримечательная. Обычная.

Стою в клубе. Кручу микрофон в руках. Замечаю взгляд голубоглазого брюнета.

Прожигающий до мурашек, холодный, обвиняющий. Я не знаю его, так откуда в нем столько непонятной мне ненависти?

Отворачиваюсь. Скоро мне идти на сцену. Курю. Но этот блядский взгляд зудом по коже. Ловлю себя на том, что периодически смотрю в тот угол. Встречаюсь с глазами этого неприятного мужика. И нет, он симпатичный, безусловно, но в нем столько неприязни. Ощутимой. Бр-р... За что?

Подумаю об этом позже. Взбегаю на сцену прямо с сигаретой в руке.

— Хэй, ребята, — улыбаюсь уже привычно. — Это я, ваш неизменный Женя, — кланяюсь в шутку, скользя глазами по толпе. Торжество светлых глаз удивляет меня. Словно он услышал то, что хотел, но не уходит, однако. Странный тип, надо будет выяснить, кто он.

— Итак, встречайте мою жену, да-да, ту самую искорку, Лису-Алису Малюжич!!! — смеюсь и, пританцовывая, встречаю ее. Краткий поцелуй, схожу со сцены, теперь она там царица. Хозяйка.

Неосознанно ищу этого брюнета в куче народа и нахожу. Но теперь на его лице разочарование. Да что ж такое-то? И какого лешего он смотрит на меня так?

Иду к нему, быть может, зря, но меня тянет.

— Вечер добрый, — здороваюсь, терпя его оценивающий взгляд. — Я Женя, — протягиваю ему руку.

— Я знаю, — равнодушный ответ.

— Откуда?

— У нас есть один хороший общий знакомый, — отвечает, высматривая что-то во мне. Причем так явно, что это обескураживает. И знакомый? Откуда у меня может быть с вот таким человеком общий знакомый? Кхм...

— Кстати, я Сергей, — пожимает мне руку все же.

===== Глава 24. =====

POV Рома

Привычно приезжаю домой около полуночи. Опять безрезультатно. Хотя я уже отчаялся.

Надежда умирает. Испускает судорожные последние вздохи. Мне бы подсказку. Намек. Случайность. Но нет... жизнь издевается, упорно пряча его от меня.

От кофе уже тошнит, но я все равно пью его. Сигарет осталось всего пара штук. Бля...

Голова раскалывается. Я уже вторые сутки не сплю практически. И все из-за того, что вчера в толпе увидел очень похожего на него парня. Но тот был с рыжеволосой девушкой. А мой Женя не мог быть с девицей. Не мог... Я уверен.

Надо бы выпить по-хорошему, закусив шоколадкой, и спать. Беру телефон, чтобы отключить, а то мало ли. Сергей любит звонить посреди ночи. И вот оно, святое дерьмо, мобильник заорал, едва я взял его в руки. И кто звонит?

Ну да, он самый.

— Че надо-то? — устало спрашиваю, откупоривая бутылку виски.

— Пил?

— Нет еще пока. А что? — недовольно спрашиваю. Отчитываться ненавижу, особенно перед ним. Да и не обязан, по сути.

— Вези свою тощую задницу в клуб «Бездна».

— Я не спал двое суток, отвали.

— Я выручал тебя сотню раз, а когда мне нужна помощь, ты бросишь меня? — явный укор в тоне отрезвил малость. Так уж жизнь распорядилась, и он спас мне чертову жизнь и не только. Бля...

— Еду...

Со вздохом ставлю на место виски, переодеваюсь. Наскоро ерошу волосы у зеркала и выхожу. Чтоб ему неладно было, еще же забрался аж в центр. Ехать до него немало, без пробок и по самому кратчайшему пути — часа полтора.

На скорости по ночной Москве мчусь к тому, кто бесит, но кому я обязан. Докуриваю последнюю сигарету, надеясь, что в клубе смогу купить. На пешеходном переходе чуть не придавил пьяную парочку.

— Эй, блять, смотри, сука, куда идешь! — рявкаю в приоткрытое окно. Ну вот, прекрасно, настроение было хреновое, а резко стало хуевое с каплей бешенства. Если Сергей еще будет мозги трахать, я ему там же на месте и перемкну.

Доехал я рекордно быстро. Нервно хлопнув дверкой, вышел из машины. В клуб меня пустили, ибо узнали. «Звезда», мать его. Недоделанная. Захожу и ищу глазами брюнетистую макушку.

— И как часто ты тут тусуешься? — спрашиваю, подойдя к нему сзади.

— Я тут был в прошлом месяце и до этого как-то разок, — отпивает из стакана и смотрит на меня, как ни в чем не бывало. Будто я и не перся сюда неизвестно сколько.

— И чем тебе наш старый добрый клуб не по вкусу стал? — кривлюсь и прошу бармена принести две пачки Kent.

— А мне и здесь не по вкусу, просто жду, пока девочка одна на сцену выйдет. Вот покажу ее тебе, и, если ты все еще захочешь уйти, то поедem домой.

— Перестань говорить загадками, я не в том, сука, настроении. И мне баба не нужна. Пошли на выход, — пытаюсь стянуть его со стула. А он, когда чего-то не хочет, бывает на удивление сильный и упертый.

— Что же тебя так разозлило? — спокойно похлебывает себе. Явно желая получить порцию пиздюлины в моем исполнении.

— Ты, — фыркаю на него. Знаю, что выгляжу, как взбешенный подросток. А мне плевать...

— А помимо? — он что, издевается? Орал, что тут буквально ЧП, а в самом деле сидит себе, спокоен, как удав, и попивает вискарь. Уебок.

— Ты. Поехали домой, Сергей, я вправду не спал двое суток, — пытаюсь с другой стороны подойти. Обычно, если он просит, то мы сразу уезжаем. А тут — давай посидим, бла-бла-бла. Темнит... Ох, темнит.

— Полчаса и едем, хорошо?

Вздыхаю, но замолкаю. Открываю новую пачку. Закуриваю и жду... Чего жду? Ах да, баба какая-то выйдет, после чего я, наконец, окажусь в объятиях морфея. Без интереса рассматриваю наших соседей за барной стойкой. Размалеванные девушки стреляют глазками, явно подыскивая, у кого вытрясти наличность из карманов. Не интересует...

Кручу головой, кривясь от громкой музыки, что болью отдается по вискам, противно пульсирует в мозгу. Глаза режет от дыма, что валит со стороны сцены, и ярко моргающих лампочек под потолком. Потные тела беснуются. Трутся друг о друга. Похотливые. Довольные. Пьяные.

Наконец музыка стихает. Слышно покашливание, но скорее в шутку, чем серьезно в микрофон. Не хватало еще конкурсов. Тупейших. Скучных. Типичных.

Желания смотреть, кто там, никакого нет. А вот Сергей повернулся лицом к сцене. Ну и хуй с ним. Теряю зажигалку, изучая покрытие барной стойки вместе с бейджиком бармена, что мелькает моментами передо мной.

— Доброй ночи, дорогие, — голос знакомый до боли. — С вами я. Кто? Ладно, для тех, кто тут впервые, представлюсь. Я — Малюжич Женя. — И тут мое сердце рухнуло вниз. Меня будто встряхнули. Жестко. Резко.

Резко поворачиваюсь, глядя неверующе на сцену, краем глаза заметив, как расплылся в довольной улыбке Сергей...

Он знал. ОН ЗНАЛ! И потому позвал меня сюда.

— Теперь можем уходить, — слышу с его стороны.

— Иди в задницу, — тихо отвечаю, вставая. Онемевшие враз ноги отказываются сгибаться.

Смотрю на держащего микрофон человека и не верю глазам своим. Вот ОН. Женя, мой Женя... Черные, чуть свободноватые джинсы. Цветная майка и кожанка с клепками поверх нее с

засученными руками. Множество цепочек и всякой дряни. Кепка, а из-под нее ниспадают распущенные пшеничные волосы чуть ниже лопаток. Белые кроссовки высокие. Модные. Он изменился... Кто-то явно поработал над его стилем.

Женя... Сердце замирает. Женя... Кровь загустела. Время остановилось. Женя...

Стоп... он сказал, что эта рыжая девочка его жена? ЖЕНА?! Твою мать...

Жду, когда он спустится со сцены. Отхожу, словно крадусь вдоль темной стены, Сергей все видит и не собирается меня останавливать. Я снова обязан ему. Черт... Вот уж не думал, что благодаря этому ублюдку найду моего художника.

Как он двигается... Господи. Плавно в такт, подходя к ней. Улыбается. Искренне. Лучезарно. Целует ее губы. Нежно. Любяще. Пиздец...

Неужели я опоздал? Неужели навсегда потерял его? А помнит ли он меня? Узнает ли? Рисует ли?

А что мне сказать ему? Как подойти?

Он спускается со сцены, идет прямо на меня, крутит микрофон в руке. Смотрит под ноги... Как? Что? Зачем?

— Эй, прикурить будет? — спрашиваю, как в момент нашего знакомства. Он резко поднимает голову и застывает. Вся гамма эмоций мелькает в его глазах. Шок. Неверие. Удивление. Радость. Боль. Обида.

А меня как волной окатило. Втянуло и не отпускает, теперь уж точно. Его глаза, как два магнита, притягивают. Кончики волос пушатся, и рука так и тянется ощутить их шелк между пальцами. Губы зудят от нужды коснуться его губ. Тело ноет, прося тепла. Ноет, прося его.

— Рома... — только и слетает с его губ. Он не уходит. Он вообще не двигается.

Как же я скучал. Тосковал. Умирал без него. А теперь стою и просто смотрю, не в силах сказать и слова. Язык прилип к небу. Онемевший. Руки похолодели от нервов. Снова притяжение, такое сильное. Заметное нам обоим.

— Ну что, орешек, едем домой? — подходит Сергей... Какого?..

Глаза Жени вмиг темнеют. Руки сжимаются, и, казалось, он стал раздуваться, как морской еж. Ярость. Ревность? Но он не уходит. Значит, не все потеряно. Значит, есть шанс. Маленький, но, главное, что он есть.

— Нет, не едем, — выдавливаю хрипло. В горле ком.

— Знаю, я такси себе уже вызвал.

Я понимаю, что всем ему обязан. Я бы сюда никогда сам не зашел. А значит, и не нашел бы Женю...

— Спасибо, — смотрю в светло-голубые глаза бывшего начальника.

— За что? — спрашивает, а по глазам видно, что он все понял.

— Ты знаешь за что, — вздыхаю и, пожав ему руку, позволяю уйти.

Перевожу глаза на застывшего Женю. Он растерян. Шокирован. Кажется, сам запутался в собственных эмоциях. Либо не знает, как себя вести. И не один он. Но самое главное то, что он рядом. Он прямо передо мной. Накинуться бы на него прямо сейчас. Остервенело исцеловывать пересохшие губы. Гладить шелковистые волосы, чувствовать рельеф его тела. Прижимать к себе. Но...

— Выйдем? — неуверенно спрашиваю, вглядываясь в его лицо. Протягиваю ему руку. Возьми же. Пожалуйста... Ты так нужен мне. Возьми...

— Выйдем, — вторит мне и переплетает наши пальцы.

Я даже не уверен, что смогу описать то, что я почувствовал в этот момент. Я ожил.

Я вострепнулся. Мое тело мгновенно наэлектризовалось, и по коже пробежал рой мурашек. Он рядом.

Заходим в темное помещение. Он включает свет, ведет меня к дивану, крепко сжимая мою прохладную ладонь. Женя...

Я так незащищен и открыт перед ним. Мне плевать, что он видит меня, как на ладони, что меня можно читать, как книгу, вить из меня веревки. Ему можно. Ему все можно.

Садимся. Еще минут пятнадцать просто молчим, но руки все так же переплетены.

— Привет, — улыбка. Такая нежная и искренняя. И она для меня...

— Привет, — отвечаю чуть тише, чем он. — Я нашел тебя... — добавляю шепотом и тяну его к себе...

===== Глава 25. =====

Вот фотка, каков Женька стал (по стилю): <http://s43.radikal.ru/i101/1210/22/e13abadbb872.jpg>

POV Женя

Еще один месяц прошел. И снова я кое-как собрал себя по частям. Успокоился.

Ностальгические воспоминания все меньше изрезали душу. И признаю, что рисовать стал меньше, но по-прежнему лишь его.

День близится к вечеру. Скоро на работу, а я слоняюсь по квартире в ожидании Алисы из салона. Скучно, деть себя некуда. А когда я не занят, мысли возвращают меня в прошлое.

Интересно... Он остался такой, как прежде? Может, чуть отпустил волосы? Или, наоборот, остригся. Похудел? Или набрал немного. Где ты, Рома? Как ты? Помнишь ли меня? Одни и те же вопросы. И снова нет ответов, их и не будет. А я все еще терзаю свою душу. В чем же вина моя была? В том, что я ушел? В том, что не увидел чего-то? Не заметил?

Усмехаюсь горько, глядя в окно. Люблю высоту. Люблю весну. Самую середину, когда все зеленеет, зарождается. Это придает вдохновения. Это окрыляет. Дает надежду. Коль замерзшая земля способна ожить, почему же не смогу я? Сердце мое?

— Жень, ты дома? — окликает меня реальность. Моя реальность. Мое настоящее и будущее.

— Я курю, Алис, — отвечаю, выглянув из балконной двери.

— Докуривай и кушать, я суши купила.

Приятно, когда о тебе заботятся. Это одна из причин, почему я женился на ней. Хозяйственная. Умная. Добрая. Что нужно еще?

...

Только я способен забыть сигареты дома. Вздыхаю и иду к барной стойке. Людей еще нет. Мы ведь только открылись. Обычно все подтягиваются к полуночи.

— Макс, мне как всегда, — стучу по барной стойке. После забираю блок сигарет на «про запас», как любит шутить он. Знает ведь, что я курю, как безумный, по пачке минимум.

Расчесываю непослушные пряди. Матерюсь перед зеркалом. Стоило пройти по улице — и я снова лохматый. Бесит, блять...

Надев кепку козырьком назад и нацепив очки Алискиного брата, вываливаюсь из подсобки. Надо микрофон разыскать, более-менее пашущий. Оросить горлышко, хотя бы минералкой. Пить алкоголь не особо горю желанием. Хотя признаю, он веселит. Чуть-чуть. Может, сто грамм?

— Ма-а-акс, — зову бармена.

— Я ж тебе сигареты дал, — выныривает из-под стойки.

— А я не за ними, плесни-ка стопочку.

— Текила? — двигает бровью.

— Эм... — тяну неуверенно.

— Значит, текила, — оскалившись, хлещет он ее в рюмку и, пододвинув мне дольки лайма, смотрит невинно так. Ресничками хлопая. Вот зараза...

Пялюсь на прозрачную жидкость с долей страха. Выдыхаю и залпом осушаю, скривившись. Брррр.... Гадость. Следом дольку лайма в рот. Еще больше кривлюсь. А мой якобы друг, ну ладно, полудруг стоит и практически рыдает от смеха. Весело ему. Я тут, между прочим, повредил рецепторы от кислоты на языке.

— Я и обидеться могу, — состроив гримасу, запускаю в него шкуркой от лайма.

— НЕ был бы ты мужем Алисы, подумал бы, что ты гей, — ржет тот.

— А я БИ, кретин, — елейным голоском отвечаю, наслаждаясь шоком на его лице. Выкусил? Отлично. Кажется, текила уже смешивается с кровью...

— Брысь отсюда, бирюзовый, — отмахивается он от меня.

— А что ж не голубой-то сразу? — приподнимаю бровь и, поправив очки, сваливаю.

Начало вечера мне нравится. Беззаботное. Бессмысленное. Идиотское, но в этом есть что-то.

Улыбаюсь Лисе, пританцовывая. Она вышла из гримерки и наблюдает за мной. Да-да, я за последний месяц еще лучше научился двигаться. Теперь получается весьма недурно.

Притопываю белыми кроссами, прищелкиваю пальцами, слыша, как бренчат цепочки на руках. Пока людей мало, можно позволить себе пару минут расслабиться. Просто поболтаться в такт музыки. Представив, что я желе...

И что за мысли в голове? Ах да, я ж стопочку дернул. А для непьющего это немало. Особенно если учесть, что я текилу пил, в которой больше сорока градусов. Скоро четверть века стукнет, а я пить так и не научился. Да и не пытался, собственно...

...

— Жень, — тянет меня жена в помещение.

— Что случилось?

— Я отпросила нас пораньше. Так что сейчас выход буду делать. Иди, объявляй. Стоп... Ты что, пил? — приподнимает бровь, глянув в мои чуть поплывшие глаза.

— Я всего стопочку, — улыбаюсь, прикрыв один глаз.

— Иди, — вздыхает и выпихивает меня.

Иду... Оу, а зал-то полный. Нацепив маску — я весь такой распиздяй-ведущий — подхожу к краю сцены, покашляв в микрофон и вызвав тем самым у многих смех. Хотел сразу ляпнуть что-нибудь не в тему. Повеселить народ. Такого просто не было еще ни разу. Все привыкли ко мне вежливому и серьезному. А тут балда балдой. Ну и денек...

— Добрый вечер, дорогие, — мурлычу в микрофон. — С вами Я. Кто? Для тех, кто тут впервые, представляюсь. Я — Малюжич Женья, — картинно кланяюсь, расплывшись в улыбке. А дальше все как всегда. Сейчас выйдет моя жена. Бла-бла-бла. Пританцовывая, подхожу. Целую ее, чуть дольше, чем нужно, и спускаюсь со сцены.

Музыка все еще довольно тихая, потому я без труда услышал голос рядом с собой...

Поднимаю глаза...

Застываю, как статуя, на месте, не веря в то, что это не бред сошедшего с ума мозга. Рома...

Это не может быть правдой. Рома...

Похудевший. Потерянный. Мой Рома... О, бог ты мой...

Я в шоке. Нет, я обижен, растерян. Рад... Удивлен. Озадачен.

— Рома... — произносят мои непослушные губы. Хочу обнять. Уткнуться в его плечо. Дышать им. Целовать. Прижимать к себе. Хочу орать от обиды. Расспросить, как он? Что он? С кем он? Но молчу. Молчу, не в силах вообще хоть звук издать. Смотрю, высматриваю, вспоминаю, запоминаю.

Притяжение такое сильное, что воздух буквально трещит вокруг нас. И весь мир подождет...

Накал такой невыносимый, что кончики пальцев покалывает. Алкоголь и он — это очень жгучая смесь. Мозг давно отключился. Но все очарование портит брюнет, с которым мне не посчастливилось познакомиться месяц назад. И что он тут забыл?

Фраза, сказанная Сергеем, сжимает стальным обручем сердце. Орешек? Он что, с ним?.. Нет-нет-нет. Хотя, чем лучше я? Я ведь женился. Бля...

Ревность хуже кислоты начинает плавить мои внутренности. Жгучая. Неконтролируемая. Отчаяние плещется следом. Ярость заставляет сжать руки в кулаки. Мой...

Господи, прошу, пусть это будет показуха. Проверка. Понт. Что угодно, но только не правда. Умоляю... Знать то, что он с другим мужчиной, сведет меня с ума пуще прежнего. Он мой...

Но он того отправляет, лишь сказав спасибо. Друг? Кто он ему? И за что спасибо?

Столько вопросов. А ответов нет. Пока что нет...

Выйти с ним? Да хоть на край света...

Протянутая рука передо мной. Теплая. Желанная. Чуть помешкав, переплетаю наши пальцы, едва не задохнувшись от нахлынувших ощущений. С ним всегда так. Все такое простое и обыденное становится особенным. С ним все меняется.

Веду его в подсобное помещение, что рядом с нашей гримеркой. Туда редко заходят, там даже мой мольберт стоит. Иногда я уединялся тут порисовать.

Усаживаю на диван, крепко держа прохладную ладонь в своей.

Глаза в глаза... Немой диалог. Мне кажется, я даже слышу биение его сердца, а мое подстраивается под его...

Рома... Взгляд, полный грусти. Боли. Он открыт. Он неподделен. Настоящий. Уязвимый.

Со мной. Передо мной... Мой кофейный мальчик. Как же люблю я твои губы. Твои глаза.

Их надменность и холод. Пронзительность и страсть. Я люблю каждую черту в этом идеальном лице. Каждую мелкую морщинку. Искусанные губы. Пересохшие. Обветренные.

Люблю прохладные ладони. Цепкие пальцы. Сильные руки, что прижимали меня к нему.

Люблю запах его парфюма, что заполнил мои легкие, заставляя дышать чаще. Я люблю в нем все... от и до. И плюсы, и минусы. И его присутствие и отсутствие. Рома... Ром... Роман...

Любовь алой волной по телу разливается. Нежность заполняет. Не хочу двигаться.

Не хочу отпускать его ладонь. Не хочу говорить. Ничего не хочу. Только я и он.

Вот так сидеть и смотреть в его глаза, переплетая наши пальцы.

Но вопросы душат. Вопросы терзают. Я должен все узнать. Услышать. Мы слишком много молчали тогда. Может, это и помешало нам? Может, если бы мы открылись тогда друг другу, то наслаждались бы, вместо долгих страданий все эти годы?

— Привет, — улыбаюсь ему искренне. Не только губами. Мои глаза искрят эмоциями. Для него...

— Привет, — тихо. Хрипло. — Я нашел тебя... — шепот и его крепкие руки. Ощущение его тела, прижатого ко мне, невыносимо прекрасно. Тепло. Хорошо. Спокойно. Он рядом... Стягивает мою кепку, а я не могу сдержать смешок. Тонкие длинные пальцы в моих волосах. Так нежно гладят. Бережно. Его дыхание на моей шее роем мурашек. Дрожью. А в крови желание плещется. Тягучее. Голодное.

Как же тосковал я по нему. Так сильно, что выть порой охота была. А теперь он здесь. И его руки обнимают.

— Люблю тебя, — прикрыв глаза.

— Люблю... — тянусь к губам и накрываю их легким касанием.

— Люблю... — шепотом после каждого краткого поцелуя.

— Люблю... — я не перестану ему это повторять. И мне плевать на все и всех. Плевать на весь мир. Я слишком долго скучал по его вкусу.

— Люблю... — как мантра. Шепот громче, чем крик...

Его губы такие мягкие. Горькие от сигарет. Прохладные. Облизываю. Смакую. Вспоминаю.

— Прости, — горячим дыханием по моим губам. — Прости, что не остановил. Прости, что отпустил. Прости, что не пришел, — усаживает на свои колени. Сжимает в объятиях так сильно, что кости трещат. Плевать...

Его «прости» громче признаний.

Его «прости» важнее слов любви.

Его «прости»... так искренне. Так нежно. Топит лед вокруг сердца моего, согревая меня изнутри.

— Я думал, что после найду, что гребанный контракт закончится, и я приду к тебе. Все расскажу. Объясню. Я тысячи раз за эти месяцы перематывал твой уход в мыслях. Женя... — поцелуй горячий, отчаянный. Столько эмоций, что накрывает с головой. Он не был так разговорчив никогда. А я молчу. Слушаю. Понимаю. Прощаю. Принимаю. Пусть говорит. Пусть... Ему станет легче. Мне станет легче. — Женя, если бы мог я отмотать время обратно, я бы не отпустил тебя, клянусь.

Глаза щиплет от слез, но я не заплачу... Нет... это будет бесчестно по отношению к нему. Он сильный, а слезы — слабость. Это жалость. Она обижает. Унижает.

Моя куртка к чертям летит с дивана. Как и его пальто. Теперь он еще ближе...

— Я был связан по рукам и ногам. Я боялся того, что чувствую, но без тебя хуже, чем без наркотика, невыносимо.

Опять поцелуй, яростный. Собственнический. До боли.

— Я искал тебя каждый день прошедших месяцев. Каждый божий день. Я ездил кругами по

мостовой. Я был во всех кварталах центра.

Зажмуриваюсь. Утыкаюсь в его шею, пытаюсь держать все в себе. Не сейчас. Быть может, потом, но не сейчас. Я должен все услышать.

— И если бы не Сергей, который позвал сегодня меня, я не уверен, что смог бы найти. Из-за него, ублюдка, я тогда не остановил тебя, из-за него же и нашел. Я обязан ему жизнью. Я обязан ему вторым шансом с тобой.

— Ш-ш... — прикладываю палец к его губам. Глажу по заострившимся чертам лица. Он что, голодал? Он так изнеможен. Синяки под глазами. Уставший.

Изнуренный, словно из него высосали все соки. Но глаза... глаза живые.

Светящиеся. Счастливые. И я так не хочу делать ему больно. Но правда-правда всегда важнее сладкой лжи. И я обязан... Обязан сам ему все рассказать. Быть честным полностью. А после мы все вместе решим, как двигаться дальше. Но одно я знаю точно, что без него больше не смогу и дня. Не вынесу...

— Я женат, Ром, — говорю, глядя ему в глаза.

===== Глава 26. =====

POV Рома

Пшеничные пряди скользят по моим пальцам. Неровное дыхание и гулко стучащее сердце. Женя... Неужели он рядом? И это не сон? Это не глупая фантазия?

Вдохнуть полной грудью его в себя. Чтобы поверить, что все это реально.

Впитать тепло и запах. Телом, душой. Мой... Как мог я отпустить его? Как?

Люблю... врезается в мысли. Сердце замирает под ребрами, как в ловушке, боясь своим стуком разрушить момент. Молчаливое. Ждущее «повтори»...

Люблю... теплые губы, кисло-горькие, нежно касаются.

Люблю... сердце, как безумное, ускоряется, а я схожу с ума.

Люблю... кровавые слезы омывают душу. Орошают. Питают.

Люблю... проваливаюсь в бездну ощущения его губ на своих. Его вкус с примесью табака и лайма, густой, на кончике языка перекачивается. Мой...

Меня прорывает, и слова начинают литься непрерывным потоком. Безумные поцелуи на грани фантастики. Эмоции с дичайшим накалом. Прижать к себе. Еще сильнее. Держать. Крепко. И продолжать говорить... говорить... говорить...

Я тогда промолчал — и потерял его. Промолчал — и он ушел. Промолчал — и все рухнуло. Не допущу повтора. Не допущу потери. Не допущу...

Боже, прости... Прости меня, мой колосок. Моя боль. Любовь. Страсть. Мой смысл. Мое золото. Мечта. Желание.

Прости... прости... прости... Слова из самого сердца, из глубины души изливаются потоком. Я перед ним как на ладони. Я отдаю себя. Всего.... Бери. К чертям гребанную одежду. Она только мешает. Пройтись руками по его плечам. Гладить. Ласкать. Мой...

Сон как рукой сняло. Организм замер. Испуганный. Восторженный, но уставший. Его тонкие пальцы, мои любимые пальцы скользят по щеке. Он словно вспоминает меня касаниями. Нежными. Порхающими. Безумно приятно...

Бездонное море его глаз напротив. Так красноречиво. Столько эмоций. Утопаю...

Исцеловать бы каждую костяшку. Обласкать каждый пальчик. И тонкое запястье. Его руки... они прекрасны. Его ключицы невероятны. Его лицо. Припухшие губы. Облизать. Целовать до обморока. Пока не начнем задыхаться.

Он смотрит виновато. Словно извиняется за то, что скажет заранее. Предчувствие холодком сочится по венам. Смотрю не мигая на него. Жду...

Женат... Он женат... Порванной струной по горлу. Дыхание сковало. Смотрю в его глаза и чувствую, что погибаю. Это ведь не конец? Скажи... прошу... Пожалуйста...

— Жень, ты здесь? — звонкий девичий голос и звук открывающейся двери. Как удар грома чистым летним днем. Неожиданно. Пугающе. Оглушающе.

Вздрагиваю, но не двигаюсь... так и смотрю в его лицо. Молча... Я просто не знаю, что сказать. Но руки сами собой расслабляются. Захват слабеет. Я беспомощен... все в ЕГО руках. И лишь его.

— Ром... все хорошо, она все знает, — мягко произносит мой художник и слезает с меня. Его легкая улыбка, лишь краешком губ. Но от сердца.

В этот момент входит рыжеволосая, довольно красивая девушка.

— Здравствуй, Рома, — произносит она удивленно, но в ее глазах плещется осознание. Узнавание.

Я вижу в них отражение своих же чувств. Она боится потерять его. Она его любит, пусть и не настолько сильно, как я. И мы вообще не соперники, по сути, мы слишком разные и оба зависим от одного человека. Что бы ни сделали мы оба, решение за Женей. А меня буквально ослепляет кольцо на ее пальце. Оно, как маяк, притягивает мой взгляд.

Чувствую себя паршиво. Просто отвратительно... Но я не уйду. Не смогу. Не хочу.

— Это Алиса — моя жена, — представляет нас Женя. Жена... Звучит гордо. Зависть противно звенит в голове. Душит, как скользкая жаба.

Через силу улыбаюсь ей и киваю. Ну нет у меня слов... проще молчать. Маску натянуть я могу и раньше так бы и сделал, но отчего-то желания нет.

— Я просто такси нам вызвать хотела, но у меня телефон сел, — на меня уже ноль внимания. Хорошо это аль плохо, я без понятия.

— Я на машине, — вклиниваюсь, обращая их взгляды на себя. — Могу подвезти вас. Я все равно уже домой поеду...

— Ты как? — вопрос не ко мне, к ней.

— Согласна, — пожимает плечами и выходит.

А дальше сборы. Молчаливая дорога. Оказывается, я мимо его дома сотни раз проходил. Но так и не встретил... Судьба, сука.

Мотор тихо урчит, дверь с ее стороны уже захлопнулась, и цокают каблучки к подъезду.

— Останешься? — ребром ладони по моей щеке. Его глаза просят. Ждут.

— Я не помешаю?

— Ты измотан и явно не спал несколько суток. Я буду переживать...

— Ладно, — сдаюсь слишком быстро. Но спать и вправду адски хочу. Все тело, как вата.

Победная улыбка озарила его лицо. Вылезаем из машины, и наши пальцы теперь переплетены. Кто первый подал руку, я и не заметил...

Первый лестничный пролет — и его нежные губы согревают мои, прохладные, дыханием.

А после — пара ступеней вверх, с полуприкрытыми глазами. И снова поцелуй с каплей пробудившейся страсти. Касания языков, будоражащие. Горячие. Сводящие с ума.

Крохотными шагами до четвертого пролета, не отлепляясь друг от друга, благо стены крашенные, иначе мы бы были все в побелке. Учащенное дыхание. Кровь закипает. Тело наэлектризовано. Голодное. Требующее.

Еще один этаж позади и плевать, что мы уже около часа поднимаемся. Что губы пульсируют от поцелуев. Жадных. Ненасытных. Его руки у меня под майкой. Пощипывают и царапают. Мои же в его волосах, на плечах. Сжимаю его, притягивая еще ближе. Мой... Заклеймить и пометить. Мой... Пропитать собой.

Пятый пролет... Его рука на моей ширинке, а из горла хриплый стон. Синие глаза сверкают напротив моих. Искрят желанием. Мне абсолютно похуй на то, что мы в подъезде. Что кто-то увидит. Помешает. Есть я и он, остальное не важно. Ничто сейчас не важно, кроме его рук, медленно убивающих. Удовольствием... Пытающих. Дразнящих.

Тянет за собой, и мы на шестом пролете. Впиваюсь в его губы, чувствуя кровь. Чья? А это важно? Все же поранились. Нетерпеливые. Дикие. Оторвавшись от него, хватаю ртом воздух. А он языком по венке на моей шее.

Надавливает. Зубами царапает и стонет. Выгибаюсь ему навстречу, проникаю под майку, вниз по спине ладонями к упругим ягодицам. Чертовы джинсы мешают насладиться его телом. Блять...

Еще один пролет... и его квартира...

Еще один пролет... и конец сказки...

Еще один пролет... и одинокое тело начнет изнывать, прося обратно его ласку...

Поднимались ли вы хоть раз на седьмой этаж полтора часа? А я бы повторил...

...

Квартира, видно сразу, уютная и обжитая. Не новая. Не супермодная, однако комфортная.

— Я постелила тебе в зале, на диване. Просто во второй комнате нет кровати... там студия Женькина, — девушке явно неуютно. Она опускает глаза, тербит пуговицы на рубашке и нервно поправляет волосы. Я прекрасно ее понимаю. Ведь я, как паразит, проник в их среду обитания. Мешаю ей...

— Спасибо, — через ком в горле выдавливаю. Получаю в ответ ободряющую улыбку, словно не я виноват, а она. Странное ощущение.

...

Темно. Тихо.

Я ведь спать хотел, отчего же кручусь на удобном диване, как уж на сковородке?

Глаза скользят по стене. Бездумно. Отрешенно. Руки сжимают одеяло в кулаках.

Тоскливо. Выть охота прямо в подушку. Хочу к нему...

Тело ноет, помня дорогу до квартиры... Так и подмывает встать и пойти найти его в квартире. Затянуть к себе в объятия и, уткнувшись в пшеничную копну волос, тихо дышать им. Но я не могу себе этого позволить... Я всего лишь гость в его семейном гнезде.

А организм, наконец, решил отключиться. Переутомление и передоз эмоций вырубili меня. Сон... долгожданный... здравствуй...

===== Глава 27. =====

POV

Женя

От разговора не уйти, от объяснений — тем более. И плевать, что она все знала с самого начала, боль от этого не меньшая....

Чувствую себя палачом. Бесчестным. Эгоистичным уродом. Мнусь на пороге перед дверью. Нервничаю... Внутри копошится чувство вины, а руки слегка потеют. Вот он я, пришел поговорить. Но с чего же начать?

— Алис, — зайдя в нашу комнату, привлекаю к себе внимание. Она стоит у шкафа, дрожащими пальцами расстегивая пуговицы рубашки.

— А... ты здесь, — вздрагивает, повернувшись. Значит, о чем-то думала... У нее так всегда: если что-то задумала, то выпадает из реальности. А эмоции на лице написаны, словно на лбу красными буквами. Простая. Добрая. Отзывчивая. Не хочу обижать ее...

— Здесь, — киваю. Подхожу к ней вплотную и обнимаю, прижав к себе хрупкую фигуру.

— Нам нужно поговорить, — поглаживаю ее по спинке. Успокаивающе. Заботливо. Она ведь не виновата... Смотреть ей в глаза невыносимо. Острыми когтями кошки скребут внутри... Я виноват. Так виноват. Все испортил...

— Ты пахнешь им... — тихий голос. С болезненными нотками. Она утыкается мне в шею, обнимая в ответ. Ох, солнышко, я знаю, что пахну им. Пропитан уже весь, до самой глубины души. И, боюсь, всегда так было, но запах незаметен был ей... Зато заметен мне.

— Знаю, — нет смысла скрывать. Нет смысла отрицать.

— Ты целовал его? — проводит по моим припухшим алым губам острым ноготком темно-синего цвета.

Целовал. Я терзал его губы беспощадно. Я их ласкал. Лизал. Покусывал. И продолжил бы с удовольствием... Но...

Ответ настолько очевиден, что я просто молчу. Просто смотрю в яркую зелень ее глаз. Откровенно, как и всегда. Между нами не было никогда недосказанности, секретов, утайки информации. Только правда в чистейшем виде. Даже болезненная... И я начинаю жалеть уже, что связал с ней жизнь браком, и нет, не потому, что мне было плохо, просто я не предусмотрел такого развития событий. А отказать Роме — это как часть себя отрезать или убить. Не смогу... И я чувствую себя скотиной, ведь мучаю двух людей одновременно. Ее, знающую о моей любви не к ней. И его, спящего в соседней комнате, знающего, что я сейчас со своей женой.

Где выход? Что сказать? Как поступить?

Кто же подскажет, что мне делать дальше? Ведь я не знаю...

POV Алиса

Настенные часы противно тикают, нервируя меня еще сильнее. Пытаюсь ровно постелить простынь на диван, но непослушные руки дрожат. Я ведь не потеряла его, правда? Непрошенные слезы норовят побежать прозрачными солеными дорожками по напудренным щекам. Женя...

Я люблю его, но это скорее родственное чувство, чем что-то пылкое и страстное. Я от него не без ума, но мне было так комфортно существовать с ним бок о бок. Знать, что моя постель согрета и твердая мужская спина закроет от невзгод. Я не задумывалась никогда толком о том, что может прийти его кофейный мальчик и отобрать его. Вот так просто, в один прекрасный день появиться и вдохнуть жизнь в Женьку, зажечь его глаза. Растопить болящее тоскливое сердце.

В голове полнейший сумбур. Эмоции противоречивы. Мысли скомканы. И самое странное, что мне... не больно?! Я как будто знала. Чувствовала... Я подсознательно ждала этого момента. И, что скрывать, это снилось мне не раз и даже не два.

Щелчок входной двери возвращает меня в реальность. Они поднимались от машины почти два часа. И очевидно, что между ними что-то произошло. Что же было? Секс? Объятия? Разговор? А что мне даст это знание? Ровным счетом ничего. Тело может принадлежать даже нескольким, а вот душа... лишь для одного, как и сердце. И я давно знаю, кому принадлежит нутро Жени. Давно... Но я надеялась, что Рома исчез из его жизни, оставшись призраком на его картинах.

Мне страшно смотреть в карие очи, до одури страшно. Но интерес заставляет меня перебороть страх.

Поднимаю глаза, встречаясь с ним взглядом. «Что же в тебе такого?» — терзающая мысль пробегает в пульсирующем измученном мозгу. Красив, безусловно. Высокий. Стильный. Фигуристый. Но от него аура опасная исходит... Он хищный, загадочный, а в данный момент такой же растерянный, как и я. Что же в тебе такого, что? Где тот крючок, что так умело подцепил Женю?

Понимаю, что диалога явно не будет, хотя сказать именно ему я хочу многое. Но боюсь, что состояние у нас обоих не то. Да и шок еще не прошел окончательно. Потому, коротко показав ему место, где он будет спать, стыдливо ретируюсь в свою комнату. Мне неудобно в собственном доме. Это странно? Еще как...

Мне срочно необходимо раздеться и немедленно лечь в кровать. Уснуть и сделать вид, что все это дурной сон. Обыкновенный кошмар, а поутру я снова проснусь от запаха сигарет и теплых рук. Все встанет на свои места.

...

Чужой мужской запах на его шее. Горький. Терпкий.

Опухшие, покрасневшие губы... Искусанные. Истерзанные. Он целовал его. Он обнимал его. Ласкал.

Осознаю. Перевариваю. Даже представляю... А ревности нет?! Как? Почему?

Беспокойство? Да. Расстройство? Да. Ревность? Нет...

Ничего не понимаю...

Отпускаю его из объятий, стаскиваю одежду и ныряю под одеяло. Мне нужно уснуть, а поутру все разрешится само. Каким бы ни был исход, изменений не избежать. Каким бы ни был исход, Женя должен узнать о том, что станет отцом... Должен, но язык, онемев, прилип к небу. Не могу обрушить эту новость на него в данный момент. Это будет беспощадно и жалко. Удерживать его из-за того, что внутри меня дитя, бесчеловечно. Неправильно.

Кровать прогибается под его весом, и я уже в кольце его рук. Так привычно, тепло и спокойно. Он со мной... телом. А сердце его вместе с душой рвутся в соседнюю комнату. Это чувствуется.

Его замешательство, неуверенность и нужда, как ядовитый газ, становятся удушливы. И это стало причинять боль. Я мучаю его, удерживая от того, кого он любит. Любит всепоглощающе. Крышесносно. Так любят лишь однажды и навсегда. Так любят лишь единицы. По-настоящему. Сквозь тернии и страдания.

Я же, чертова эгоистка, приклеила его к себе... из-за гребанного штампа. И сейчас на правах жены держу... Бессовестно. Мешаю столь сильному чувству развиваться. Мешаю счастью двух измученных тоской людей. Я ведь видела, как тускнели его глаза от взгляда на портреты. Видела дикую боль в них и грусть, когда он начинал сдаваться. Я выслушивала. Ободряла. Но до конца не осознавала всей глубины его помешательства, пока не увидела виновника.

Но почему же мне кажется, что толкнуть его в чужие объятия так... неправильно? Так грязно, словно я избавиться от него желаю, а это не так. А внутри меня растет его частичка. О которой он не знает...

Господи, я так запуталась. Я потерялась в собственной голове, которая отчаянно пытается

найти выход из этой неловкой ситуации. Шестеренки отчаянно шевелятся. А выхода до сих пор не видно...

Он не пойдет к нему сам, слишком порядочен. В нем нет сволочности и эгоизма, чтобы так просто поставить свои интересы на первое место. Думай, Лиса... думай. Я должна помочь ему обрести счастье. Ведь он привык жить для других, а о нем никто не подумает... никто. Или же я...

— Иди к нему, — шепчу онемевшими губами. Даже если я совершаю ошибку, то эта ошибка подарит хоть одному из нас счастье. И лучше пусть его улыбка будет не для меня, зато она будет полной жизни, полная любви.

— Алис... — его голос звучит виновато. А мне рыдать охота. Не за себя, за него. Тяжелый выбор ему предстоит, а значит, пока он не определится, я про ребенка ни слова. Это будет выглядеть мерзко и отчаянно, словно я удержать его пытаюсь. Оторвать. Присвоить.

— Иди, Жень, иди, пока я не передумала, — быстро отвечаю; гулко бьется сердце. Дура. Я по определению дура. Плевать. Его счастье в моих хрупких руках.

— Лис, это будет слишком, правда.

— Ты этого хочешь, я чувствую... Боже, просто иди, ты не видел его почти два года... Иди, я умоляю тебя, иди, иначе будешь жалеть об этом после... — долбанная добродетель. Обо мне подумает кто? Кто подумает о малыше? Но насильно мил не будешь — простая истина, потому нужно отпустить и чем быстрее, тем безболезненнее будет разрыв. Как же меня раздрает сейчас на две части, будто ангел и демон сидят по обе стороны моей головы и шепчут мне «ЗА» и «ПРОТИВ».

— Я не могу оставить тебя, — он разрывается между нами. Как же ему сложно... О, сладкий, я бы помогла... но ты теперь не мой, уже не мой. Всегда был не мой...

— Можешь и оставишь. Иди, Женя, иначе я вытолкаю тебя из комнаты насильно, — практически рычу, чувствуя, как из глаз прыснули слезы. Иди... иди... иди... Скандирую про себя, давась нахлынувшими эмоциями. Иди... Все верные решения принимаются на удивление сложно и болюче. Иди...

— Спасибо, — легкий поцелуй в запястье. Теплый. Нежный. Заботливый.

Он ушел, и моя постель опустела...

Но я ведь сама подтолкнула. Отпустила. Прогнала... Теперь давись, дура, слезами, пока за стеной расцветает чужая любовь. Зато настоящая...

POV Женя

Бесшумно крадусь к его дивану. Мягко опускаюсь с ним рядом, скинув одежду. Он не любит резинок в моих волосах, проклятых маек и пряжки ремней. Но лечь в нижнем белье — свинство по отношению к Алисе... и я не могу себе этого позволить, иначе совесть-матушка погубит наутро. Ложусь вплотную. Нежно провожу рукой по его плечу. Вдыхаю его запах у волос на затылке.

Впервые за все разы, что мы спали с ним вместе, его обнимаю я... Впервые он в моих руках.

— М-м, — сквозь сон. Хрипло. Довольно. И его спина упирается в мою грудь. Он буквально вжимается в меня весь. Такой холодный. Ранимый. Мой...

— Спишь? — спрашиваю на ушко. Целую, едва касаясь открытой шеи. Глажу его грудь. Дышу им. Хорошо... Как же мне, черт его дерит, хорошо.

— Сплю.

Неожиданный рывок заставляет меня охнуть, а в следующий момент я под ним, вжат в поверхность дивана. Черные озверевшие глаза напротив. В них и капли сна нет. Только желание. Животное. Жгучее. И меня оно пронизывает. Дрожью проходится по телу возбуждение. И это лишь от взгляда. Матерь божья... Как же он великолепен в лунном свете. Невообразимо прекрасен... Живописен. Так красив, что дух захватило. Я замер, чувствуя, что пропадаю в нем. Теряюсь.

Кончиками пальцев по моей щеке, так нежно, так бережно. А глаза теплые, любящие. Рома...

Вниз по шее, ключицам... к соскам. Ласково. Будоражаще. Рома...

По ребрам, вокруг пупка и снова вверх. Дразняще. Возбуждающе. Рома...

— Я скучал, — дыхание на моей шее. Лишь потоки воздуха, не более. Но как же заводит, буквально с пол-оборота. Волной мурашек, ознобом отзывается. Хочу его...

— Я сходил с ума без тебя, — кончиком носа за ухом. Дыши мной...

— И теперь я так просто не отдам тебя, — шепот, полный первобытной страсти. Люби меня...

Губами по плечу, вниз к локтю, скользя по кисти.

Исцелована каждая костяшка, обласкана. Так сладко. Так чувственно. Так воспламеняюще.

Горячий влажный язык скользит по длинным пальцам. Томно. А внутри сгустком пульсирует желание. Низ живота уже стягивает от нужды, требовательно, настойчиво прося продолжения.

— За мной должок... — его голос мягкой волной по телу, словно лаской. Расстегнута молния, и джинсы летят в сторону. Я знаю, к чему он ведет. Догадываюсь.

— Ром, — и не понять, то ли я молю о большем, то ли пытаюсь остановить.

— Молчи... — когда-то я также сказал ему. Должок... О, бог ты мой...

Горячее дыхание по влажной головке. М-м... Дрожь...

Кончиком языка по уздечке, а ладонь, сжимая, вдоль ствола скользит, сводя с ума. Еще...

Мои пальцы запутались в его волосах. А зубы впиваются в губу, не давая звукам вылетать изо рта, даваясь собственными вздохами, что раздирают грудь. Его рот на моем члене. Нежный. Трепетный. Дарящий неземное наслаждение.

Подаюсь навстречу его ласке бедрами. Неосознанно. Порывисто. Головкой по его небу. Бля-я-я...

Сдавленно мычу от ощущений. Восторг плещется в крови. Короткие ногти впиваются в кожу

роминой головы. Еще... Глубже. Резче. Черт... Из губы выступила капля крови, и это уже не спасает. Прикусываю кулак. С ума сойти можно.

Только не останавливайся, иначе, богом клянусь, я умру.

— Дай почувствовать твой вкус, — как пуля в лоб прилетает из его уст.

Тело же отзывается. Как по щелчку, по мне от макушки до пяток проходит крупная дрожь. Спазмом. Судорогой. И меня выворачивает, скручивает пружиной и взрывает. Хлестко. Сильно. До темных мелькающих пятен перед глазами. Выгибаюсь дугой и кончаю ослепительной вспышкой наслаждения, что прокатилась бульдозером по телу.

Невероятно... Потрясающе. Великолепно! Незабываемо. Волшебнo...

Не давая опомниться, его губы накрывают мои. И теперь поцелуй мягок. Медлителен. А я благодарно отвечаю, вливая в него все, что накопело. Все, что накопилось за время разлуки. И горечь, и боль, и щемящую любовь, что разрывает нутро.

Мой вкус на его губах приятен. И грудь наполняется теплом. Он наполняет меня теплом. Саднящее беспокойное чувство внутри меня утихает потихоньку.

— Люблю тебя, — мне в губы шепотом. Горячим. Отчаянным. И я люблю... Его глаза напротив темные. Искренние. Два глубоких аврала эмоций. Омуты... Нос к носу. Одно дыхание на двоих. Сердца, громко стучащие, готовые, проломив ребра, сплестись воедино. И его рука, сжимающая мою ладонь. Требовательная. Нуждающаяся.

Если это все же не сон, тогда это рай, мой персональный, земной... Последние мысли перед тем, как я сладко уснул, согретый его телом.

===== Глава 28. =====

POV Рома

Курить хочу до одури, но в моих руках спит Женя, и я не смею даже двигаться, чтобы не разбудить его. Сегодняшняя ночь настолько потрясающая, что кажется нереальной. Я вообще до конца не осознаю, что он теперь рядом. И, более того, мы ближе, чем я мог мечтать. И его вкус на моих губах...

Ох, Женя... Какие же долгие были эти месяцы разлуки! Болезненные. Потерянные. А кто виновен? Я... Кретин тупоголовый. Прижимаю его к себе, спящего. Целую в прикрытые веки, едва касаясь губами. Не буду спать, боюсь, что когда проснусь, это закончится. Когда открою глаза, пойму, что реальность не может быть так добра ко мне. Кончиками пальцев вожу вдоль его позвоночника, наслаждаюсь близостью. Отодвигаю мысли о его жене подальше. Ибо мысль о том, что он может кому-то другому принадлежать, травмирует меня до глубины души. Мне становится дурно...

Он мой! И только мой...

...

— Рома, — толчок в плечо. Блять, ну что за привычка у всех будить меня тогда, когда я крепко и так сладко засыпаю?

— Рома, — голос резче и точно не Женин...

Расклеиваю непослушные веки, фокусирую взгляд, точнее, пытаюсь... А предо мной, как оказалось, стоит как минимум фурия. Рыжая копна волос ореолом вокруг лица, два горящих зеленых глаза, ей бы клыки да дым из ушей — был бы полный набор тогда.

— Уже больше четверти века как Рома, — сажусь, кряхтя. Тело ломит. Спать хочу безбожно.

— Женя в магазин пошел.

— Ага... — зеваю и встряхиваюсь. Ну, пошел... а я тут причем?

— И нам надо поговорить.

— Угу... — глаза сами собой закрываются, а туловище склоняется обратно в мягкую теплую постель.

— РОМА! — Я аж подскочил. И как он умудрился на такой-то бабе жениться?

— Да слышу я, не ори, — кривлюсь, натягивая майку.

— Если ты его обидишь, я тебя...

— Уже угрозы пошли. Дальше что? — приподнимаю бровь. Глаза бы промыть... А то как слепой кот.

— Ты не видел, как было больно ему. Не видел, как страдал он, рисуя твоё гребанное личико, — а она еще и шипеть умеет. Занятно, да? Но ее слова задели меня. То, что Жене было больно, отозвалось у меня внутри. Сердце виновато сжалось...

— Не видел... Но и мне тоже было несладко, я больше года искал его.

— Ты, сукин сын, использовал его! Ты его шантажировал! А потом практически выставил за дверь!

— Женщина, сбавь тон, утро ведь, а ты как сирена развопилась, — тру переносицу. Ненавижу вопли, мне сестрицы хватило...

— Я тебе сейчас устрою сирену, — прищуривается бестия. Я не думал, что у моего художника столь паскудный вкус по отношению к женщинам.

— Алиса, или как там тебя. Мы же цивилизованные люди, зачем голосовые связки напрягать-то так? Я тоже могу быть достаточно громким, но смысл слов от громкости вряд ли изменится, — спокойно произношу, сощутив глаза.

— Я тебя предупреждаю. Если ты, сволочь, бросишь его, я найду тебя и порву.

— Силенок-то хватит? — вскидываю бровь. Ее угроза так веселит. Сколько же раз я такое слышал?

— Хватит! — рывкнула она, да ойкнув, на пол осела. А я весь пыл растерял вмиг.

— Эй, с тобой все в порядке? — помогаю встать, а она бледная, как полотно. Странное дело...

— В порядке, я просто... просто...

— Что ты просто?

— Ничего.

— Ты выглядишь бледно-зеленой и нездоровой, если уж честно.

— Беременной... — поправляет меня она приглушенно и шепотом. А громче, чем крик. Оглушающе, словно вопль.

Ребенок. У нее Женькин ребенок... Состояние, как будто мне булыжником по голове огрели, а после этого придавили бетонной плитой. Тяжело. Безвылазно. Безнадежно. Я настолько шокирован, что и двигаться не способен. Сижу, смотрю на свои руки, не моргая. Вот он, конец...

— Ты чего застыл?

— Он знает? — поворачиваю голову в ее сторону.

— Нет, и я не уверена, что сейчас подходящий момент ему это говорить.

— Странно, я думал, ты к нему поскачешь радовать такой новостью. А после — его в упряжку, а меня под жопу из дому. Он твой, Алиса, теперь точно твой... Я, конечно, сволочь, но не разлучник, у ребенка отца забирать не стану.

— Он тебя любит.

— Когда стоит вопрос ребром: ребенок или любовь, я думаю, ты не глупая и знаешь, что, а точнее, кого он выберет. Ты вообще как? Может, к врачу отвезти?

— А кто тебе сказал, что я его перед выбором поставлю? Ты вообще слушать умеешь? И я в полном порядке! — опять закипает она.

— Да ты чего опять пыхтишь, тебе-то я что сделал?

— Я его люблю, а он любит тебя, а ты любишь его. Что тут неясного? Я ему счастья желаю. И я устала, чертовски сильно устала от грусти его глаз. Он слишком хороший, чтобы страдать. Слишком светлый, чтобы быть как туча. И все потому, что тебя, козла, любит! По-настоящему! Сильно, мать твою! Ты что думаешь, я не мечтала втайне, чтобы тебе автобус ножки переехал за то, что ты с ним сотворил? О, мечтала, еще как!!! А ты тут появился, обнадежил его и опять в кусты спрячешься?! Да я тебя...

— Да не ори ты, — повысил я голос на нее, не выдержав. Наконец, режим самозащиты был включен. Нет, я все понимаю, но визжащая баба доведет до белого каления любого.

— Я убью тебя. Задушу собственными руками. Расцарапаю смазливую физиономию и выколю глаза!

— Тебя лечить надо, безумная, я и не собираюсь уходить, пока не поговорю с Женей! — рывкнул в ответ. Жалея, правда... она ж как-никак в положении.

— Если попробуешь все испоганить, я тебе голову отгрызу, — кстати говоря, весьма зловеще

прозвучало вместе со щелчком входной двери.

— У вас все хорошо? — подозрительно спрашивает нас вошедший.

— Да, — спокойно и в два голоса отвечаем. Зашибись... Хор, блять. Поворачиваемся друг к другу и неожиданно фыркаем от смеха. Прекрасно... Его жена меня до истерики довела...

— Незаметно, — неуверенно отвечает Женька и идет на кухню.

— Если ты скажешь ему... — шикнула мне на ухо рыжая. — Я тебя ...

— Убьешь, я помню, — оскалился и пошел следом за любимым.

...

Отобедали мы на удивление хорошо. Даже непринужденную беседу вели за столом. Но было заметно, что до комфортного, доверительного, дружеского общения нам еще ох как далеко. Алиса то и дело бросала двусмысленные взгляды в мою сторону. Следила, что-то подмечала. Напрягает это неслабо.

Стою, курю на балконе. Седьмой этаж, высоко. Шикарно... И вид неплохой. Прохладный ветерок тормозит мои волосы, а уголек сигареты стремится вверх к фильтру. Что же будет дальше?

— Ты когда домой собираешься? — обнимает меня сзади Женя, вырывая из раздумий. Какой же невероятный контраст между прохладным воздухом и его горячим телом. Переплетаю наши пальцы. Медленно поглаживая его ладонь большим пальчиком. Позволяю себе откинуть голову на его плечо, прикрыть глаза и выдохнуть дым... Хорошо... Уютно и спокойно. Стоял бы так вечно.

— Прогоняешь? — с насмешкой спрашиваю, затягиваясь снова.

— Нет. Просто если ты завтра поедешь, то я бы с тобой... Как раз на квартиру заскочить надо, — поспешно добавляет концовку. Словно, чтобы оказаться со мной в машине, нужен предлог. Неужели он думает, что я откажу ему? Или исчезну? Потянувшись, берет мою руку, держащую сигарету, и подносит к своему рту, втягивает в себя горький дым. А я под подушечками пальцев чувствую его мягкие теплые губы. Женя...

— А сегодня ты не поехал бы со мной?

— Не могу, работа... — выдыхает мне в шею. Столпом мурашек по коже.

— Жаль... Но мне нужно сегодня быть дома.

...

Всего пара часов без него, а сердце уже медленно умирает от тоски, тело просится к его теплу. Однако, как не печально, улыбка не сходила с моего лица. Ведь теперь я знаю, где искать его. Я знаю, что он помнит, он любит и ждет. Его глаза просили вернуться. Его руки отказывались отпускать. Его губы оставили след на мне, как метку... Провожу пальцами по губам, прикрыв глаза. Я романтичный мудака? А плевать, главное то, что в моей жизни снова появился смысл. И я готов похоронить мечту, лишь бы быть с ним.

Жаль, что я раньше этого не понял... жаль. Я потерял два года счастья. Теперь же все будет

хорошо. Теперь я сделаю все правильно...

===== Глава 29. =====

POV Женя

— А теперь ты мне расскажешь, о чем вы говорили с Ромой, — присаживаюсь я за стол и смотрю на Алису. Ее поведение более чем странное. Она мало того, что практически меня избегает, так плюс ко всему заявила во время обеда, что не хочет больше в клубе работать, по крайней мере танцевать.

— Жень...

— Алис, я вижу, что что-то не так. И понимаю, что именно я тому виной.

— Тш-ш, — затыкает мне рот рукой и садится напротив. — Я все знала с самого начала, с первого дня знакомства: тогда, на автостраде, ты сказал мне все, как есть. Ты был растерянный, уставший и безумно грустный. А я пообещала сама себе, что научу тебя улыбаться. Я привыкла быть красками по жизни, привыкла вносить радость в жизнь людей. Но с тобой не вышло.

— Ты не права, — качаю головой.

— Не перебивай...

— Прости, — беру ее руку и жду, когда она продолжит. Глаза яркие, зеленые, как два чистейших изумруда, были взволнованы. Что же скрываешь ты, Алиса? Почему вечно искрящиеся глаза растеряны?

— Я так рада за тебя. Честно. Мое сердце спокойно теперь, ведь ты улыбаешься, пусть и не мне. И я не знаю, как объяснить это... — она прикрыла глаза на пару минут, но я по-прежнему молчу. Не хочу сбить ее с мысли. Однако пока что слабо понимаю, к чему она ведет. — Я люблю тебя, очень. Но скорее как брата, друга, близкого человека. Мне нравилось спать с тобой, разговаривать, проводить вместе время. И, быть может, если бы не появился Рома, все было так и дальше. Но видеть вашу настоящую крепкую любовь и страсть... Видеть притяжение, что между вами возникает, стоит вам в одной комнате оказаться... — она замаялась на пару секунд. — Даже пытаться препятствовать этому, Жень, просто непозволительно.

Моргаю озадаченно. Вникаю в сказанное ею. Мысли в голове скачут сумбурно. Я друг для нее. И она не собирается препятствовать. Это ведь хорошо? Да?

— И я... беременна, Жень, — прохладной волной по телу от ее слов. — Прежде чем ты начнешь играть в добродетель и кричать, стуча в грудь, что ты не бросишь малыша, и ты будешь со мной и тому подобное, говорю тебе сразу, что я подаю на развод. Не потому, что ты мне не нужен, просто родня не поймет того, что ты с Ромой, но женат на мне.

— А... — открываю рот, чтобы хоть что-то сказать.

— Ребенка будешь видеть, когда пожелаешь и сколько пожелаешь. Я дам ему твою фамилию. Жень... Все хорошо, и я правда очень рада тому, что ты будешь счастлив, а я еще встречу того, кто полюбит меня.

— Алис, я говорил, что ты чудо? — улыбаюсь и, притянув к себе, обнимаю. — Ты к врачу ходила уже? Или вместе ходим?

— Ходила... У меня всего девять недель, но работать я уже не буду. Не хочу рисковать здоровьем малыша.

— Хорошо, деньги не проблема, я обеспечу тебя и ребенка. Мать будет рада внуку.

Только вот как она отреагирует на то, что я развожусь — я не знаю... Так много событий за последние дни. Слишком много... Я все еще свыкаюсь с тем, что теперь Рома будет рядом, теперь я не буду отчаянно одинок. Так еще в придачу отцом стану....

— А Роме ты говорила это, да?

— Говорила. И он хотел уйти, ибо не разлучник и так далее. Я удержала, объяснив ему то, что только что сказала тебе.

— Спасибо, — шепчу, разрываемый эмоциями. — Спасибо тебе за все, девочка, спасибо.

...

Я был жутко рад, что мы с ней откровенно поговорили. И буквально окрылен тем, что скоро увижу Рому. По крайней мере, я очень на это надеялся. Близится поздний вечер, я на работе, а телефон молчит. А в сердце сомнение. А в теле дрожь. Неужели он снова исчезнет? Решит, что я выберу ребенка, когда узнаю? Но ведь и выбор делать не нужно... Они оба будут со мной. Я никого не потеряю.

— Я слышу, как скрипят шестеренки в твоём мозгу, — горячий шепот на ухо. Его запах врывается в мои легкие. А тепло от рук, что прижали к его телу, отзывается приятной волной мурашек по телу.

— Привет, — отвечаю с улыбкой, пытаюсь повернуться, но он не дает. Ведет вперед, подталкивая в спину, но захват не расслабляет.

— Думал, я не приду? Ты теперь так легко от меня не избавишься... — легкий укус в шею.

Вздрагиваю, но не отстраняюсь. Это не больно, это будоражаще... возбуждающе. А я на работе, так-то...

— Я хочу тебя так сильно... — сильные руки скользят по моему животу к ремню. Ловким движением расстегивают, одновременно с этим заталкивая в примерную. Благо там сейчас пусто.

— Дверь закрой на нижний замок, — пересохшими губами лепечу. Сам горю от желания, слишком давно мечтаю о близости с ним. Слишком часто представляю, каково это — ощущать его внутри себя или же проникать в него. Мне правда плевать, где я буду — снизу или сверху, главное с ним...

Щелчок — и дверь теперь заблокирована для ненужных свидетелей весьма развратного зрелища...

Моя кожанка, звеня пряжками, падает на пол. Майка следом за ней, а я вообще вжат в холодную стену.

Контраст между неприветливой поверхностью крашеной стенки и горячим телом Ромы потрясающ.

Кусаю губу нетерпеливо, подставляюсь под его ласки. А его руки беспощадны.

Собственнически сжимают мое тело. Казалось, пытаются проникнуть под кожу, желая ласкать само сердце и душу изнутри. М-м... И плевать, что будут синяки, плевать, что на шее и плечах россыпь засосов, алеющих. Пульсирующих.

Страсть и желание алым пламенем прожигают нутро. Дыхание сбивается, а сердце беспомощно бьется о ребра, тянется к нему. Рома... Хочу его губы, хочу его тело, хочу его руки. ХОЧУ его до безумия. До дрожащих рук и ватных от возбуждения ног. До сковывающей легкой боли внизу живота... Тихий звук открывающейся баночки, вероятно, со смазкой. Нежные пальцы умело проникают в меня, прохладные, скользкие. Еще...

— Не томи, я так долго этого ждал, — срывается с губ. — Не томи, я с ума схожу...

Рука пропала, а на смену ей пришел твердый, горячий и немаленький член. Боль — это такая мелочь по сравнению с этим восторженным ощущением единения.

Толчок... из-под ног земля уходит...

Толчок... кровь в венах закипает, а гул в ушах невыносим. Еще...

Толчок... пальцы дрожащие, непослушные зарываются в его волосы. Легонько тянут.

Толчок... моя голова откинута на его плечо, выгибаюсь, тянусь к нему.

Толчок... моя шея истерзана его губами и зубами, а стоны симфонией срываются с губ. Хрипло. Порывисто.

Толчок... такой медленный и дразнящий, головкой по простате, импульсом по телу.

Толчок... чуть резче, а из глаз, кажется, искры уже сыплются от накала.

Горячо. Невероятно горячо. Как никогда, как ни с кем... Рома... Рома... Рома... Алыми искрами в мозгу. А перед глазами темными пятнами свет теряется. Еще... Тяжелое дыхание мне в ухо. Его хриплый стон, и нежные пальцы кружат вокруг головки, лаская уздечку... Прикусывает мочку уха, вместе с тем резко войдя. А я, не выдержав, кончаю в его руку... Бурно. Вскрикнув.

Опираюсь на него, не в силах сам стоять, чувствуя, как тонкой стружкой густое, тягучее семя стекает по бедру. И было бы противно с кем-то другим, но не с ним. Это ведь часть его.

— Как ты? — повернув к себе, спрашивает. Глаза ошалевшие. Щеки разруганы, а по виску капелька пота стекает. Мой... Тянусь к его губам, которые так желал весь день. Целую медленно и чувственно, вкладывая кусочек души, кусочек себя.

— Я отлично... — улыбаюсь, оторвавшись от него. — Курить? — приподнимаю бровь.

— Курить, — смеется, а в глазах любовь плещется. Теперь его глаза отражают мои. Теперь его глаза — те омуты, в которые, бросившись, жалеть не станешь. Теперь они мои, полностью и бесповоротно мои... я знаю это.

— Я люблю тебя, Женя, безумно люблю.

И я верю ему и радуюсь, что тогда, в тот проклятый день, в ненавистное мне 14 февраля написал на клочке бумаги вселенского масштаба глупость. Написал, не думая, что это так изменит жизнь мою. А сейчас смотрю в его глаза и понимаю, что все же, ребята, что ни делается, делается к лучшему. И знаете, не важно, совершенно не важно — глупо ли это или необдуманно. Безумно или порывисто. Главное, что вот такие мелочи дарят нам невероятное счастье в итоге...

Я люблю его, и теперь лишь это важно. Я люблю его, и он весь мир для меня, мир потрясающих красок и головокружительных эмоций. И если бы я вдруг вернулся случайно в тот самый роковой день февраля, три года назад, я бы поступил так же.

===== Эпилог. ♥ =====

POV Алиса

Сидя в широком кресле-качалке и укутавшись по самые уши в плед, смотрю в окно.

Живу я теперь в квартире напротив, так как Рома с Женей настояли выкупить ее, а точнее, Женька обменял свою квартиру на эту с нехилой доплатой. Ребята уговаривали меня на ремонт, но я наотрез отказалась, и так они немало для меня сделали.

Кто бы подумал, что после того, как мы развелись, мы стали еще ближе? И нет, не физически. Мы стали по-настоящему родными друг другу, и даже более того — Ромка стал моей опорой не меньше бывшего мужа.

Я думала, что они настолько окунутся друг в друга, что перестанут замечать всех и вся вокруг, сосредоточившись лишь на своей безумно сильной, пылкой и страстной любви. Я завидовала им по белому, в душе надеясь, что и мне когда-нибудь так же повезет, и я встречу того самого. Хотя нужен ли он мне?

Когда златовласый узнал, что у него будет дочь, он сиял, как лампочка, и даже нарисовал, какой он ее представляет. Брюнет же, в свою очередь, в один прекрасный вечер завалил мою квартиру кучей детских принадлежностей. Сколько он потратил, я даже спрашивать боялась. Ведь там была и автоматическая люлька, чтобы раскачивать младенца, и модная коляска-трансформер, и кроватка. Куча распашонок, ползунков, пеленок и одеялок. Все настолько качественное, зарубежное и фирменное, что я расплакалась от нахлынувшей благодарности... А когда я сказала Ромке, что теперь обязана ему всем, он ответил:

— Женя тебе дочь подарил, а я могу лишь обеспечить и ей, и тебе надлежащие условия. Ведь это будет и моя дочь. Ты не должна благодарить, ты должна это принять, ведь вы обе этого достойны и заслужили.

Я говорила, что он удивительный? Добрый, заботливый и потрясающий друг? Так вот говорю.

И пусть моя семья отвернулась от меня, когда узнала о разводе и о том, что муж мой теперь живет с женщиной. Они отказались от внука, ведь что может сотворить подобный ему? Ребенок, по их мнению, будет так же нечист, как и отец, потому негоже им мараться об это безобразии. Консерваторы хреновы...

Я потеряла семью, но, знаете, я была этому в какой-то степени даже рада. Ведь я приобрела по-настоящему дорогих и родных мне людей. Они оба, темненький и светленький, музыкант и художник, они заменили мне все и вся. Разукрасили жизнь мою, внесли в нее радость, а главное — подарили маленькую жизнь, что расцвела внутри меня. Спазм в поясничной зоне

и давящее ощущение на нижнюю часть туловища. Бр-р... Опять схватки. Но на этот раз более сильные, неужели, пора?

— Рома! — крикнула я из своей квартиры, зная, что он услышит. Ведь двери настежь были открыты, что у него, что у меня.

— Случилось что-то? — вбежал он ко мне спустя минуту, дожевывая на ходу. И мне было, правда, неловко, ведь он только с работы приехал и, видимо, ел. Но маленькое солнышко, пинаясь, просилось на волю. Настойчиво так...

— Пора, — обняла я живот, чуть скривившись от повторного спазма.

— Твою мать, — побелел Ромка и помчал одеваться в свою квартиру.

POV Рома

Бывало ли у вас, когда измеритель счастья зашкаливает? А у меня подобное происходит с пару месяцев. Алиса стала мне словно сестра. Такая же родная, местами вредная, но в общем обалденная девушка. Женька... Мой нежный мальчик был прекрасен. Столь любвеобильное существо нужно еще поискать, ведь он успевал дарить ее и мне, и своей маме с братиком, и Алиске с малышкой, которая пока еще была внутри его бывшей жены.

Мать Жени приняла меня не сразу, в отличие от его младшего брата. Ваня во мне души не чаял и с порога бросался ко мне, когда я заходил к ним в гости. Но спустя пару месяцев и мама моего любимого приняла меня. Потрясающая женщина. Таких, как она, очень мало, жаль, что она так одинока.

Мои же были в немалом шоке, узнав, что я переезжаю, и плюс ко всему к парню. Мать вообще в обморок упала от новости, а после долго отходила, узнав, к кому конкретно.

— Хорошо, что он художник, а не стриптизер, возможно, я даже подыщу ему хорошую работу, — сделала она спустя время вывод. И они даже немного ладили. Отец мой был не рад, но и препятствий не чинил. Общался с моим избранником сдержанно и довольно холодно, но вежливо. И это, я вам скажу, огромный прорыв, ведь обычно он был категоричен в отношении секс-меньшинств.

Квартиру, подключив парочку влиятельных знакомых, мы смогли обменять, и теперь Алиса жила напротив нас, правда, доплатили мы немалую сумму. Но деньги... просто бумага по сравнению с ощущением полной, великолепной семьи. Меня очень волновало то, что малышка должна скоро появиться на свет. Ведь ребенок Женьки — и мой ребенок тоже. Я чувствовал себя отцом, хоть и не я оплодотворил яйцеклетку. Чувствовал ответственность за мать его ребенка, потому и сидел сейчас, пока мой любимый на работе, рядом с ней.

— Ром, — взволновано позвала меня девушка.

— Что такое, Лиса? — не глядя на нее, спрашиваю, я в данный момент заканчивал со сборкой новомодной кровати.

— Кажется, воды отошли...

И меня словно ледяной водой окатило. Я аж дышать перестал от шока. Нет, я знал, что вскоре это случится, но оттого, что Женя на работе, у меня ноги подкосились, а я вообще человек

жутко волнительный.

— Алис, ты уверена? — спрашиваю, кое-как совладав с собой.

— Уверенней некуда, — шикнула она и, когда она встала, я увидел на ее шерстяном светло-зеленом платье мокрое пятно, черт...

Дорога до родильного отделения была запоминающейся. Телефон стоял на подставке, и из него взволнованный Женя пытался поговорить с матерью своего ребенка. А я матерился на него, что он, зараза такая, сидит на работе, тинэйджером развлекая, в то время как я тут трясусь от напряжения, а Алиса жмурится от боли.

POV Женя

Все было более чем просто хорошо. Все было невероятно прекрасно, не считая того факта, что родня Алиски объявила мне холодную войну. После развода они запретили мне переступить порог их дома и велели забыть даже их имена. Ромкины были вежливы до холодности, но, по крайней мере, не мешали нам. Я переживал за свою бывшую жену, ведь вся эта ситуация была малоприятна для нее. Но она меня клятвенно заверяла, что я и мой любимый заменили ей всех и вся. А малышка, что должна была скоро явиться на свет, величайший из подарков в ее жизни. И вообще, она нам обязана, а не мы ей.

Вдохновение не покидало меня, ведь рядом был мой муз, который одним лишь своим присутствием давал небывалый подъем творческого восторга, плескавшегося в крови.

Я стану отцом, представляете? Вот прямо сейчас, когда в трубке слышу ее хриплый голос, а Ромка весь на взводе ворчит, я как никогда осознал то, что вскоре на земле появится маленькое чудо с частичкой меня. Моя дочь! Моя маленькая принцесса.

Это было настоящим подарком для нас с Ромкой. Ведь, возможно, в ближайшем будущем мы бы захотели иметь малыша, и пришлось бы искать суррогатную мать, а тут родная и искрометная Лисица подарит нам такое счастье.

— Тш-ш, Ром, я сейчас отпрошусь и примчусь на такси, не переживай, — пытался я успокоить любимого, правда, тщетно. Если он на взводе, то это как минимум жуткое зрелище. И успокоить его о-о-о-о-очень трудно. Я так думаю, Алиса родить успеет, а он все еще колотиться будет.

...

Роды были без осложнений, слава Богу.

Сидя на неудобном стуле и держа Рому за руку, я пытался успокоить его, словно он отец, а не я.

— Будешь так напрягать свое лицо, к сорока станешь морщинистым, как старый дед, — поддеваю его намеренно.

— И что, бросишь меня тогда? — ехидно спрашивает. Опа, клюнул...

— Естественно, зачем мне старый хрыч. Найду моложе, — фыркаю, а в глазах бесята плещутся.

Рома... Знал бы ты, как сильно я люблю тебя, так сильно, что порой боюсь спугнуть своим

напором. Боюсь задушить силой своих чувств. Я ловил каждый его жест. Малейшее изменение в его лице. Каждую эмоцию. И радость, и грусть. Усталость и злость. Все пытался запечатлеть на фото либо на картинах.

У меня уже около десяти папок, в которых хранилось пара тысяч так точно его фото. А он лишь закатывал глаза, говоря, что я безумен, а после долго исцеловывал с тлеющим удовольствием на дне кофейных очей. Рома... Он все для меня. Он стал моим воздухом. Жизнью... Смыслом.

— А я не сказал, что отпущу тебя добровольно, — оскалился он в ответ. А я уже был готов довольно заурчать ему на ушко, но в этот самый момент нам разрешили войти... Сказав, что родилась девочка под четыре килограмма.

Обратились, кстати, к Роме, думая, что он отец, а меня вообще пропускать к ребенку не хотели, мол, нечего... Уговаривая медперсонал почти полчаса, мы таки добились, чтобы нас обоих пропустили и, войдя в палату, так и замерли на входе.

— Привет... — протянул я, взволнованно подойдя к постели Алисы, на руках которой была малышка.

— Дай ее мне, — в один голос произнесли мы с Ромой. А после, удивленно глянув друг на друга, решили не спорить, а просто посмотрели на нее с рук матери.

— Красавица, — улыбнулся я, сияя от непередаваемых эмоций.

— У нее глазки твои, — прошептал пораженно мой любимый, вглядываясь в личико появившегося на свет человечка.

...

Сразу в глубине души я переживал, что, возможно, нашего с Алисой ребенка Рома будет недолюбливать. Но я ошибся. Он был самым ревностным родителем. Чаше нас обоих вместе взятых улюлюкал над малышкой, лучась удовлетворением, и не мог отвести от нее своих глаз.

— Ее насыщенные синие омуты сводят меня с ума. Твои же глаза на лице маленького человечка. Ее невозможно не любить, родной, ведь она — это ты. Ведь она часть тебя. А твой ребенок — мой ребенок, — искренне сказал он как-то вечером, когда на его руках спала Майя. Сказал это хоть и шепотом, но с такой теплотой в голосе, что я прослезился. Прослезился от счастья.

Эти слова дороже многого. Дороже громких слов любви. Просто смотреть на его бережную заботу и полные нежной трепетной любви глаза, понимая, что, написав всего одно слово, я приобрел много больше, чем ожидал.

===== ♥ =====

От автора: Наваялось песней «IOWA — Одно и то же». Слова взяты из нее. Это просто зарисовка, но по времени это примерно спустя 2 года после эпилога.

POV Женька

Как дельфины, мы уходим в плаванье...

Ища вторую половину,

Ища стабильность, сильную спину,

Я жду опять, когда не будем, как они,

Мы притворяться сильными,

Или бояться быть... некрасивыми.

Одно и то же, нам же нравится одно и то же —

Смотреть в окно, искать людей похожих.

Я стою возле сцены, прямо под ней, всего в паре метров от безумно любимого мной.

Сегодня ровно год с того дня, как мы открыли свой клуб. Точнее, клуб был Ромки, а я же был здесь его помощником и собственноручно разрисовывал стены по своему вкусу. Алиска была кем-то вроде управляющего — заботилась о финансах, затратах и так далее. А сам же хозяин заведения, Рома, играл здесь по вечерам собственные песни. Довольны, по итогу, остались все. Я обустройстваю, а заодно привлекаю внимание к своему таланту, мой парень играет и привлекает внимание к своему таланту, а Алиса занимается тем, на что училась, собственно.

Глядя в его глаза, что видят только меня в этой толпе, я в который раз удивлялся, как смог этот безупречный, воистину великолепный мужчина полюбить меня, несурзадного. Полюбить настолько, что отказался от всего, лишь бы быть со мной.

Его мягкий голос переливался на волнах музыки. Длинные, изумительные, изящные пальцы перебирали струны, казалось бы, лениво, но так умело. Его касания всегда были так легки. Невесомы... Мне безумно нравилось наблюдать за ним, слушать, как он играет или поет. Он очень менялся, когда занимался любимым делом. Очень... Вот и сейчас, он исполняет песню, что посвятил нам, нашей любви, паре, отношениям, семье. Он нередко это делал, но каждая его композиция надолго застревала в моем мозгу рифмованными строками и музыкальными нотами. Пронзала мое сердце, беспощадно впиваясь и не отпуская. Я всегда выискивал в каждом слове смысл, подтекст.

Одно и то же, нам же нравится одно и то же —

Смотреть в окно, искать людей похожих.

Его голос окутал меня, а взгляд заставляет плавиться, ощущать себя мороженым на кончике его языка. Его любовь такая очевидная. Он настоящий. Открытый. Он мой... Завороженно слушаю, ожидая дальнейшие строки.

Я знаю, как-нибудь мы перестанем ссориться. Я верю в невозможное,

Учесть ошибки прошлого. Так не сложно,

Но...

По кругу всё, война идёт,

По кругу всё, сметая годы за собой,

Ты лучше помолчи со мной...

Одно и то же, нам же нравится одно и то же —

Смотреть в окно, искать людей похожих.

И это правда. Мы срослись и стали одним целым. Наши души и сердца связаны толстым канатом любовной связи, сильнейших эмоций. Это нерушимо. Это вечно. Такое даже смерть разрушить не сможет...

Одно и то же, нам же нравится одно и то же —

Смотреть в окно, искать людей похожих.

Он повторяет, а слова врезаются в меня тараном. Музыка заполняет меня, напитывает. Я знаю, что эту песню он теперь станет напевать мне на ушко перед сном, или когда мы просто будем сидеть на балконе и курить, молча глядя на небесное зарево. Ведь понимаем друг друга с полуслова, с краткого взгляда или жеста. Это так легко и сложно одновременно. С ним так хорошо, что страшно. Я так люблю его, что порою больно... Больно от мысли, что все может закончиться. Глупый страх, но уходить он не желает.

Одно и то же, мы... одно и то же,

Мы одно и то же...

Мы же... одно и то же...

Его голос чуть надрывен, песня настигает апогея. Его рука терзает струны, а глаза все еще не теряют контакта с моими. Люблю тебя... шепчу одними губами, улыбаюсь ему. Тепло. Нежно. От чистого сердца. Получая в ответ его улыбку. И мы понимаем то, что сказали бы сейчас друг другу, молча... Понимаем лишь мы, остальные вокруг довольствуются малым — его голосом, как бы прекрасен он не был, лишь голоса мне было бы чертовски мало. Он нужен мне весь. Всегда. Много.

Как здорово, что мы остались

В тишине, размышлять над крышами, как эти голуби,

Открой глаза, я принимаю всё в тебе,

Я говорю и смотрю назад, а у тебя мурашки по коже...

Последние слова шепотом, практически одними губами, персонально мне...

Это непередаваемое ощущение. Ощущение восторга души и сердца, восторга тела.

Закусив губу, сдерживаю слезы, это неуместно, не при всех. Хочу поцеловать его, сжать прохладную руку и просто молчать. Хочу быть с ним наедине прямо сейчас. Дышать им и целовать. Хочу всегда быть с ним, каждую секунду, минуту, мгновение. Перекрашивать полосы его жизни в разноцветные цвета счастья, любви и ласки. Хочу быть его солнцем и воздухом...

Протянутая рука мне... Я знаю ее на ощупь, я давно выучил малейшие разветвления линий на его ладони... Беру ее и поднимаюсь на сцену к нему, улыбаюсь всем, не глядя даже, кто там в зале. Это все так неважно, когда он рядом.

Мы просто теперь — одно и то же.

===== ...♥... =====

POV Рома

Теплый сентябрьский вечер. Листья разноцветным калейдоскопом оттенков от золотистого до алого рассыпались по темному асфальту, окрашивая блеклые улицы в яркие цвета осени. Красивая пора, а раньше я этого не замечал, точнее, я не мог увидеть истинной ее красоты. Меня научил этому один великолепный человек. И нет, он не объяснял мне долгими днями или же вечерами, что есть красота. Он просто показывал мне свое видение прекрасного, рисуя...

— Па-а-а-ап...

Майя дергает за руку Женьку, который всем своим видом показывает, что готов выпить валидола, ибо нервишки шалят, ох, шалят. Мы гуляем уже около двух часов, а малышка горит желанием скупить как минимум половину игрушек из ларьков, мимо которых мы идем.

— Ну, Жучок, у тебя дома точно такая же кукла, только у нее розовые волосики, зачем тебе такая же с голубыми? — умоляюще смотрит он на нашу дочь, Алиса же посмеивается рядом со мной. Ну а что? Стандартная ситуация, я даже предполагаю, чем все закончится.

Девочка, насупившись, поворачивается ко мне, мгновенно распахнув пошире глазоньки. Я знаю уже, что произойдет дальше.... Это ее способ манипулировать мной, да-да, именно манипулировать, ведь она знает, что посмотрев на ее умоляющее лицо и невинный ангельский взгляд, я куплю ей все, что она пожелает.

— Па-а-а-ап... — хлопает длинными ресничками, смотрит глазами самого любимого и дорогого мне человека. Как могу я отказать этому синеглазому счастью? Как могу отказать ребенку со столь идеальной улыбкой, в которой я вижу ее отца?

Под гневное пыхтение моего художника и укоризненный взгляд матери малышки достаю деньги и покупаю игрушку. Пятую по счету... за вечер. Ну, нравится девочке много красивых игрушек, что здесь зазорного? Я и так покупаю меньше половины того, что она просит, правда, в прошлом месяце купил безумно дорогой кукольный домик. Женя на меня после обижался полдня, даже спать в зал ушел... только вот я за ним следом. Не могу спать без него.... Разучился.

— Ром, ты ее избаловал уже, а ей только четыре! Она же не знает слова «нет»!

— Жень, родной, ну ты чего? Хочешь, я и тебе куколку куплю? — подмигнув ребенку, спрашиваю у милого. Как и всегда, любимый мной до безумия закатывает глаза и сдается, лишь буркнув под нос:

— Невыносимый....

— Я тоже тебя люблю, — коротко целую мягкие губы со вкусом клубники, что мы съели недавно.

Невыносимо коротко, но от того не менее сладко. Каждый поцелуй словно впервые. Все так же трепещет сердце. Все так же дрожью по телу... заставляя забыть, как дышать и мыслить.

Жаль, что страна особой толерантностью не блещет, как бы печально это не звучало, тогда бы я целовал его всегда, везде и помногу раз. Однако, что есть, то есть.

Знаете, годы идут, и мне вроде давно пора привыкнуть, что мы вместе, что у нас есть дочь и Алиса, которая стала подругой, сестрой, родным человеком, а я не могу....

Порой просыпаюсь в ночи, боясь разбудить златовласое счастье на своей груди, боясь, что однажды, открыв глаза, пойму, что все это сон, плод воображения сошедшего с ума мозга от безумной тоски. Но каждый раз вдыхаю его потрясающий запах полной грудью, прижимаю к себе его горячее тело до хруста, целую до боли любимые губы. Пробуждаю, слыша его довольное урчание, чувствуя, как отзывается он на мою ласку, и я понимаю, что все реально.

— Я говорил тебе, что люблю? — спрашиваю шепотом в ночи, даже не пытаюсь скрыть улыбку.

— Говорил... пару часов назад, но я готов слушать это бесконечно, — сонно в ответ.

А дальше... дальше нам снова не до сна. Мы зажигаем ночи огнем любви своей. Мы сотрясаем небеса каскадом фееричного наслаждения, водопадом сияющих звезд чувственного удовольствия. Наполняем воздух запахом нашей страсти... симфонией блаженных стонов и шепотом признаний... до хрипа.

Люблю его... Восхищаюсь им. Ценю и очень боюсь потерять. Я благодарен ему, что он появился в моей жизни. Я счастлив, что тогда, в тот зимний вечер, я вбил в свой телефон его номер, а лист объявления сжег. И не хочу даже допускать мысли, что на моем месте, рядом с ним, мог быть кто-то другой. Он мой. Навсегда...

===== 14 февраля... =====

POV Женя

Нет, только не он.... Господи, умоляю тебя, прошу, пусть это будет не мой Ромка, пожалуйста...

Мысли хаотично скачут в мозгу, внутри все сотрясается подобно пытающемуся взорваться вулкану.

Двое погибших, у троих — критическое состояние, еще у почти двадцати — ранения разной тяжести. Страшные слова. Слова, убивающие надежду, слова, терзающие до боли, вызывающие оцепенение... Способность здраво мыслить напрочь отсутствует. Лишь импульсы. Лишь желание скорее найти его, обнять, прижать к себе, ощутить тепло его ЖИВОГО тела. Я не могу потерять его. Я не готов. Я никогда не буду к такому готов...

Будет ли уместным в данный момент мне описывать, что произошло? Ладно, но вкратце.

Сегодня, 14 февраля, в 21:13 из-за неустановленных на данный момент обстоятельств обвалилась крыша; поправочка: увесистая многотонная крыша нашего клуба. Просто в один миг стоит клуб целый, пуф — клуб развален. Почему? За что? Случайно аль нет — мне нет никакого дела. Мне абсолютно плевать и на то, что угроблены многолетние труды.

Я мчусь к уже бывшему зданию нашего заведения с ноющей надеждой внутри.

Пусть он будет жив...

Прошу...

Умоляю...

Мышцы сопротивляются такому долгому бегу. Сердце грозит выскочить из груди, а легкие нещадно болят. Дыхание вырывается болезненными прерывистыми вздохами. А глаза... Глаза щиплет, словно в них песка насыпали, но плакать... Плакать сейчас глупо, соленой водой несчастью не поможешь. Влагой любимого не спасешь.

Пешеходный переход. Гудящие недовольные водители, скрип тормозов и воистину могучий русский мат во всей его красе раздаются мне вслед. Плевать... Мне на все плевать, только вперед, без тормозов.

Там он... нуждающийся, любимый, единственный.

Там он... половинка души моей, жизнь моя, боль моя, кровь моя.

Там он... сон мой, грезы мои, слезы мои.

Там он... тот, без которого я разучился дышать, без которого не хочу жить, без которого я — уже не я.

Спотыкаюсь и падаю, тормозя ладонями о грязный влажный асфальт. Свежие ссадины начинают кровить и противно жечь, а мне плевать. Меня не остановит даже боль. Она не замедлит, не украдет у меня и пары минут, таких драгоценных, жизненно важных. Обтираю небрежно ладони о светлые джинсы, оставляя грязные кровавые разводы на бедрах, и вперед... дальше, еще ближе.

Не хочу думать о том, что один из погибших — brunet, который по описаниям идеально подходит к типажности Ромы. Не хочу, но не могу запретить страшным, кровавым, убивающим меня медленно, но верно, мыслям, заполнять мой мозг, словно кислота, прожигать в нем зияющие дыры.

Он не посмеет... так со мной поступить. Нет...

Он не посмеет... бросить меня одного, одинокого в этом гребанном мире, ведь без него он не нужен мне. Нет...

Он не посмеет... бросить Майю, она ведь как дочь ему, пусть и не кровно родная. Нет...

Он не посмеет...

Еще один поворот, и я буду на месте. Уже отсюда слышен вой сирен скорой помощи... Страшно. Жутко. Дико. Эмоции, как отвратительно смешанный коктейль из несовместимых составляющих, травят меня. Но это неподконтрольно. Это подсознательно.

Куча носилок. Кто-то плачет, кто-то звонит, а кто-то лежит, уже никогда не познающий радости жизни. Бездыханно. Недвижимо.

Копна смоляных волос, черных, как вороново крыло, рассыпана по грязно-белой ткани носилок. Руки с легким загаром безвольно свисают с краев. Нет... Нет-нет-нет!!!!!!! Рома... Сердце замирает, пропуская удар за ударом. Дыхание сковывающимся ужасом застревает в груди до боли. Шок, невероятный, всеобъемлющий. Нет... Нет! Не может такого быть... Его штаны изорваны, ноги окровавлены, обуви попросту нет... Рома...

Рвусь через толпу, глаза сфокусированы на одной единственной точке. Шальные. Дикие. Распикиваю бесцеремонно, отталкиваю медперсонал, что был поблизости. Дайте доступ к нему

немедленно! Я должен убедиться в том, что нить жизни моей на этой земле еще не оборвана, ведь без него не станет меня. Тупо не станет. Это уже давно больше чем любовь, больше чем зависимость и привычка, больше привязанности, больше даже чем родственная, кровная связь. Мы срослись душами, впитали запах друг друга, проникли под кожу, мы давно внутривенно употребляем друг друга. Наркоманы, вечно подсевшие на глубокие чувства. Не отпускающие. Убийственно прекрасные в своей яркой палитре цветов, ласк и эмоций.

Кто же я без него? Никто.

Как же я без него? Никак.

Внутри без него станет пусто,

А жизнь превратится в пустяк.

Рывком к нему. Последняя преграда в виде полноватой женщины бальзаковского возраста. Стараясь быть аккуратнее, вежливее, терпимее, отодвигаю ее и бледный, испуганный, отчаявшийся опускаю взгляд на того, кто так дорог мне. На того, кто лежит с виду бездыханно, лишь тонкая стальная игла торчит из его вены, лишь она пока доказательство того, что он жив.

— Молодой человек, немедленно отойдите от пострадавшего!

— Нет, — твердо, хоть и надрывно отвечаю. Провожу осторожно, бережно пальцами по его щеке, стираю с нее пыль и грязь. Глажу по сбившимся волосам.

— Кто вы ему? Родственник?

— Да, — на автомате, словно из вакуума вырывается. Теплый... живой...

— Брат?

— Нет, я его, можно сказать, муж. Что с ним? — не поворачиваясь к ней, спрашиваю.

— Вероятнее всего сотрясение, скорее всего, переломана пара ребер, без рентгена и обследования сказать сложно, — начинает та не слишком довольно отвечать.

— Он ведь выживет? — перебиваю.

— Конечно, глупый вопрос, мужчина. Он, можно сказать, всего парой царапин отделался. Вы едете с ним?

— Глупый вопрос, женщина, — в тон ей отвечаю, довольно холодно. С болью слежу, как помещают его каталку в машину скорой помощи, и сам залезаю. Беру его руку. Грязную, теплую. Подношу к губам и, прикрыв глаза, тихо радуюсь, что он жив.

...

— Жень, тебе нужно поспать и поесть нормально, — кофейные глаза лучатся нежностью. Горячая крепкая ладонь сжимает мою руку.

— Посплю и поем, когда ты дома окажешься, — бурчу недовольно и утыкаюсь снова в его шею. Осторожно.

— Я Майю попрошу, чтобы она тебя воспитала получше. Уж она-то умеет, — улыбка, полная

любви на потрескавшихся губах.

— Ты хоть можешь себе представить, что я пережил, пока бежал к тебе тогда? Я умер изнутри сотни раз. Меня словно расчленили. Выпотрошили. Разрезали, вскрыли грудную клетку и солью с песком посыпали.

— Прости...

— Нет, дослушай меня, Рома, — прикладываю ладонь к его рту, получая поцелуй в линию жизни. — У меня сердце разрывалось на части, кровь леденела в жилах, словно часть души отрезали тупым неровным ножом. Да у меня все вокруг черно-белым резко стало. Я ни дороги не видел, ни пешеходов, ни машин. Никого. Ничего. Я так боялся потерять тебя, я и сейчас боюсь, я просто не переживу такое еще раз, — в конце я перехожу на шепот. Надрывный, хриплый, полный боли.

Что бы ни говорил я, как бы ни пытался описать силу разрывавших меня эмоций, весь ужас и панический страх потери, я все равно не смогу объяснить. Не сумею. Мне банально не хватит красноречия. Хотя я подозреваю, что, даже имея его, я не выразил бы всю глубину моей беспросветной бездны отчаяния в тот момент. На то она и бездна...

— Жень, родной, прости, — теплые, такие любимые и обожаемые мной губы успокаивающе целуют. Виски, брови, веки. Снимают с уголков соленые слезы, что все же вырвались из глаз. Я все же даю слабину... С ним можно. С ним можно все...

— Не пугай так меня больше, я слишком сильно люблю тебя, чтобы смочь жить на этой земле без тебя...

Меня затыкают поцелуем. Разумно и действенно, только вот шипение оттого, что я уткнулся в его сломанное ребро, отрезвило меня быстро.

— Ой, прости, — виновато улыбаюсь, а тот заливается хриплым смехом.

— Все, пошел отсюда, быстро! Ты скоро станешь как привидение, и так вон круги под глазами синющие. Раньше завтрашнего утра даже не смей появляться, понял?

— Понял-понял, приснишься мне?

— Приснюсь, а когда выпишусь, то не выпущу из квартиры, да что там... из постели несколько десятков лет.

— Договорились, — улыбаюсь и, встав, потягиваюсь затекшими конечностями.

— Люблю тебя, золотой.

— И я люблю тебя, мой кофейный.